

ДИН КУНЦ

ФРАНКЕНШТЕЙН: ПОТЕРЯННЫЕ ДУШИ

КНИГА-ЗАГАДКА

Впервые
на русском
языке!

КНИГА-МИСТИКА

Annotation

Контрольный выстрел в голову показался бы детской шалостью по сравнению с тем, как расправились с Виктором Франкенштейном его потенциальные жертвы. Но безумный гений заранее позаботился о своем бессмертии, и вот уже на сцене появился его клон, намного более опасный Виктор Лебен. Безупречный Виктор, как он сам себя называет. И так же как его создателя спонсировали Гитлер и Сталин поочередно, этого Виктора тоже поддерживает кто-то могущественный.

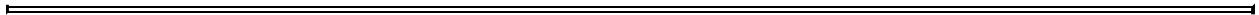
Безупречный начинает осуществлять свой проект – уничтожение всего человечества и самой земной истории. В маленьком американском городке страшной смертью гибнут его обитатели. Но именно здесь Безупречному предстоит столкнуться с первым созданием Франкенштейна – взбунтовавшимся Девкалионом. Среди противников сатанинского зла – Эрика Пятая, выращенная в резервуаре сотворения, и семейная парочка частных детективов, немало содействовавших уничтожению прототипа этого Виктора.

-
- [Дин Кунц](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)

- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

Дин Кунц

Потерянные души

«Люди не сильно отличаются в определении зла; но насчет того, какое зло полагать допустимым, различия огромны».

Г. К. Честертон

Эта книга посвящается Дивайн и Флетчеру Бакли, помогающим друг другу сохранять здравомыслие в мире, который становится все безумнее. Пусть в вашей жизни будет много хороших книг, хорошей музыки, хороших друзей и – с учетом ваших предпочтений во время отпуска – только хорошие медведи.

Глава 1

Октябрьский ветер дул со звезд. Казалось, он сметает бледный лунный свет с шиферных крыш церкви и аббатства, с высоких окон, с каменных стен. И там, где на лужайках недавние заморозки обесцветили траву, в холодном лунном свете она выглядела, как лед.

В два часа ночи Девкалион вышагивал по периметру семиакрового участка, следуя контуру опушки леса, окружающего аббатство. Ему не требовался свет фонаря, чтобы находить путь. Девкалион прекрасно обошелся бы без него и в темноте горных лесов.

Время от времени он слышал звуки, доносящиеся из темноты, царящей между сосен, но тревоги они не вызывали. Он не имел при себе оружия, потому что ничто его не пугало: ни в лесу, ни в ночи, ни на Земле.

И не физическая сила (пусть его отличали и необычайно высокий рост, и необыкновенно могучие мышцы) являлась причиной его уверенности в себе и храбрости.

Он спустился с холма мимо школы святого Варфоломея, где сироты с физическими и психическими недостатками летали во сне под приглядом монахинь-бenedиктинок. По словам сестры Анжелы, матери-настоятельницы, чаще всего ее юным подопечным снилось, что они усилием воли взмывают в небо, летят над школой, аббатством, церковью, лесом.

Во всем здании свет горел только в окнах кабинета сестры Анжелы на первом этаже. У Девкалиона мелькнула мысль попросить у нее совета, но сестра Анжела не знала всей правды о нем, а ее следовало знать, чтобы понять возникшую у него проблему.

Проживший столетия, но юный душой, рожденный не от мужчины и женщины, а слепленный из тел умерших преступников и оживленный ударом необычной молнии, Девкалион именно в монастырях чувствовал себя как дома. Первое – и, как он верил, единственное выжившее – создание Виктора Франкенштейна, он не принадлежал к этому миру, но при этом не ощущал себя чужаком в аббатстве святого Варфоломея. Ранее он чувствовал себя своим во французских, итальянских, испанских, перуанских и тибетских монастырях.

Он покинул свою келью в гостевом крыле, потому что его не отпускало совершенно иррациональное предчувствие дурного, от которого он никак не мог отделаться. И надеялся, что прогулка по прохладному

горному воздуху освободит разум от необъяснимой тревоги.

К тому времени, когда Девкалион, замкнув круг, подошел к дверям церкви аббатства, он уже понимал, что предчувствие дурного основано не на дедуктивных выводах, а на интуиции. Ему хватало ума и опыта, чтобы знать – интуиция – высшая форма знания, пренебрегать которой нельзя ни при каких обстоятельствах.

Не входя в дверь, он покинул ночь и ступил в нартекс церкви.

У входа в неф решился опустить два пальца в чашу со святой водой, перекрестился, воззвав к Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Существование Девкалиона являло собой богохульство, бросало вызов святому порядку, потому что его создатель – простой смертный – восстал против Всевышнего и против закона природы. Однако у Девкалиона были причины надеяться, что он не просто существо из плоти и костей и не будет обречен на забвение.

Не сделав ни шага по центральному проходу, с порога нефа он перенесся к далекому ограждению алтаря.

Церковь куталась в тених, подсвечивалось только распятие над алтарем, да перед ликами святых горели свечи в стаканчиках из красного стекла.

Появившись у ограждения, Девкалион почувствовал, что в церкви он не один. Поймав движение краем глаза, он повернулся, чтобы увидеть монаха, поднимающегося с первого ряда скамей.

При росте в пять футов и семь дюймов и весе в двести фунтов, брат Сальваторе был скорее крепким, чем толстым, чем-то напоминая автомобиль, спрессованный в куб гидравлическим прессом. Выглядел так, будто пули отлетали бы от него.

Грубое лицо Сальваторе наводило страх, когда в молодости он жил за чертой закона. Но шестнадцать лет монастырской жизни годы искреннего раскаяния и замаливания грехов, смягчили резкие углы, наполнили когда-то холодный взгляд серых глаз добротой, а улыбку из жестокой превратили в блаженную.

В аббатстве он был самым близким другом Девкалиона.

На его руках, держащих четки, в глаза прежде всего бросались костяшки, и именно так другие бандиты прозвали его в прошлой жизни. Да и здесь, в монастыре святого Варфоломея, его называли братом Костяшки.

– Кто, по преданию, убил сон? – спросил Костяшки.

– Макбет.

– Я не сомневался, что ты знаешь.

Возможно, потому, что Девкалион родился от мертвых, ему не

требовался каждодневный сон, без которого не могли обойтись рожденные от живых. В те редкие ночи, когда Девкалион спал, ему всегда что-то снилось.

Брат Костяшки знал правду о Девкалионе – его создание в лаборатории, его рождение от молнии, его ранние преступления, его стремление к искуплению грехов. Монах также знал, что бессонные ночи Девкалион по большей части посвящал чтению. И за двести лет прочитал и перечитал такое количество книг, что они могли бы составить едва ли не самую большую библиотеку этого мира.

– В моем случае это не Макбет. Воспоминания, – продолжил монах. – Воспоминания – чистый кофеин.

– Ты получил отпущение грехов за свое прошлое.

– Это не означает, что прошлого не было.

– Воспоминания – не тряпки, которые становятся чистыми, если их достаточно долго тереть.

– Наверное, я проведу остаток жизни, оттирая их. Что привело сюда тебя?

Проведя рукой по изуродованной половине своего когда-то красивого лица, Девкалион пробормотал: «Он воскрес».

Монах бросил взгляд на распятие.

– Не такая уж это новость, мой друг.

– Я про моего создателя – не про твоего.

– Виктора Франкенштейна?

Имя и фамилия эхом отдались от куполообразного потолка, чего не случалось с другими словами.

– Виктора Гелиоса, как он называл себя в последнее время. Я видел, как он умер. Но он снова живет. Каким-то образом... он живет.

– Откуда ты знаешь?

– Как ты узнаешь самое важное из того, что тебе ведомо?

Монах вновь посмотрел на распятие.

– Через свет откровения.

– В моем откровении света нет. Это темный прилив в моей крови – темный, холодный, густой и настойчивый, говорящий мне: «Он жив».

Глава 2

Эрскин Поттер, будущий мэр Рейнбоу-Фоллс, штат Монтана, медленно бродил по темной кухне, ориентируясь по зеленому свету цифровых часов на двух духовках.

На верхней они показывали 2:14, тогда как на нижней 2:11, словно время у пола текло медленнее, чем ближе к потолку.

Во всем стремясь к совершенству, Поттер захотел переставить часы на 2:16, истинное время. Ко времени следовало относиться уважительно. Время – смазка, которая позволяет плавно функционировать механизму вселенной.

Закончив с более важным делом, Поттер намеревался переставить все часы в доме. С тем, чтобы дом находился в полной гармонии со вселенной.

А потом регулярно проверял бы часы, чтобы убедиться, идут ли они правильно. Если бы они спешили или отставали, Поттеру не составило бы труда их отрегулировать.

Кружа по кухне, он проводил рукой по прохладным гранитным поверхностям столешниц... и нахмурился, наткнувшись на крошки. Они впились в ладонь.

Он поднял ладонь к носу и понюхал крошки. Тесто, масло сои, пальмовое масло, сыр из обезжиренного молока, соль, перец, дрожжи, соевый лецитин.

Слизнув крошки с ладони, он подтвердил сделанный анализ: крошки от соленых галет с сыром «Чиз-ит».

Галеты «Чиз-ит» ему нравились. В отличие от крошек, оставленных на кухонной столешнице. Такое он терпеть не мог.

Подойдя к плите, он поднял решетку одной из газовых горелок, отложил в сторону, помялся, потом все-таки провел пальцем по нержавеющей поддону. Жир.

Эрскин Поттер считал, что плиту необходимо чистить после каждой готовки, а не один-два раза в неделю. Любой инструмент, или механизм, или система работали лучше и служили дольше, если поддерживались в чистоте и порядке.

В раковине он нашел посуду, которую следовало вымыть: тарелки, миски, ложки, ножи и вилки, сунутые в стакан. Но остатки пищи с посуды все-таки смыли.

Он не сразу открыл холодильник, предполагая, что увиденное там его

разозлит. А злость снижала концентрацию и уменьшала эффективность.

Концентрация и эффективность играли важную роль. Так мало людей этого мира обладало должными концентрацией и эффективностью. Ради блага этой планеты таких вот рассеянных и неэффективных следовало убить.

Став мэром Рейнбоу-Фоллс, штата Монтана, он не обладал бы достаточной властью, чтобы уничтожить миллионы людей, но собирался достойно выполнить возложенную на него миссию. Какие бы властные полномочия ни получал член Коммуны – с большой буквы «К», – какое бы ни выполнял задание, его ценили точно так же, как любого другого.

Абсолютное равенство – этот принцип по важности не уступал концентрации и эффективности.

Всестороннее сотрудничество с другими членами Коммуны тоже входило в число важных принципов, таких, например, как поддержание режима секретности: обычные мужчины и женщины не должны были знать о существовании Коммуны.

Были и другие важные принципы, но ни один не считался важнее другого. Отсутствие иерархии ценностей упрощало принятие решений. Столкнувшись с любой проблемой, оказавшись в сложной ситуации, Эрскин Поттер – как и любой член Коммуны – принимал наиболее эффективное решение, стремясь максимально быстро добиться нужного результата, и никогда не сомневался в том, что действует правильно.

Под моралью подразумевалась эффективность. Под аморальным – неэффективное.

Проверяя собственный самоконтроль, рискуя разозлиться, Эрскин Поттер открыл холодильник. Какой бардак!

Банки с оливками и маринованными огурчиками стояли на одной дверной полке с пластиковой бутылкой шоколадного сиропа. Каперсы, горчица, кетчуп и сальва, которым полагалось составлять компанию оливкам и маринованным огурчикам, оказались на одной полке с баллоном взбитых сливок и банкой вишенки для коктейлей, которые, очевидно, следовало ставить к шоколадному сиропу. И на полках тоже все стояло вперемешку.

Ужаснувшись, Поттер даже зашипел сквозь стиснутые зубы. Но, несмотря на негодование, не позволил себе разозлиться.

В твердой решимости быстро завершить порученное дело, закрыл дверцу холодильника.

Над его головой чьи-то шаги пересекли комнату. И тут же Поттер услышал, как кто-то спускается по лестнице.

В коридоре вспыхнул свет. Пройдя сквозь хрустальный плафон, лег геометрическими фигурами на пол и стены, будто разделив реальность на фрагменты.

Эрскин Поттер не убежал. Не спрятался. Остался у холодильника.

В дверном проеме появился силуэт. Под потолком кухни зажглись флуоресцентные лампы, наполнив воздух холодным белым светом.

В пижаме и шлепанцах, вероятно, решив утолить ночной голод, *нынешний* мэр Рейнбоу-Фоллс, штат Монтана, появился на кухне. Ростом пять футов и десять дюймов, весом в сто восемьдесят фунтов, пятидесяти двух лет от роду, с каштановыми волосами и круглым, добрым лицом, сын Лоретты и Гейвина Поттер. Звали его Эрскин.

Нынешний мэр Поттер застыл, не веря собственным глазам, когда увидел на кухне своего двойника.

– Эрскин, – будущий мэр Поттер не стал затягивать паузу. – Мой дорогой брат. Я искал тебя полжизни.

Он солгал. Лоретта и Гейвин Поттер не были родителями незваного гостя. У него вообще не было ни отца, ни матери. Он и не рождался. Его вырастили в считанные месяцы, запрограммировали и отправили в этот мир.

Он прикинулся братом-близнецом майора Поттера лишь для того, чтобы сбить с толку и обезоружить свою жертву.

Произнося эти слова, он уже шел к нынешнему мэру, раскинув руки, словно решив обнять родственника, с которым так давно не виделся. Схватил мэра за плечи, резко вогнал колено ему в промежность и толкнул в угол у двойной духовки с неправильно установленными часами.

Из-под пиджака вытащил какое-то устройство, похожее на пистолет. Прижал ствол к левому виску мэра и нажал на спусковой крючок.

Вместо пули устройство выстрелило иглой, которая пробила череп и вошла в мозг на заданную длину.

И мгновенно мэр перестал хвататься за расплюснутые яйца, перестал жадно ловить ртом воздух. Глаза его широко раскрылись, словно у удивленного ребенка.

Химический состав, покрывавший иглу, ускорял свертываемость крови, поэтому из раны не вылилось ни капли.

У иглы была шляпка. Не плоская, а закругленная, напоминающая шляпку обойного гвоздя.

Круглая шляпка выглядела, как серебристое насекомое, прильнувшее к виску мэра. Игла служила зондом, в шляпке находилась электронная начинка, сложные наносхемы.

Незванный гость отвел ставшего покорным мэра к столу, выдвинул стул,

приказал: «Садись».

Когда мэр сел, положив руки ладонями вверх на колени, незванный гость прошел к двери черного хода и открыл ее.

С крыльца в дом вошли женщина и девушка-подросток. Нэнси Поттер, сорока четырех лет, с начесанными светлыми волосами, и четырнадцатилетняя Ариэль. Двойники настоящих Нэнси и Ариэль – выращенные, запрограммированные и выпущенные в мир девятью днями ранее.

Нэнси тихонько закрыла дверь черного хода. Ариэль оглядела кухню, потом подняла глаза к потолку. Нэнси тоже посмотрела на потолок, а потом переглянулась с Ариэль.

Провожаемые взглядом двойника Эрскина Поттера, женщина и девушка вышли из кухни в коридор, к лестнице, ведущей на второй этаж. Ему нравилось, как грациозно и эффективно они двигались. Точно так же двигался бы он сам.

Он сел за стол напротив настоящего Эрскина Поттера, наставил на него пистолет и нажал на спусковой крючок. Устройство содержало только одну иглу. Второй выстрел являлся телеметрическим сигналом, который активировал электронику в головке иглы, начиная передачу информации в накопительный модуль в голове двойника.

И хотя незванный гость полностью контролировал происходящее на кухне, через его мозг проносились образы, выуженные из серого вещества мэра, потоки образов, в большинстве своем связанные и последовательные, частично разрозненные, касающиеся самых разных моментов его жизни.

Вместе с образами поступала информация: имена, фамилии, места, впечатления, обрывки разговоров, страхи и надежды. Он загружал в модуль воспоминания мэра со всеми свойственными им искажениями и разрывами.

По окончании этой сессии незванный гость вполне мог сойти за настоящего Эрскина Поттера даже среди его ближайших друзей. Он узнал бы всех, с кем когда-либо встречался Поттер, и смог бы подробно описать любую из их прошлых встреч.

Девяностоминутная сессия вызвала у него желание отлить. Он не мог сказать, почему так произошло, но желание было таким сильным, что он едва успел добраться до туалета на первом этаже, не обмочив штаны.

Когда новый – и облегчившийся – мэр вернулся на кухню, прежний все так же сидел у стола, его руки, ладонями вверх, лежали на коленях, на лице читалось изумление. Он не двигался, лишь губы непрерывно шевелились, произнося какие-то беззвучные слова.

Новый мэр помыл посуду, которую оставили в раковине, и разобрался с содержимым холодильника. Поставил всё, как положено, выбросил заплесневелый сыр и пинту сливок, срок использования которых истек уже десять дней назад.

Произошло это в 4:08:24. Его программа позволяла фиксировать время с точностью до секунды. При наличии встроенных в него тысячелетних часов все остальные часы и календари становились излишними.

Прежде чем он успел переставить часы на духовках, сверху вернулись новые Нэнси и Ариэль. За ними плелись настоящие Нэнси и Ариэль, босиком и в пижамах, маленькие серебряные скарабеи поблескивали на их левых висках.

Снаружи донесся шум приближающегося грузовика, прибывшего менее чем за минуту до назначенного срока.

Двойник настоящего мэра Поттера приказал ему: «Эрскин, поднимайся и выходи на заднее крыльцо».

Уже на крыльце, когда грузовой автофургон останавливался на подъездной дорожке, Эрскин поднял руку к виску и осторожно прикоснулся к закругленной головке иглы, которая сверкала, как драгоценный камень в свете фар. Но вытащить иглу он был не в силах.

В холоде ночи теплое дыхание становилось паром. У настоящих Поттеров пар выходил чаще, и его было больше в сравнении с теми, кто присвоил себе их жизни.

Дом располагался на заросшем лесом участке площадью в два акра. Сам участок – на окраине города. Никто из соседей не мог увидеть, как трое прежних обитателей дома уезжают навстречу их незавидной судьбе.

Двое коммунаров вышли из кабины и открыли задние дверцы фургона.

И пока новые Нэнси и Ариэль ждали на крыльце, новый мэр повел бывших Поттеров к заднему борту фургона.

– Залезайте.

В кузове вдоль обоих бортов тянулись скамьи. На правой сидели пятеро в пижамах и ночных рубашках, на левой – двое. Поттеры к ним и присоединились.

Как животные, парализованные страхом, все десятеро смотрели на нового мэра. Никто не кричал, никто не двигался без соответствующего приказа.

В кузове хватало места еще на десятерых. Водителю и его напарнику предстояли и другие остановки.

Как только Поттеры уселись, водитель закрыл и запер задние дверцы.

– За Коммуну.

– За Коммуну, – ответил новый Эрскин Поттер.

Он понятия не имел, куда отвезут тех, кто сейчас сидел в кузове, и как их убьют. Его это не интересовало. И не заботило. В этом мире они были лишними. И получали то, что заслуживали.

Глава 3

Для Карсон О'Коннор-Мэддисон и ее мужа Майкла Мэддисона – дочери копа, расследовавшего убийства, и сына инженера по технике безопасности – два прошлых года выдались очень уж насыщенными, с максимумом убийств и минимумом безопасности. Будучи детективами Управления полиции Нового Орлеана, они раскрыли, что Виктор Гелиос, горделивый миллиардер, сделавший деньги на биотехнологиях, на самом деле Виктор Франкенштейн, проживший двести сорок лет. Объединившись с двухсотлетним Девкалионом, который стремился убить своего создателя, Карсон и Майкл выжили в многочисленных схватках с Новыми людьми Виктора, став свидетелями ужасов, которые не шли ни в какое сравнение с галлюцинациями Эдгара По, накурившегося опиумом. Они преследовали и их преследовали, они стреляли и в них стреляли, и они поглощали горы вкуснейших блюд в таких замечательных заведениях, как «Чудесная еда». Карсон водила самые разные автомобили на очень высокой скорости, а Майкла так ни разу и не вырвало, хотя он постоянно клялся, что это сейчас произойдет, если она не сбросит скорость. Они уничтожили лабораторию Виктора, обратили его в бегство, отведали еще более вкусные блюда в «Акадиане», присутствовали при смерти Виктора, засвидетельствовали гибель всей его Новой расы. У них появилась собака, немецкая овчарка по имени Герцог, которую они спасли от монстров, и в их присутствии загадочный и невероятно талантливый Девкалион излечил тогда двенадцатилетнего брата Карсон, Арни, от аутизма. Придя к выводу, что пора начинать новую жизнь, они ушли со службы, поженились, переехали в Сан-Франциско и уже собрались открыть пончиковую. Но потом поняли, что им нужна работа, позволяющая носить оружие, а потому пончиковую открывать не стали, получили лицензии частных детективов, и очень скоро в Сан-Франциско появилось «Детективное агентство О'Коннор-Мэддисон». Они пережили трудные дни, научились пользоваться палочками вместо ножей и вилок, съели огромное количество отменно приготовленных китайских блюд, частенько говорили о том, какой была бы пончиковая, если бы они ее открыли, и родили девочку, которую Карсон хотела назвать Мэтти, в честь отважной девчонки из фильма «Истинная доблесть»^[1]. Но Майкл настаивал, чтобы ее назвали Задирой или хотя бы Рубен, в честь Рубена Когберна по прозвищу Задира, персонажа этого же фильма, сыгранного Джоном Уэйном. В итоге они назвали дочь Скаут, в честь не

менее отважной девочки из книги и фильма «Убить пересмешника».

За час до зари, за четыре недели до Хэллоуина, менее чем за два года до конца света^[2], если верить страхам, нагнетаемым средствами массовой информации, Карсон и Майкл сидели в кабине малотоннажного грузовика, припаркованного в ряду точно таких же грузовиков на темной стоянке между двумя огромными складами неподалеку от порта. Они вели наблюдение в рамках расследования одного дела о промышленном шпионаже и говорили, среди прочего, о детских влажных салфетках.

– Они не слишком едкие, – не соглашалась с мужем Карсон. – Более того, они совсем не едкие.

– Я прочитал состав пропитки.

– Я тоже прочитала состав. Алоэ, ланолин, травяной экстракт...

– А из чего они делают этот экстракт? – спросил Майкл.

– Трава есть трава. Натуральный продукт. Травяные экстракты очищают. Не оставляя вредного налета.

– Так они говорят. Только не говорят, о каких травах идет речь. А раз они не говорят всю правду, живущий во мне коп чувствует ложь.

– Ради бога, Майк, ни одна компания не будет выпускать едкие, раздражающие кожу детские влажные салфетки.

– Откуда ты знаешь? Компания может принадлежать кому угодно. Ты знаешь, кому принадлежит эта компания?

– Я в достаточной степени уверена, что принадлежит она не Аль-Каиде.

– «В «достаточной степени» недостаточно, когда мы говорим о попке нашей маленькой девочки.

Карсон вздохнула. Майкл оставался душкой, но отцовство иногда вызывало в нем паранойю, которую ранее она не замечала.

– Послушай, сладенький, попка Скаут волнует меня никак не меньше, чем тебя, и меня вполне устраивают влажные салфетки.

– Пропитка содержит пищевую соду.

– Потому что пищевая сода устраняет запахи.

– Пищевая сода используется в огнетушителях.

– Хорошо. Мы можем не волноваться о том, что попка Скаут загорится.

– *Пищевая сода*, – повторил Майкл таким голосом, будто речь шла о яде гремучей змеи. – Думаю, мы должны использовать хлопчатобумажные тряпочки, воду и мыло.

Карсон отшатнулась в притворном ужасе.

– Мыло? Ты знаешь, что содержится в мыле?

- Мыло есть мыло.
- Прочитай все, что написано на упаковке, а потом говори мне о мыле.
- А что такого ужасного в мыле?

Карсон не знала, что может содержаться в мыле, но полагала, что, как минимум, полдюжины ингредиентов встревожат Майкла, а потому детские влажные салфетки покажутся ему куда как более приемлемыми.

– Просто прочитай все, написанное на упаковке... и даже не мечтай, что сможешь хоть раз спокойно уснуть после того, как прочтешь.

И тут на неосвещенной автомобильной стоянке появилась темная фигура.

Майкл наклонился к ветровому стеклу.

– Я знал, что именно здесь все и произойдет.

С сиденья между ними Карсон взяла фотоаппарат, оснащенный прибором ночного видения.

– Что ты видишь? – спросил Майкл.

– Это Бекманн, – ответила она, не отрывая глаза от видеоискателя. – У него в руке «дипломат». Это обмен, все так.

– Идет кто-то еще, – указал Майкл. – Слева.

Карсон чуть повернулась в указанном направлении и увидела другого мужчину, который вышел из-за склада и направлялся к Бекманну.

– Это Чанг. С пакетом из магазина.

– На пакете есть логотип магазина?

– Какое это имеет значение? Это всего лишь емкость для переноса денег.

– Чанг хорошо одевается. Хочется знать, где он покупает одежду, – пояснил Майкл.

Увеличив масштаб изображения, Карсон сделала несколько снимков, комментируя то, что видит:

– Он говорит с Бекманном. Бекманн ставит на асфальт «дипломат». Чанг что-то достает из пакета.

– Засними пакет. Мы будем увеличивать изображение, пока не прочитаем название магазина. Эй... что там произошло?

– Чанг вытащил из пакета пистолет и застрелил Бекманна.

– Я такого не ожидал.

– Он только что выстрелил в него второй раз. Бекманн упал.

– Я не слышу выстрелов.

– Глушитель, – доложила Карсон.

– Что-то тут не так.

– Чанг приседает, чтобы выстрелить в третий раз, в голову.

– Что теперь?

– Ты знаешь что, – ответила Карсон, откладывая фотоаппарат.

– Это занятие не для отцов.

Карсон достала пистолет из плечевой кобуры.

– Это занятие и не для матерей. Но ребенку нужны новые туфельки.

Глава 4

Автофургон отбыл, увозя настоящих Эрскина, Нэнси и Ариэль навстречу их судьбе. Новые мэр Поттер, его эффективная жена и его сконцентрированная на главном дочь вернулись в дом.

Энергично, целенаправленно, по-деловому принялись за уборку кухни. Переставили содержимое шкафчиков, полки и кладовки так, чтобы отныне приготовление каждой трапезы занимало минимальное время.

Работая, не обменялись ни единым словом. Тем не менее не дублировали действия другого. И не мешали друг другу.

Покончив с кухней, они приготовили ранний завтрак. Эрскин готовил из десятка яиц яичницу-болтунью, тогда как Нэнси жарила фунт бекона.

Хлеб покрывали зеленые пятна плесени. Как и любой другой коммунар, Ариэль терпеть не могла расточительства. Она приготовила двенадцать хорошо прожаренных гренков в тостере с четырьмя пазами.

Пластмассовая бутылка-пульверизатор с маслом – точнее, с заменителем масла – оказалась весьма эффективной.

Эрскин разложил яичницу по тарелкам. Нэнси добавила бекон. Ариэль налила три стакана апельсинового сока.

Пока Эрскин ставил полные тарелки на стол, Нэнси клала рядом с каждой столовые приборы, а Ариэль – салфетки.

Они сели за стол, когда ночь еще прижималась к окнам. Поели.

Поскольку разговоры мешали пережевыванию пищи, за столом поначалу царил тишина.

Наконец ее прервал Эрскин:

– У меня вошло в привычку дважды в неделю обедать всей семьей в ресторанах, принадлежащих моим избирателям.

– Дома прием пищи занимает меньше времени, – указала Нэнси.

– Да, но мы должны следовать всем привычкам и традициям семьи Поттер, пока Коммуна не заменит все население Рейнбоу-Фоллс, чтобы избежать подозрений.

– Когда мы будем есть дома, на завтрак нам каждое утро нужно готовить одно и то же, – вставила Ариэль. Ей отводилась роль дочери Эрскина и Нэнси, но возрастом она от них не отличалась и в бесклассовой Коммуне была им ровней. – Нам нужно составить меню для каждой дневной трапезы и готовить только те блюда, которые будут входить в это меню. Повторяемость приведет к повышению эффективности.

– Да, – Эрскин кивнул.

– Согласна, – поддержала их Нэнси. – И упростится закупка продуктов.

После завтрака они убрали все со стола и сполоснули тарелки. Загрузили их, кухонную утварь, миски, стаканы, столовые приборы в посудомоечную машину.

В ближайшее время им предстояло проделать с комнатами, гаражом, другими подсобными помещениями то же самое, что они уже проделали с кухней. Очередность проведения этих работ согласовывать не требовалось: они знали, что начинать нужно с амбара.

На участке подъездная дорожка разделялась на две: одна вела к гаражу, вторая – к кирпичному амбару в глубине участка.

В семье Поттеров фермеров не было. Нэнси и Ариэль обожали прогулки верхом, и амбар служил конюшней.

Площадь амбара составляла тысячу шестьсот квадратных футов. Большую часть занимал общий зал, в глубине располагалась кладовая для конной амуниции. Стойла, по три, находились у южной и северной стен.

В стойлах у северной стены стояли жеребец Командор и две кобылы, Куини и Валентина. Южные стойла пустовали.

– Стены теплоизолированы, и есть печка, работающая на жидком топливе, на случай очень уж сильных холодов, – заметил Эрскин.

– Теплоизоляция еще и задерживает звук, – напомнила Нэнси. – Звукоизоляция для нас не будет лишней.

Лошади с интересом наблюдали за ними.

Ариэль огляделась.

– Окна нужно звукоизолировать и забить изнутри досками. Снаружи они останутся прежними.

– Здесь все и произойдет, – заявил Эрскин.

– Идеальное место, – согласилась Нэнси.

Мрачное лицо Ариэль осветилось легкой улыбкой ожидания. Серо-голубые глаза вспыхнули стальным светом.

– Да, – кивнула она. – Да. Здесь я стану той, кем хочу быть.

– В двери амбара нужно вставить замки, – добавила Нэнси. – Очень хорошие замки.

Ариэль вновь оглядела амбар.

– Нужно укрепить стойла, и стены, и двери. Они должны быть очень крепкими.

Троица постояла в молчании. Эрскин знал, что все чувствуют одно и то же: гордость за порученное им дело, восторг от осознания того, что

война началась, благоговейный трепет (они – агенты изменений, призванные построить новый мир) и лихорадочное стремление уничтожить мусор, паразитов, чуму, грязь, короче, человечество.

Глава 5

Чувство опасности у Чанга оказалось не менее впечатляющим, чем чувство вкуса при выборе одежды. Избрав один из грузовиков в качестве поста наблюдения, Карсон и Майкл выкрутили лампочку под крышей кабины и оставили обе дверцы открытыми. Вылезая из кабины, не издали ни звука. Не выдал их и свет.

Тем не менее, уже присев, чтобы сделать третий, контрольный выстрел, пустить пулю в затылок Бекманну, убийца вдруг выпрямился. Развернулся к шестому грузовику, стоящему в ряду из четырнадцати, – их грузовику, – и дважды выстрелил.

Первая пуля звякнула о металл и отлетела в ночь. Вторая пробила ветровое стекло.

За годы, проведенные на службе, в Карсон ни разу не стреляли, и не потому, что она проявляла предельную осторожность. Скорее причина заключалась в ее смелости. Она часто все делала согласно инструкциям – за исключением тех случаев, когда следование инструкциям могло привести ее к гибели.

Чанг работал в одной из китайских корпораций. Он возглавлял Отдел анализа деятельности конкурентов, попросту говоря, воровством или подкупом добывал технологические секреты других корпораций. Ранее он не служил в армии, не был сотрудником государственной секретной службы. До этой ночи насилие не входило в его преступный арсенал.

Конечно же, только счастливая случайность помогла ему определить местонахождение Карсон и Майкла, а не рефлекс опытного разведчика. Каким-то образом прознав, где они находятся, но не зная их точной позиции, он просто выстрелил в их сторону, то есть только попусту потратил патроны. Ожидаемая паническая реакция человека, которого застали на месте преступления.

Этот клерк, этот дилетант не мог тягаться с двумя бывшими детективами отдела расследования убийств, которые стали частными детективами, которым приходилось платить за аренду офиса и нести немалые расходы на содержание растущей семьи, что являлось очень даже неплохой мотивацией в работе. Карсон поначалу не видела никакой необходимости в том, чтобы дать деру от корпоративного бюрократа, даже если он и убил человека.

Уверенная в том, что позади нее на темной автомобильной стоянке нет

источника света, который очертит ее силуэт и превратит в удобную мишень, она побежала к Чангу. А вот лампы, горящие по периметру складского здания, подсвечивали китайца, поэтому даже без прибора ночного видения, установленного на фотоаппарате, Карсон видела его гораздо лучше, чем он мог видеть ее.

Но Карсон заметно поумерила пыл, когда Чанг, вместо того, чтобы вновь выстрелить наобум, одной рукой подхватил пакет, с которым пришел, второй – «дипломат», поставленный на асфальт Бекманном, и побежал к ближайшему складу.

И Карсон обратила внимание, что Чанг, несмотря на пакет и «дипломат», с каждым мгновением увеличивает расстояние до нее и Майкла, который бежал справа. Не забывала она и о Скаут, их семимесячной дочери, оставшейся в квартире. Нет, не видела ее, потому что не обладала сверхъестественными способностями. Просто помнила о ней, потому что теперь стала *матерью*, взвалив на себя груз новых обязанностей, которые отсутствовали напрочь, когда она служила детективом Управления полиции Нового Орлеана.

Слово «мать» по отношению к себе она слышала достаточно часто до того, как действительно стала ею. Слетало оно обычно с губ бандитов, наркоманов и продажных копов, не слишком ладивших с теми сотрудниками полиции, которые не шли на контакт с преступниками, но они не хвалили Карсон за решение родить ребенка.

В те дни она и представить себе не могла, что захочет иметь ребенка, не говоря уж о том, что выйдет замуж и действительно родит. Слишком многое требовалось ей доказать, и времени для романтики, мужа, семьи просто не оставалось. Она изо всех сил стремилась найти тех, кто выстрелами в затылок казнил ее мать и отца.

Тогда слово «мать» употреблялось на пару с другим словом и сопровождалось злобной гримасой и брызгами слюны, но ее эти процеженные сквозь зубы «твою мать» не оскорбляли, потому что подонки, которые так говорили, тем самым признавали ее *неподкупность, преданность делу и безжалостность*.

В погоне за ускользающей тенью, в которую обратился Чанг, когда сердце билось в такт ее бегущим по асфальту шагам, она задалась вопросом, а так ли она предана делу и безжалостна, как было в прежние времена. Может, маленькая Скаут заставляет ее притормозить, не бежать изо всех сил. Может, Чанг убегает все дальше не потому, что он моложе и сильнее, чем Карсон. Просто подсознательно она не хочет слишком уж сблизиться с ним и оставить Скаут сиротой.

И хотя Карсон хотелось бы все это отрицать, существовала вероятность того, что не могла она одновременно быть и матерью, и частным детективом. Возможно, теперь, родив самую красивую девочку на этой планете, подтереть попку малышке у нее получалось гораздо лучше, чем надрать кому-то зад.

По-прежнему справа от нее Майкл выдвинулся вперед, не отставая от Чанга. Когда они работали в паре в отделе расследования убийств, она водила автомобиль и бегала быстрее Майкла, уверенная в том, что нет преступника, которого она не сумеет догнать. Ныне она еле плелась, сердце выскакивало из груди, ноги отяжелели. Свинцовая тяжесть живота и давление на легкие спереди, возможно, не были истинными. Просто напоминали о беременности и материнских обязанностях.

Она стала женой и матерью, уже меньше думающей головой и больше – сердцем, осторожной там, где ранее была бесстрашной. Она смирилась с тем, что судьба держит ее дочь в заложницах, требуя заботу и осмотрительность в качестве выкупа, и платить его предстояло ежедневно и даже ежечасно, до конца своих дней. Так что Дорога робкого сердца могла вести к трусости.

– На хрен! – вырвалось у нее, и к тому времени, когда Чанг завернул за угол ближайшего склада, Карсон уже обогнала Майкла, стремительно приближаясь к зданию.

Прижавшись спиной к стене из гофрированного металла, держа пистолет обеими руками, стволом кверху, Карсон замялась, и не из-за своей дочери – мать или нет, не хотелось ей получить пулю в лицо после выстрела в упор. Приближающиеся шаги Майкла она слышала, а удаляющиеся Чанга – нет.

Не могла она теперь воспользоваться и преимуществом темноты. Фонари подсвечивали асфальт в непосредственной близости от склада.

Она опустила ствол, направив его вперед, вытянула руки перед собой, обхватив левой запястье правой, низко согнулась и выскочила из-за угла. Ее глаза и пистолет синхронно осмотрели территорию, справа налево, от ровной поверхности асфальта до стены склада.

Чанг бежал футах в шестидесяти впереди, вдоль прилива серых теней, где волны света растекались по берегу темноты.

Карсон не могла стрелять ему в спину. От нее требовалось поймать его, оглушить... или гнаться за ним, пока он не повернулся бы и не выстрелил в нее, тем самым давая ей право на ответный выстрел.

Майкл ее догнал. Но она уже не хотела выполнять роль его дублера.

Чанг убежал, хотя тащил на себе и пакет, скорее всего, набитый

деньгами, и «дипломат» с торговыми или промышленными секретами, которые продавал Бекманн. Карсон не могла этого допустить. Он стрелял в них. *Стрелял* в них. Дважды. Он пытался оставить Скаут сиротой. Сукин сын.

С уверенностью пантеры, преследующей усталою газель, Карсон бросилась за ним.

Глава 6

Рафаэль Хесус Хармильо, всенародно избранный и всеми уважаемый начальник полиции Рейнбоу-Фоллс, не выходил на замогильную смену^[3] с тех пор, как более чем двадцатью годами раньше начал службу в полиции обычным патрульным. Но в тот октябрьский день он пришел на службу до рассвета, потому что к полудню предстояло многое сделать.

Хотя никакого кризиса не наблюдалось, начальник смены, сержант Сет Рапп, и диспетчер Валери Корсар не удивились, увидев чифа. Без единого слова Рапп поднялся из-за стола и последовал за Хармильо по коридору, двери в стенах которого вели в пустые и темные по случаю ночи кабинеты. Дверь в дальнем торце коридора открывалась в гараж, где стояли шесть черно-белых патрульных автомобилей, дожидавшихся начала утренней смены. Грузовик-фургон занял ячейки четырех патрульных автомобилей, которые сейчас курсировали по городу, охраняя покой мирных граждан. Ни на синей кабине, ни на белом кузове не было никаких надписей, которые помогли бы определить принадлежность этого транспортного средства той или иной компании.

Фургон только что подъехал. Водитель наблюдал, как опускаются гаражные ворота, отсекая его автомобиль от темного переулка, ведущего к гаражу полицейского участка.

Напарник водителя, открывая задние дверцы, сказал Рафаэлю Хармильо и Сету Раппу: «За Коммуну».

– За Коммуну! – ответили чиф и сержант.

Девятнадцати людям, которые сидели в грузовике, мужчина приказал: «Вылезайте».

Среди прочих кузов покинули мэр Эрскин Поттер и его семья. Последними выбрались настоящий Рафаэль Хармильо, его жена и двое сыновей.

Разбуженные, вытащенные из постелей, все были в пижамах, ночных рубашках или нижнем белье. У каждого на левом виске блестела серебристая шляпка гвоздя.

Джессика Уэнхаус, городская библиотекаря, была лишь в голубых трусиках. Тридцати двух лет, симпатичная, с большой грудью.

Ни чиф, ни сержант, ни оба мужчины, приехавшие на грузовике, не задержали взгляд на ее прелестях. Коммунарам секс не требовался, а потому все с ним связанное их ни в коей степени не интересовало.

– За мной, вы все! – бросил Хармильо и направился к двери между гаражом и коридором.

В глазах всех девятнадцати стоял ужас, но их лица не выражали никаких эмоций, и они безропотно подчинились отданному чифом приказу.

За одной из дверей в коридоре находилась лестница, ведущая в подвал. Хотя движения арестованных не ограничивали ни наручники, ни кандалы, чиф спокойно повернулся к ним спиной и повел в то место, которому предстояло стать их последним прибежищем в этом мире.

Широкий коридор делил подвал на две части. Слева располагались кладовая, бойлерная, туалет. Справа – три большие камеры, на десять человек каждая, с решетками вместо передней и боковых стен.

На первом этаже находились шесть маленьких камер, каждая на двоих арестованных. И крайне редко все шесть использовались одновременно.

У подвальных камер предназначение было иное. Их построили на случай, скажем, массовых беспорядков.

Рейнбоу-Фоллс и окружающий округ не выделялись политической активностью. Не было здесь и агрессивных обществ утопистов, которые не сомневались, что разработанный ими правопорядок лучше существующего. Рафаэлю Хармильо и его подчиненным приходилось иметь дело с драчунами в барах, мужьями, поднимающими руку на жен и детей, пьяными водителями.

Поскольку правительство Соединенных Штатов оплачивало больше половины стоимости строительства полицейского участка, в здании всегда имелись дополнительные камеры, сооружаемые по требованию федеральных властей. Настоящий начальник полиции иногда задавался вопросом, а почему федеральные власти настаивали на том, чтобы даже в маленьких американских городах количество мест в камерах значительно превышало потребности: то ли власти перестраховывались, то ли готовились к неким событиям, которые сами намеревались инициировать.

Нового начальника полиции соображения федеральных властей совершенно не волновали. Дни человечества – а следовательно, и федерального государства – были сочтены. Планы политиков уже ничего не значили.

Девятнадцать человек, привезенных на грузовике, разместили в двух больших подвальных камерах. Согласно полученному приказу, они расселись на прикрепленных к стенам койках и на полу, с написанным в глазах ужасом, но покорные.

Запирать камеры никакой необходимости не было, но сержант Рапп все равно их запер.

Поднявшись на первый этаж, чиф и сержант заглянули в крыло с шестью маленькими камерами. В них сидели двое, и чиф их разбудил.

Первый, бродяга, которого звали Конуэй Лисс, приехал в город в вагоне товарняка и остался, чтобы грабить дома. Его взяли на третьем взломе.

Сорокапятилетний Лисс выглядел на все шестьдесят, а то и больше: худой, прямо-таки на грани истощения, с торчащими во все стороны седыми волосами, морщинистой кожей, большущими бесформенными ушами, почерневшими зубами и потрескавшимися пожелтевшими ногтями. Его словно сделали из хрящей и костей, а потом хорошенько просушили, выпарив всю воду. Живыми оставались только глаза цвета океанской синевы, хитрые и расчетливые.

В другой камере сидел Норман О'Бэннон, которого местные по уже забытой причине прозвали Намми. Умственное развитие тридцатилетнего Намми остановилось на уровне ребенка. Полноватого, с круглым веснушчатым лицом, добродушного, его иной раз сажали в камеру на ночь не за буйное поведение, а чтобы уберечь от беды.

Новый чиф Хармильо не питал теплых чувств к Намми О'Бэннону и не собирался оберегать его от чего-либо. Совсем наоборот.

Сержант Рапп открыл камеры и вместе с чифом повел обоих арестованных в подвал.

Конуэй Лисс спорил всю дорогу, задавал один вопрос за другим. Ни чиф, ни сержант не ответили ни на один.

Во время этого короткого путешествия Намми улыбался и ничего не говорил. Для него каждое изменение потенциально являлось началом нового приключения. Он доверял чифу Хармильо.

Лисса, взятого с поличным на месте преступления, обрядили в оранжевый тюремный комбинезон. Намми был в джинсах и свитере. Оба волочили ноги. Лисс – потому что сил ему хватало только на бесконечные жалобы, Намми – в силу плохой координации движений, обусловленной низким интеллектом.

По пути в третью подвальную камеру Лисс не удостоил и взглядом обитателей первых двух. Он полностью сосредоточился на начальнике полиции. Его приводил в ярость отказ чифа отвечать на вопросы.

Но чиф хорошо знал таких бродяг, как Лисс: нелюдим, человеконенавистник, которого другие человеческие существа интересовали, лишь когда он мог с них что-то поиметь. Лисс мог провести день в большом, бурлящем городе и заметить только пятерых или шестерых – людей, которые могли стать его легкой добычей, слюнтяев,

которые дали бы ему двадцать долларов, попроси он один, лохов, у которых даже он, неопытный карманник, мог вытащить бумажник.

Намми интересовали эти тихие девятнадцать человек, пока его взгляд не упал на голые груди библиотекарши. Он покраснел так, словно от уха до уха на его лице лопнули все капилляры. И уже не отрывал глаз от пола.

После того, как сержант запер бродягу и Намми в третьей камере, Конуэй Лисс обеими руками схватился за прутья решетки. И возвысил голос:

– Я требую адвоката!

– Обойдешься, – ответил чиф Хармильо.

– Я имею право на адвоката! – заявил Лисс. – Я американский гражданин!

– Уже нет.

– Что? Как это... уже нет?

– Теперь ты домашняя скотина.

Глава 7

За складами тянулась каменная набережная, от которой в бухту Сан-Франциско отходили причалы. И набережную, и причалы построили в первой половине прошлого века и не содержали в образцовом порядке, как более новые портовые сооружения. Эти причалы не могли принимать современные контейнеровозы и оставались на прежнем месте только потому, что нынешний кризис никак не хотел уступить место очередному периоду процветания. При первых же признаках оживления экономики их бы снесли, чтобы построить порт двадцать первого века, а пока причалы выглядели заброшенными, без единого пришвартованного к ним сухогруза.

Ржавые столбы с треснутыми, грязными фонарями заливали набережную холодным синеватым светом, отгоняющим ночь в бухту. Лишь одна тень двигалась от одного светового пятна к другому: Чанг убежал с деньгами и секретами.

Карсон О'Коннор сократила расстояние до преследуемого и увидела, как Чанг споткнулся, покачнулся, выдохшийся и уязвимый. С набережной он свернул на один из причалов, уходящих в бухту и во внезапно возникший туман.

В эту холодную ночь суша не могла быть теплее воды, и в безветренные предрассветные часы туман не натягивало на берег разницей температур: он просто завис над бухтой. Плащ со множеством капюшонов, складок и рукавов.

Видимость резко сократилась до десяти футов. Потом меньше. Ширина причала составляла порядка тридцати футов.

Если бы Карсон сместилась к ограждению по правую или левую руку, Чанг мог бы изменить направление движения и рвануть к берегу вдоль другого противоположного ограждения, где-то в двадцати футах от нее.

Она могла держаться и середины причала, надеясь, что заметит человеческую фигуру у одного из ограждений. Но густой туман сбивал с толку, и она не видела никаких ориентиров, которые могли бы ей помочь.

Почти наверняка Чанг выбрал этот причал, потому что прибыл на встречу (и собирался отбыть) на лодке. Бежать на берег он не собирался, как не собирался и прыгнуть через ограждение в воду.

Окутанная туманом, Карсон остановилась, затаила дыхание, прислушалась. Поначалу не услышала ничего, кроме мерного шелеста маленьких волн, накатывающих на опоры причала.

Несомненно, Майкл приближался к ней сзади, но тихонько, более не бежал. Она повернула голову, но не увидела человеческой тени в окружающей белизне.

Выдохнула и осторожно двинулась вперед. Пройдя еще футов двадцать, вновь остановилась и опять же не услышала ничего, кроме шепота воды под причалом.

Воздух пахнул солью, морскими водорослями и креозотом, туман охлаждал рот, когда она вдыхала его.

Пройдя чуть дальше, Карсон остановилась в третий раз и услышала глухой удар, легкое поскрипывание. И вроде бы звуки эти донеслись из-под деревянного настила.

Новый удар, теперь металла о металл, заставил ее повернуть голову направо. Прорезав туман, она добралась до ограждения, пошла назад, наткнулась на уходящий вниз трап.

Настил был влажным и скользким, не только от тумана, но от грибков или лишайников, которые облюбовали давно не используемое дерево.

Если б она упала или даже поскользнулась, Чанг, возможно, только этого и ждал. Если б он решился стрелять сквозь туман, удача могла быть как на его стороне, так и на ее. Но даже одна пуля, попавшая в цель, могла оставить Скаут сиротой.

Очень осторожно Карсон спустилась по трапу на деревянную площадку. Из тумана не появилась, а буквально материализовалась моторная яхта, словно в бухту заглянул корабль-призрак.

Двигатели не работали, иллюминаторы и окна не светились, вообще не горел ни один фонарь. Карсон смутно видела контуры двух палуб и рубки над ними. Находилась Карсон неподалеку от носа яхты, тогда как корма терялась в тумане, но судя по тому, что она могла разглядеть, длина яхты составляла порядка шестидесяти футов, то есть она могла использоваться как для круизов вдоль побережья, так и походов в открытое море.

Никакие швартовы не связывали яхту с крепильной планкой. Направляясь к корме, Карсон обратила внимание, что яхта просто дрейфует рядом с причалом. Чанг, вероятно, отвязал швартовы, прежде чем прыгнуть на палубу и теперь, скорее всего, поднимался в рубку по лестнице левого борта. Дверцу в ограждении правого борта Карсон нашла открытой. Должно быть, Чанг не решился закрыть ее за собой, что вновь привело бы к стуку металла о металл, который выдал бы его местонахождение.

В момент перехода на яхту Карсон чувствовала себя наиболее уязвимой, потому могла держать пистолет только одной рукой. Второй пришлось ухватиться за стальной поручень. Да и сам переход с твердой

площадки на качающуюся палубу требовал особого внимания. Но она тихонько прошмыгнула на борт, оставшись целой и невредимой.

Узкая палуба правого борта вела мимо нескольких иллюминаторов и уткнулась в дверь. На приподнятом относительно палубы баке планшир отсутствовал.

Карсон бесшумно вышла на просторную кормовую палубу.

Огляделась и даже сквозь туман различила две двери в кормовой переборке. Предположила, что одна вела в кают-компанию и к другим каютам, а вторая, вероятно, к камбузу и служебным помещениям.

Чанг спускаться вниз не стал бы. Он наверняка хотел как можно быстрее попасть в рубку и, скорее всего, уже находился там, готовя яхту к отплытию.

Между дверьми в кормовой переборке крутая лестница вела к открытой палубе позади рубки. Светодиоды низкого напряжения, встроенные в ступеньки и контролируемые датчиком освещенности, подсвечивали край каждой.

Стоя у подножия лестницы, наверху Карсон не видела ничего, кроме густого, медленно клубящегося тумана.

Ожидая, что двигатели взревет в любую секунду, Карсон решила быстро подняться наверх, не касаясь перил, держа пистолет обеими руками, для равновесия чуть наклоняясь вперед.

Но прежде чем поставила ногу на первую ступеньку, почувствовала ствол пистолета, упершийся ей в шею, и непроизвольно выругалась, не разжимая зубов.

Глава 8

Намми не имел ничего против тюрьмы. Более того, здесь он чувствовал себя уютно и в безопасности. Четыре стены, потолок, пол. Ничего огромного, куда ни посмотри.

Ему нравился и лес. За его маленьким домиком лес подходил к самому двору. Иногда он сидел на заднем крыльце, наблюдая, как лес осваивает его двор. Птички прыгали с ветки на ветку, иногда олень выходил на лужайку, чтобы пощипать травку. У Намми поднималось настроение, когда он смотрел на птичек и оленя.

Но в лесу он чувствовал себя совсем не так, как в тюрьме. Несколько раз он пытался войти в лес. Но леса было слишком много. Слишком много деревьев, стоящих и упавших, мертвых и живых, слишком много кустов, и мха, и вообще зелени, слишком много скал. Слишком много путей, по которым он мог идти, и все они куда-то вели, в лес и снова в лес, конца которому не было. Издали лес Намми очень даже нравился, вблизи – пугал.

В городском Мемориальном парке тоже росли деревья, но не в таком количестве. А если оставаться на вымощенных кирпичом дорожках, то и путей перед ним открывалось не так уж много, и все они приводили к знакомым ему улицам.

Его маленький дом, где он вырос и теперь жил один... в нем не было слишком больших комнат. А самой маленькой была кухня, где он проводил большую часть времени.

Тюремная камера размерами уступала его кухне, и вещей в ней стояло куда меньше. Ни холодильника, ни духовки, ни стола со стульями. В камере он чувствовал себя уютно и спокойно.

Что ему в камере мешало, так это мистер Лисс. В том числе и потому, что от мистера Лисса воняло.

Бабушка, которая воспитывала Намми, всегда говорила, что жить проще, если делать вид, что не замечаешь недостатки других людей. Людям не нравилось, когда ты говорил об их недостатках, особенно если ты не блистал умом.

Намми знал, что он тупица. Знал, потому что очень многие постоянно твердили ему об этом, да и власть имущие давным-давно сказали, что ему нет смысла ходить в школу.

Иногда он сожалел о том, что он тупица, но в основном его всё устраивало. Бабушка говорила, что он не тупица, а блаженный. Она

говорила, что избыток ума ведет к тревогам. Она говорила, что избыток ума приводит к гордыне, а гордыня куда хуже тупости.

А про власть имущих бабушка говорила, что они невежественные, а невежество тоже гораздо хуже тупости. Тупой не может учиться, как бы он этого ни хотел, а невежественному хватает ума, но он слишком ленив, чтобы учиться, или слишком доволен собой. Быть тупым – это состояние, все равно, что быть высоким, или низкорослым, или красивым. Быть невежественным – это выбор. Бабушка говорила, что тупых от рождения людей в аду очень мало, зато невежественных хоть пруд пруди.

Намми притворился, что не замечает, как плохо пахнет от мистера Лисса, но все равно это чувствовал.

Еще одна проблема состояла в возбудимости мистера Лисса.

В последние годы своей жизни бабушка не жалела времени, объясняя Намми, от каких людей ему надо держаться подальше, когда она уйдет и не сможет помочь ему принимать решения.

Например, злобных людей, которые хотели, чтобы он сделал то, что сердцем считал неправильным. «Умные или нет, мы все чувствуем сердцем правильное и неправильное», – говорила бабушка. Если кто-либо уговаривал Намми сделать то, что Намми считал неправильным, человек этот мог и не быть невежественным, но точно был злобным.

Возбудимые люди могли и не быть злобными, но хорошего от них точно ждать не следовало. Возбудимые люди не могли контролировать свои эмоции. Они, возможно, и не стремились навлечь на Намми беду или уговорить сделать что-то плохое, но общение с ними приводило бы именно к этому, не прояви Намми предельную осмотрительность.

Более возбудимого человека, чем мистер Лисс, Намми видеть не доводилось. Как только чиф Хармильо и сержант Рапп ушли и поднялись по лестнице в конце коридора, Намми сел на нижнюю койку, но мистер Лисс долго кричал им вслед, говоря, что требует адвоката и требует его немедленно. Обеими руками он тряс дверь камеры. Топал ногами. Выплевывал слова, которые Намми никогда не слышал, но сердцем знал, что произносить эти слова неправильно.

А когда полицейские ушли, мистер Лисс повернулся к соседу по камере. Намми улыбнулся, мистер Лисс – нет.

Лицо старика перекошилось от злости... а может, он всегда так выглядел – состояние, а не выбор. Другим его Намми не видел. Короткие волосы торчали во все стороны, как шерсть или перышки у животных в мультфильмах после удара электрическим током. Его зубы были скорее черными, чем белыми, словно он наелся угля, а губы такими тонкими, что

рот выглядел, как разрез.

– Что он имел в виду, говоря, что теперь мы – домашняя скотина?

– Я не знаю этих слов, – ответил Намми.

– Каких слов? Домашняя скотина? Ты живешь в Монтане и не знаешь, что такое домашняя скотина? Ты дергаешь меня за цепь^[4]?

Намми все слова понимал буквально.

– У вас нет цепи.

Сжав кулаки, мистер Лисс надвинулся на Намми.

– Ты остряк, парень?

– Нет, сэр. Я не остряк, я блаженный.

Мистер Лисс уставился на него. Через какое-то время Намми отвел взгляд, принялся разглядывать пол. Когда поднял глаза, старик по-прежнему пристально смотрел на него.

– Так ты, типа, тупой?

– А разве есть типы тупых?

– Сколько хочешь. Есть тупые по части денег. Есть тупые по части женщин. А некоторые настолько тупы, что проводят всю жизнь, уткнувшись носом в собственный зад.

– В чей зад, сэр?

– В собственный, в чей же еще?

– Это невозможно, сэр, – возразил Намми. – Носом в собственный зад не уткнуться.

– Возможно, – настаивал мистер Лисс.

– Даже если и возможно, зачем им это нужно?

– Потому что они идиоты, – ответил мистер Лисс. – Вот зачем.

– Так они, должно быть, тупее меня, – в голосе Намми звучало сомнение.

– Многие люди тупее тебя, потому что не осознают собственной тупости. Ты осознаешь. Это уже что-то.

– Я знаю свои недостатки.

– Ты счастливый.

– Да, сэр. Потому-то они так и говорят.

Мистер Лисс нахмурился.

– Кто что говорит?

– Слепая удача. Они так говорят, потому что это случается с тупыми.

Но причина не в удаче, а в Боге. Бог приглядывает за такими, как я.

– Приглядывает, говоришь? Откуда ты знаешь?

– Мне сказала бабушка, а бабушка никогда не лгала.

– Все лгут, парень.

– Я не лгу, – возразил Намми.
– Только потому, что слишком туп, чтобы лгать.
– Вы говорите, что множество людей тупее меня, значит, множество людей не лжет.

Мистер Лисс плюнул на пол.

– Ты мне не нравишься, парень.

– Извините, сэр. Вы мне нравитесь... немного.

– А это уже ложь. Я тебе совершенно не нравлюсь.

– Нет. Нравитесь. Действительно нравитесь. Самую малость.

Правый глаз мистера Лисса вдруг стал больше левого, словно в него вставили увеличительное стекло, и он наклонился вперед, как будто нашел интересное насекомое и решил приглядеться к нему.

– И что тебе во мне нравится?

– Вы не скучный, сэр. Вы очень возбудимый, и это плохо. Но вы еще и колоритный, как сказала бы бабушка. Без колоритных людей мир был бы серым, как ванильный пудинг.

Глава 9

В то самое мгновение, когда в шею Карсон уперся ствол пистолета, она замерла. Сквозь стиснутые зубы произнесла слово, оскорбляющее Чанга как мужчину и китайца, да еще ставящее под вопрос его образованность. В прежние времена за такое слово она тут же вылетела бы из Управления полиции Нового Орлеана.

Он обозвал ее словом, означающим некий женский орган, пусть ни один доктор такое слово никогда не произносил, во всяком случае, при общении с пациентом, и прошептал:

– Ты кто?

Прежде чем она успела ответить, убийца дернулся, словно холодный ствол пистолета ткнулся уже в его шею, и тут же Карсон услышала голос Майкла:

– Мы копы. Бросай оружие.

Чанг молчал, возможно, размышляя над загадочностью вселенной, в которой оказалось гораздо меньше хаоса и больше порядка в сравнении с тем, как он себе это представлял.

– Вы не копы, – наконец ответил он. И добавил, обращаясь к Карсон: – Если шевельнешься, сука, тут же вышибу тебе мозги.

Темная бухта лениво покачивала яхту, и Карсон несколько раз моргнула, сбрасывая капельки воды, сконденсировавшиеся на ее ресницах. Она пыталась отогнать личико Скаут, стоящее перед ее мысленным взором, но ничего у нее не получалось.

– Кто вы? – вновь спросил Чанг.

– Частные детективы, – ответил Майкл. – Плюс я ее муж. У меня ставка выше, чем у тебя. Подумай об этом.

– Муж, – повторил Чанг. – Это ты брось пистолет.

– Спустишь на землю, – предложил Майкл.

– Ты меня не застрелишь, – бросил Чанг.

– А что еще я могу сделать?

– Ты застрелишь меня, я застрелю ее.

– Может, ты умрешь так быстро, что не успеешь выстрелить.

– Даже мертвый я рефлекторно нажму на спусковой крючок.

– Может, нажмешь, может, и нет.

– Или твоя пуля пробьет мою голову и убьет и ее.

– Может, да, может, и нет.

– Есть другой вариант, – встряла в разговор Карсон.
– Я его не вижу, сладенькая, – возразил Майкл.
– Не торопись, дорогой.
– Хорошо хоть, что жизнь каждого застрахована.
– За меня они тебе страховку не выплатят, дорогой.
– Не говорите друг с другом, – вмешался Чанг. – Говорите со мной.
– Хорошо, – не стала спорить Карсон. – Чанг, объясни Майклу, что страховая компания ничего не заплатит, если мы с тобой умрем, а он один останется жив. Выглядеть это будет слишком уж подозрительно.
– Чанг, – подхватил тему Майкл, – скажи ей, что на основе баллистической экспертизы страховую компанию заставят заплатить, если ты убьешь ее первой, а потом я застрелю тебя.
– *Заткнитесь, заткнитесь!* – скомандовал Чанг. – Вы очень меня нервируете.
– Чанг, и ты нас не успокаиваешь, – фыркнула Карсон.
Чанг сместил пистолет с шеи на затылок Карсон, надавил.
– Бекманн убит, так что мне терять нечего.
Карсон стояла первой, а потому не могла вдавить пистолет в чей-то затылок.
– Мы можем договориться, – указал Майкл.
– *Ты приставил пистолет к моей голове!* – пожаловался Чанг.
«Китаец думает только о том, что к его голове приставлен пистолет, – решила Карсон, – и так же, как Майкл, забыл, что я тоже вооружена».
– Да, – согласился Майкл, – мой пистолет приставлен к твоей голове, то есть мне есть, с чем идти на переговоры, но и ты не без козырей.
Правая рука Карсон упала, повиснув вдоль бедра. Она чуть вывернула кисть, направив пистолет в палубу позади себя.
– У вас нет причин доверять мне, а у меня нет причин доверять вам, – голос Чанга дрожал от отчаяния.
– Нам ты как раз можешь доверять, – указал Майкл. – Мы хорошие люди.
Нажимая на спусковой крючок, Карсон уже падала на колени, с тем, чтобы распластаться на палубе.
Чанг закричал от боли и выстрелил в тот самый момент, когда в него попала пуля.
Может, Карсон и не почувствовала, как ей пробило голову, но дульную вспышку увидела и ощутила запах жженных волос.
Оказавшись на палубе, она перекатилась на спину и села, держа

пистолет двумя руками. Увидела, что Чанг лежит на палубе, лицом вниз, а Майкл упирается коленом в его спину.

– Моя нога, моя нога! – кричал Чанг, а Карсон озабоченно спросила:

– Майкл, у меня не горят волосы?

– Нет, – ответил Майкл. – Его пушка где-то на палубе. *Найди ее!*

Карсон нашла пистолет.

– Есть!

Майкл сказал, что его сейчас вырвет. Такого с ним не случилось за все годы службы в полиции, но Карсон тем не менее опустилась на колени рядом с Чангом и вдавила ствол пистолета ему в голову, получив от этого огромное удовольствие. Чанг все кричал о раненой ноге, тогда как Майкл подошел к борту, наклонился над бухтой, и его таки вырвало. Вдали завывала сирена. Очистив желудок, Майкл сообщил, что позвонил по «911» с набережной, а потом спросил Карсон, не надо ли ей блевануть. Карсон ответила, что нет, но в этом ошиблась, а потому блеванула прямо на Чанга.

Глава 10

Мистер Лисс наставил палец на Намми. Длинный палец. Костлявый. С ногтями цвета куриного жира.

Сощурился, глядя в глаза Намми поверх руки и пальца.

– Ты сидишь на моей койке.

– Я решил, что это моя койка.

– Ты решил неправильно. Твоя – верхняя.

– Извините, сэр.

Намми поднялся. Теперь они стояли глаза в глаза. У мистера Лисса глаза напоминали зажженные газовые горелки на плите. Не просто синие, потому что красивого синего хватало, а синие, и обжигающие, и опасные.

– Как ты сюда попал? – спросил мистер Лисс.

– Посадили.

– Болван. За что посадили?

– Миссис Труди Лапьер... она наняла человека, чтобы тот влез в ее дом и украл все лучшее.

– Она наняла взломщика, чтобы тот влез в ее дом? – мистер Лисс пожевал бесцветную нижнюю губы угольными зубами. – Страховая афера, так?

– Страховая что?

– Ты не настолько туп, парень, и присяжные это поймут. Ты знал, зачем она тебя наняла.

Дыхание мистера Лисса воняло помидорами, которые кто-то забыл собрать, и они остались гнить на кусте.

Намми отодвинулся от мистера Лисса и встал у решетчатой двери в камеру.

– Нет, меня она не нанимала. Она наняла мистера Боба Пайна. Она хотела, чтобы мистер Боб Пайн украл все лучшее в доме, а потом до смерти избил Бедного Фреда.

– Какого Фреда?

– Бедного Фреда. Бабушка всегда называла его Бедным Фредом. Он муж миссис Труди Лапьер.

– Почему он Бедный Фред?

– Несколько лет тому назад у него случился инсульт. Бедный Фред больше не может говорить, передвигается в инвалидной коляске. Они живут в соседнем доме.

– Так эта Труды хотела, чтобы его убили, и собиралась обставить все, как убийство во время ограбления.

– Мистер Боб Пайн должен был оставить наворованное в моем доме, и я бы сел в тюрьму.

Глаза мистера Лисса превратились в щелочки, он ссутулился, наклонился вперед, теперь очень уж напоминая одну из тех птиц, что питались падалью на автострадах.

– Это твоя версия, сынок?

– Так почти и произошло, сэр. Но у мистера Боба Пайна замерзли ноги^[5].

– Замерзли ноги?

– Так сильно замерзли, что он не смог пойти в дом, чтобы ограбить и убить. Он идет к чифу Хармильо, все ему рассказывает. О том, для чего его наняла мисс Труды Лапьер.

– И когда это произошло?

– Вчера.

– Так почему ты здесь?

– Миссис Труды Лапьер, она опасная. Чиф говорит, что об этом давно известно, и она страшно зла на меня.

– Ее не арестовали?

– Никто не может ее найти.

– Но почему она злится на тебя?

– Это глупо, – ответил Намми. – Мистер Боб Пайн пришел в мой дом, чтобы повидаться со мной перед тем, как украсть и убить. Он хотел меня кремировать.

По непонятной причине мистер Лисс вдруг разозлился и затряс костлявым кулаком перед лицом Намми. В костяшки пальцев въелась грязь.

– Черт побери, парень, не усложняй тупость глупостью. Я пытаюсь узнать от тебя правду, а ты несешь такую хрень, что мне нужен переводчик. Кремировать? Сжечь, превратив в пепел? Если он собирался повесить на тебя это преступление, то не стал бы сначала кремировать.

Отступая к койкам, чтобы ускользнуть от зловонного дыхания соседа по камере, Намми пытался понять свою ошибку.

– Кремировать. Нет. Инкремировать.

– Инкриминировать, – уточнил мистер Лисс. – Пайн хотел инкриминировать тебя, подставить, чтобы тебя обвинили в убийстве старого Фреда.

– Бедного Фреда.

– Но ведь он еще ничего не украл и не мог ничего спрятать в твоём

доме.

– Нет, он пришел, чтобы взять что-то мое, а потом оставить в доме Бедного Фреда.

– Что твое?

– Что-то. Я даже не знал, что оно у меня есть. Дэенкуй.

– Что? Что ты такое говоришь?

– Дэенкуй. Чиф Хармильо говорит, это что-то есть в моих волосах, в моей слюне на стакане.

– Дэ-эн-ка, чертов дурак!

– Мои пальцы на стакане, мои отметины.

– *Отпечатки* твоих пальцев.

– Мои пальцы, опять мои отметины, на рукоятке молотка. Чиф Хармильо говорит, что я бы и знать ничего не знал. О том, что у меня все это взяли.

Мистер Лисс последовал за Намми к койкам.

– И что произошло? Почему Пайн не довел дело до конца?

– Мистер Боб Пайн, он приходит, я жарю гренок.

– И? – после паузы спросил мистер Лисс.

– Гренок из белого хлеба.

Мистер Лисс переминался с ноги на ногу, покачивался с пяток на носки, будто исполнял какой-то танец. Пальцы по-прежнему сжимались в кулаки, а глаза выпучились еще больше, хотя и раньше уже грозили вывалиться из орбит.

Очень уж он был возбудимым.

– Гренок! – мистер Лисс выплюнул это слово, словно его тошнило от самой идеи приготовления гренка. – Гренок! Гренок! Какое отношение имеет ко всему этому гренок?

– Я собирался намазать его персиковым вареньем бабушки, – ответил Намми. Уже начал садиться, чтобы вновь вынырнуть из облака зловонного дыхания, но распрямил ноги еще до того, как его зад коснулся койки мистера Лисса. – Я сделал хороший гренок для мистера Боба Пайна. Он обожал персиковое варенье, и я рассказал ему о бабушке, о том, как научила она меня всему, что мне понадобится для жизни дома и в одиночестве, когда она отправится к Богу, и я останусь один.

– Ему понравилось варенье, – кивнул Лисс.

– Сэр, он обожал персиковое варенье.

– И потому что ему понравилось персиковое варенье, он решил не убивать старого Фреда...

– Бедного Фреда.

– ...решил не вешать на тебя убийство и решил сдать эту суку Трудии копам.

– Миссис Трудии Лапьер. Она сделала плохое дело, а такого лучше не делать.

Мистер Лисс постучал костяшками пальцев по груди Намми, как мог постучать по двери.

– Вот что я тебе скажу, Персиковое варенье. Если б ты сделал тот гренок для меня, никакое варенье в мире не заставило бы меня отказаться от кровавых денег Трудии. Я бы их отработал. Я бы убил старого Фреда...

– Бедного Фреда.

– ...и убил бы тебя, обставив все так, будто угрызения совести подвигли тебя на самоубийство после того, как ты забил до смерти соседа. Что ты об этом думаешь?

– Не хочу думать об этом, сэр.

Мистер Лисс вновь постучал по груди Намми.

– Я хочу, Персиковое варенье, чтобы отныне и всегда ты относишься ко мне с уважением. Я страшнее любого кошмара, который тебе когда-либо снился. Ты должен ходить рядом со мной на цыпочках с вечера до утра и с утра до вечера. Я – самый страшный сукин сын по всей Монтане. Скажи это.

– Сказать что? – спросил Намми.

– Скажи мне, что я самый страшный сукин сын во всей Монтане.

Намми покачал головой.

– Я же сказал вам, что не могу врать.

– Это и не будет враньем, – мистер Лисс плюнул на свитер Намми. – Скажи это, дубина, а не то я откушу тебе нос. Я такое уже проделывал с другими.

– Но много людей страшнее вас, – ответил Намми, жалея о том, что не может солгать, и теперь точно останется без носа.

– Назови хоть одного, – потребовал мистер Лисс.

Намми О'Бэннон указал на соседнюю камеру, отделенную от них решетчатой стеной.

– Они все страшнее.

Словно заметив их впервые, мистер Лисс повернулся, чтобы взглянуть на девять человек в соседней камере и еще на десять – в дальней.

– А что в них такого пугающего?

– Вы просто понаблюдайте за ними, сэр.

– Они выглядят так, будто добровольно согласились подышать выхлопными газами, а пока сидят и спокойно ждут, пока им позволят это

сделать. Стадо козлов.

– Вы просто понаблюдайте, – повторил Намми.

Мистер пригляделся к заключенным. Подошел к решетке, чтобы получше их рассмотреть.

– Какого хрена? – вырвалось у него.

Глава 11

В тающей октябрьской темноте, когда вращающаяся Земля уносила с собой звезды ночи, Девкалион вышел из калифорнийского аббатства в предрассветный Новый Орлеан.

Двумя столетиями ранее уникальная молния, оживившая его в лаборатории, расположенной в горах центральной Европы, также принесла ему и долголетие, не считая других даров.

Во-первых, на интуитивном уровне он понимал квантовую структуру мира: как различные варианты будущего заключены в каждом моменте настоящего, и все они не только одинаково возможны, но в равной степени реальны; как разум управляет материей; как полет бабочки в Токио может повлиять на погоду в Чикаго; как на самом глубоком уровне структуры все точки мира сведены в одну точку. Для перемещения по свету ему не требовались колеса или крылья. Он мгновенно попадал, куда хотел, и ни одна запертая дверь не служила для него преградой.

В Новом Орлеане он зашагал по улице в Садовом районе, где не так уж давно под именем Виктор Гелиос жил Виктор Франкенштейн. Громадный особняк сгорел дотла в ночь гибели Виктора. Участок расчистили и продали. Новый владелец уже начал строить дом.

Девкалион не знал, почему пришел сюда. Даже если бы Виктор каким-то образом и мог остаться в живых, он бы никогда не решился вернуться в этот город.

Когда-то монстр, а теперь охотник за монстром, Девкалион, возможно, ожидал, что в Новом Орлеане ему будет откровение, и он узнает, где находится его создатель. Но ясновидение не входило в число полученных им даров.

Патрульный автомобиль обогнул угол и направился к нему.

Половина лица Девкалиона сделала бы честь любому красавцу, но вторую, вдавленную, переломанную, покрывали шрамы. Так двумя столетиями раньше закончилась его попытка убить своего создателя. Тибетский монах сложной многоцветной татуировкой попытался скрыть это уродство, и рисунок действительно отвлекал людей, не позволяя осознать, что после такой травмы обычный человек выжить бы не смог.

Тем не менее Девкалион предпочитал выходить на улицы ночью, а еще лучше – в грозу. Тогда он чувствовал себя в своей тарелке. Старался он избегать и слуг закона, которые редко симпатизировали ему.

Когда патрульная машина приблизилась, Девкалион перебрался из Садового района в другую часть города, на улицу, вдоль которой росли старые дубы с обросшими мхом стволами. Здесь когда-то располагалась католическая больница «Руки милосердия», стараниями Виктора превращенная в лабораторию, где и создавалась Новая раса. И от этого здания ничего не осталось. Оно тоже сгорело дотла, а пожарище расчистили. Но что-нибудь новое на этом участке строить еще не начали.

Развернувшись, Девкалион покинул пустырь, чтобы материализоваться на двухполосной дороге рядом со свалкой «Кроссвудс уэст менеджмент», расположенной к северо-востоку от озера Поншатрен. Высокий сетчатый забор огораживал свалку, поверху тянулись кольца колючей проволоки. Сам забор практически скрывали три ряда высаженных перед ним ладанных сосен.

Здесь Виктор умер. Девкалион присутствовал при его казни. Этот ниспровергатель идеи человеческой исключительности, этот враг человечества, этот так называемый создатель суперрасы, в конце концов, оказался человеком, который умер и нашел покой под сотнями тонн мусора. Его изувеченное и безжизненное тело никак не могло воскреснуть.

Над головой Девкалиона зашуршали крылья летучих мышей.

Ночь кормления, благо, что в воздухе над свалкой насекомых хватало, подходила к концу. Началось бегство от зари. Огромная стая летучих мышей слеталась с просторов свалки, где они кормились. Образуя в воздухе огромное кольцо, они кружили над Девкалионом, стоящим по центру. Сначала десятки, потом сотни, может, и тысячи. Ничего подобного видеть ему еще не доводилось. Начальный шелест мембранных крыльев перешел в гул, от которого завибрировало все тело Девкалиона.словно его позвоночник превратился в камертон, словно его скелет стал приемной тарелкой, получающей послание, которое отправляли летучие мыши.

В этом промежутке времени между заходом луны и восходом солнца, летучие грызуны пронзительно закричали в унисон и полетели на север, к той пещере, что служила им прибежищем в часы, когда миром правил солнце. Едва они улетели, вокруг воцарились исключительные тишина и покой.

И одновременно внутреннее спокойствие, дошедшее до самых глубин души, охватило Девкалиона. Смятение мыслей ушло, его сменило осознание того, что необычное поведение летучих мышей – адресованный ему знак, имеющий особое значение.

Знак, говорящий о том, что его подозрения не лишены оснований. То есть интуитивная догадка поднялась на уровень реальной угрозы. Летучие

мышь, кружившие над его головой, привлёкшие к себе его внимание, символически говорили ему о том, что каким-то образом Виктор все-таки жив.

Как и летучие мышь, Виктор принадлежал к ночным существам. Собственно, он был олицетворением ночи, воплощением тьмы, душа его давно заблудилась и кружила там, где не вспыхивало ни единого лучика света. В мире глубокого смысла Виктор брёл вслепую, рассчитывая на то, что его навязчивая идея послужит радаром.

После случившегося в Новом Орлеане он, скорее всего, перестал красоваться на публике, избегал публичности, как летучие мышь избегает солнечных лучей. И наверняка предпочёл сельскую местность мегаполису.

Девкалион теперь уже не сомневался, что найдёт Виктора обретающимся под землей, как летучие мышь обретаются в пещере, под землей, но не мертвого и занятого работой над какими-то новыми созданиями.

Хотя молния не даровала Девкалиону парапсихических способностей, он верил, что долголетие получил для того, чтобы окончательно уничтожить своего создателя. И он выслеживал Виктора из столетия в столетие как гончая, бегущая по следу. Хотя Девкалион не был ясновидящим, время от времени какая-то загадочная сила выводила его на ускользающего хищного зверя так же эффективно, как запах выводит гончую на дичь.

Глава 12

На своем «Форде-Эксплорере» она медленно ехала в город, когда золотые и розовые пальцы зари потянулись к гаснущим звездам, которые ускользали от них. Проехать предстояло всего четыре мили, но к тому времени, когда она прибыла к конечному пункту своего путешествия, на востоке небо окрасилось в яркие цвета праздничного фейерверка, тогда как на западе сменило черноту сначала на темную синеву сапфира, а потом стало кобальтово-синим.

Эрика Пятая любила этот мир. Ее зачаровывал зимний снег (каждая снежинка – крошечный замороженный цветок), белые просторы, наметенные сугробы. Ее приводили в восторг нежная зелень весенних лугов и яркость летних полевых цветов. Ее вдохновляли далекие горы, массивные вершины, рвущиеся к небу, более пологие склоны, заросшие хвойным лесом. Леса, спускавшиеся с предгорий и занимавшие половину принадлежащего ей участка, были для нее кафедральным собором. Она гуляла среди бесчисленных колонн под бесчисленными сводчатыми потолками, радуясь, что живет в этом мире, живет в Монтане. Вообще живет.

Ее называли Эрикой Пятой, потому что она была пятой Эрикой, абсолютно идентичной первым четырем, которую вырастил Виктор в одном из резервуаров сотворения в лаборатории «Руки милосердия» в Новом Орлеане. Полностью соответствуя его идеалам красоты и обаяния, все пятеро, одна за другой, служили ему женами, разумеется, без оформления официальных документов.

Первые четыре Эрики, так или иначе, вызвали недовольство Виктора, и он их убил, одну за другой. Эрика Пятая, Эрика Гелиос – точнее, Эрика Франкенштейн – также не сильно порадовала его за короткий период ее использования, но убить ее Виктор просто не успел.

В это октябрьское утро, как и чуть больше двух минувших лет, она жила под именем Эрики Сведенберг. Свою жизнь, не оборвавшуюся со смертью Виктора, она воспринимала не иначе, как чудо.

Две главные улицы Рейнбоу-Фоллс, Беатут-авеню и Коди-стрит, пересекались в центре города. В торговых кварталах вдоль тротуаров выстроились притягательно старомодные двух- и трехэтажные дома, построенные в девятнадцатом и самом начале двадцатого столетия, с толстенными кирпичными стенами, уберегающими от лютых зимних

морозов.

На Коди, в половине квартала к востоку от Беатут, Эрика свернула к тротуару и припарковалась у «Пекарни Джима Джеймса», которая открывалась до зари, обслуживая любителей раннего завтрака. Эрика приезжала в город раз в неделю, чтобы купить десяток аппетитных булочек с корицей и орехами, поблескивающих белой глазурью. Вкуснее этих булок она не пробовала.

Джим Джеймс выпекал их сам, по рецепту его матери, Белинды. Сводный брат Джима, Энди Эндрюс, держал «Кафе Энди Эндрюса», расположенное в двух кварталах к северу на Беатут, в котором меню ленча и обеда составляли блюда по рецептам матери. Если в выборе имен для детей Белинда воображения не проявила, то с готовкой все обстояло с точностью до наоборот. И своими секретами она поделилась с сыновьями.

Выключив двигатель, но еще не успев открыть водительскую дверцу, Эрика увидела человека, которого знала. Он шел по тротуару. Мужчина в черных ковбойских сапогах, джинсах и черной кожаной куртке, слишком уж хорошего качества и покроя, чтобы продаваться в магазинчиках захолустного Рейнбоу-Фоллс. Высокий мужчина. Подтянутый. Сурово-красивый.

Виктор. Виктор Гелиос, он же Франкенштейн. Ее муж, мучитель, хозяин, которому ей полагалось безропотно повиноваться, ее создатель. Она верила, что он умер. А если и не умер, то живет где угодно, но только не в Монтане.

Он шел, глубоко задумавшись, сунув руки в карманы куртки, наклонив голову, не отрывая глаз от тротуара. Клубы его теплого дыхания расцветали и рассасывались в холодном утреннем воздухе.

Эрике бы отвернуться на случай, что он вскинет глаза и увидит ее, сидящую за рулем внедорожника. Но ее словно парализовало. Она не могла отвести от него взгляд.

Виктор прошел на расстоянии вытянутой руки от «Эксплорера», не заметив ее. На его левом виске Эрика увидела знакомую маленькую золотисто-коричневую родинку, размером не больше ластика на конце карандаша, окончательно убедившую ее, что это не какой-то незнакомый мужчина, внешне напоминавший Виктора.

После того, как он миновал «Эксплорер», Эрика наблюдала за ним в зеркало заднего обзора. У самого конца квартала он открыл дверцу какого-то автомобиля и скрылся из виду. Другие автомобили, стоявшие у тротуара, загоразживали обзор. Потом, все в то же зеркало, она увидела, как Виктор вырулил на проезжую часть. Она наклонилась над пассажирским сиденьем,

будто ее там что-то заинтересовало, чтобы не попасться ему на глаза, когда он будет проезжать мимо.

Когда шум двигателя достиг пика и стал спадать, Эрика подняла голову и увидела, что сидит Виктор за рулем серебристого «Мерседеса GL550» с номерными знаками Монтаны. В конце квартала «Мерседес» остановился на красный свет.

Вырвавшись из-под контроля Виктора, она проехала тысячу восемьсот миль, чтобы начать новую жизнь в месте, разительно отличающемся от Луизианы. Сам факт, что Виктор остался жив после случившегося в Новом Орлеане, представлялся почти что невероятным, а уж такого, что он укроется в том же городке, учитывая, что поехать он мог куда угодно, Эрика и представить себе не могла.

Эрика завела двигатель, выехала из ряда стоявших у тротуара автомобилей, пристроилась за «Мерседесом», когда красный свет сменился зеленым. Охваченная страхом, но твердо решившая не поддаваться ему, она последовала за своим создателем через перекресток. Когда они подъезжали к окраине города, Эрика чуть отстала, чтобы он не заметил слежки, и пропустила вперед автофургон.

Остро отдавая себе отчет в том, что таких совпадений не бывает, и смысл ее жизни ей предстоит только найти, потому что определен он совсем другими силами, Эрика тем не менее приняла важное для себя решение: что бы ни случилось, она по-прежнему будет Эрикой Сведенберг и никогда больше не станет Эрикой Пятой.

Глава 13

Утром того же вторника, в 8:48, новый начальник полиции Рафаэль Хармально, внешне неотличимый от прежнего Рафаэля Хармально, вошел в лифт вместе с доктором Генри Лайтнером, и двери кабины сомкнулись за ними.

Мемориальная больница Рейнбоу-Фоллс с ее 106 койками изначально рассчитывалась на интенсивное и кратковременное лечение поступающих пациентов. Как только состояние больного стабилизировалось, тех, кому требовалось длительное лечение, отправляли на машине или вертолете «Скорой помощи» в Грейт-Фоллс, в более крупную и оснащенную всем необходимым больницу... а в случае летального исхода (увы, случалось и такое) – в одно из трех похоронных бюро города.

Будучи одним из двух оперирующих хирургов города и главным врачом Мемориальной больницы, Генри Лайтнер не проводил операции на сердце, но за годы работы удалил сотни желчных пузырей, никак не меньше тысячи аппендицитов, множество цист и далеко не одну пулю. Он спасал жертв дорожных аварий, поножовщины, самоубийц, и в Рейнбоу-Фоллс его ценили и уважали не только за виртуозное владение скальпелем, но и за умение найти нужное слово у постели больного, и за высокую гражданскую ответственность.

Доктор Лайтнер, вошедший в кабину лифта, не был настоящим доктором Лайтнером. Хотя в его мозг загрузили все воспоминания хирурга, и в компании он вполне мог сойти за него, этот доктор Лайтнер не сумел бы успешно провести даже самую простую хирургическую операцию.

Создатель еще не разработал методики, позволяющей переносить из мозга в мозг приобретенные навыки, к примеру, медицинские, но со временем такая методика не могла не появиться. Располагая достаточным временем, создатель достигал любой поставленной им цели.

В любом случае через семьдесят два часа, к утру пятницы, Рейнбоу-Фоллс мог обойтись и без врачей, и без больницы. К тому времени все население состояло из коммунаров, не подверженных ни одной инфекции и способных без чьей-либо помощи быстро восстанавливаться после самых тяжелых ран и увечий.

– Дневная смена прибыла полностью? – спросил Хармально, когда они спустились в подвал двухэтажного здания.

– Медицинские сестры, санитарки, администраторы, техники,

уборщики, – подтвердил Лайтнер. – В больнице смены перехлестываются, поэтому они начали работу в семь часов. Их встретили двойники. Процесс загрузки информации завершен. С врачами мы будем разбираться по мере их прибытия на дневной обход.

Двери кабины разошлись, и Генри Лайтнер вывел чифа Хармильо в коридор со светло-синими стенами и полом, выложенным белыми керамическими плитками.

Санитарки и уборщики дневной смены, используя каталки и тележки, освобождали несколько комнат от больничных архивов, шкафов, другой мебели.

– Все сваливается в гараж, который находится на этом же уровне, – доложил Лайтнер. – Эти внутренние комнаты в достаточной степени удалены от других помещений и звукоизолированы, чтобы разместить здесь Строителей.

– Они такие шумные?

– Сами – нет. Но, может, их материалы.

Лайтнер открыл дверь и первым вошел в комнату площадью в двадцать квадратных футов, полностью освобожденную от мебели, чтобы вместить восемнадцать человек.

– Это ночная смена, сидят здесь почти пять часов, с того момента, как мы взяли больницу под контроль.

Десять медсестер и два санитара в униформе, один врач, дежуривший на случай, если ночью вдруг привезут тяжелого больного (такая маленькая больница не могла позволить себе реанимационное отделение), два уборщика, два охранника, один инженер, контролирующий работу систем жизнеобеспечения. У каждого на левом виске поблескивала серебристая полусфера размером с десятицентовик, шляпка гвоздя, вычерпывающего из мозга нужную информацию.

Коммунары не отличались богатством воображения, не знали, что такое гипербола, поэтому чиф Хармильо в своих наблюдениях мог опираться только на свои пять чувств:

– Воздух прямо-таки загустел от их страха.

В полном соответствии с полученными приказами семнадцать пленников сидели, привалившись спиной к стене. У некоторых кисти безвольно лежали на полу, ладонями вверх. Другие теребили одну руку с побелевшими костяшками другой: изгибали, покачивали, потирали, сжимали в безмолвном отчаянии.

Двое сидели с пустыми глазами, словно не понимая, что с ними происходит, один из этой парочки пускал слюни. У некоторых в глазах

стоял ужас, какой можно увидеть в глазах маленьких животных, на которых упала тень ухмыляющегося волка. Кое-кто из обреченных лихорадочно шарил взглядом по всей комнате, смотрел на своих товарищей по несчастью, на стены, на потолок, чем-то напоминая алкоголиков, допившихся до белой горячки и везде видящих зеленых человечков. У одной медсестры порвали юбку, у одного охранника на брюках темнело пятно высыхающей мочи. В воздухе стоял кислый запах пота.

Одна молодая медсестра лежала на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, неподвижная. Глаза залила кровь.

– Мозговое кровоизлияние? – спросил чиф Хармильо.

– Да, – ответил доктор Лайтнер.

– Проблема с зондом сбора информации?

– Да. Пока единственный случай.

– Она жива?

– Какое-то время жила. Теперь умерла.

– Падаль, – прокомментировал Хармильо.

Лайтнер кивнул.

– Но все равно полезна.

– Да. Полезна, насколько могут быть полезны такие, как эта, – они вышли в коридор, и доктор Лайтнер продолжил: – Двойники ночной смены разошлись по домам. Скоро они обеспечат замену их жен, мужей, детей.

– Где дневная смена?

Лайтнер указал на другую закрытую дверь.

– Поскольку это дневная смена, их больше.

– Когда они будут воспроизведены?

– Этим утром, чуть позже. Строители придут примерно через час.

– Сколько пациентов сейчас в больнице?

– Восемьдесят девять.

– Когда ты начнешь переводить их сюда?

– Как только они здесь понадобятся, – ответил Лайтнер – но не раньше, чем придет следующая смена и будет заменена двойниками. Вероятно, в пять вечера.

– Нескоро.

– Но точно по намеченному плану.

– Какая от меня нужна помощь? – спросил Хармильо.

– Изначально я думал о четырех твоих помощниках. Теперь полагаю, что хватит и одного.

Хармильо вскинул брови.

– Только одного?

– И то в основном для связи, передать сообщение другим полицейским, если возникнет кризис.

– Судя по всему, никаких кризисов ты не ждешь.

Лайтнер кивнул.

– Как выяснилось, с ними все просто. Они такие доверчивые. Подчиняются сразу, даже до ввода зондов. Мы-то думали, что жители Монтаны совсем другие.

– У нас та же история. Какой там Дикий Запад. Стадо овец.

– Мы их уже и зовем двуногими барашками, – сказал Лайтнер. – К пятнице мы без труда очистим весь город.

– Очистим и вырежем, – уточнил чиф Хармильо, и в его голосе слышалось как презрение к жителям Рейнбоу-Фоллс, так и ожидание триумфа Коммуны.

Глава 14

Приехавший первым Эрскин Поттер припарковал свой «Форд»-пикап на участке асфальта с надписью: «ЗАРЕЗЕРВИРОВАНО ДЛЯ БОССА». И речь шла не о его должности в городской администрации.

Согласно городскому уставу, мэр Рейнбоу-Фоллс мог продолжать заниматься бизнесом, который у него был до избрания на этот высокий пост. Эрскину Поттеру принадлежал «Пикинг энд грининг роудхаус», ресторан и ночной клуб, расположенный у западной административной границы города, одноэтажное здание с красными стенами, большой верандой с белым ограждением и колоннами, под крышей из кедровой черепицы.

«Пикинг энд грининг» работал круглый год, со среды по субботу. Здесь можно было и пообедать, и потанцевать. В воскресенье все столы сдвигали к одной стене большого зала, стулья ставили рядами, и сцена превращалась в алтарь для проведения религиозной службы.

В этом приходе Церкви рыцарей небес состояло триста двадцать прихожан, и большая их часть посещала каждую воскресную службу. Одним из прихожан был Эрскин Поттер – настоящий Эрскин Поттер, который в тот момент вместе с женой и дочерью сидел в подвале полицейского участка.

Среди информации, выкачанной из памяти прежнего мэра, множество фактов и образов имело непосредственное отношение к деятельности этой церкви, но новый мэр оставил их без внимания. Будучи продуктом создателя и его гения, – за несколько месяцев выросший, запрограммированный и отправленный в мир – он находил любые теории священного порядка скучными и нелепыми.

В Коммуне ни один из ее членов не отличался от другого, важностью или величием они не превосходили любое животное или растение, камень или звезду. Всегда и везде коммунары руководствовались исключительно эффективностью, с оптимизмом глядя в будущее.

Каждый месяц вечером первого вторника Рыцари небес встречались в «Роудхаусе» семьями, слушали музыку, играли в игры, лакомились домашними блюдами, которые привозили с собой. Этому семейному вечеру предстояло стать последним.

Через пару минут после приезда Эрскина с автострады свернул «Шеви»-пикап и остановился справа от пикапа Эрскина.

Эрскин вышел из кабины, его примеру последовали двое мужчин, приехавших в «Шеви», Бен Шэнли и Том Зелл, члены Городского совета.

Ни Шэнли, ни Зелл ничего не сказали Эрскину Поттеру, как и он ничего не сказал им, отпирая парадную дверь ресторана.

Они вышли на мезонинный уровень, с которого открывался вид на большой зал. Вдоль стены выстроились кабинки со скамьями, спинки которых обтянули темно-синим винилом. Шесть ступенек вели к нижней части огромного зала, размерами превосходящей мезонин.

Бар, с массивной стойкой из красного дерева, находился по правую руку, в дальнем конце прямоугольного зала. Напротив бара, слева, двустворчатая дверь вела в банкетный зал, рассчитанный на двадцать четыре человека.

Пространство между баром и дверью в банкетный зал занимали сорок квадратных столиков, каждый с четырьмя стульями. На каждом столике стояли солонка, пепельница, пластиковые бутылки с кетчупом и горчицей и подсвечник из красного стекла, в котором при работе заведения горела свеча. Напротив лестницы с мезонина, у стены, находилась сцена, перед ней – танцплощадка. За задником из темно-синего бархата – небольшой пятачок, к которому примыкали две гримерные и две крошечных ванных комнаты, пользоваться которыми могли только выступающие артисты.

Окон нигде не было.

– У этого зала пять выходов, – объяснял Эрскин Поттер членам Городского совета. Втроем они стояли на танцплощадке. – Парадная дверь, через которую мы вошли, дверь в коридор, где находятся туалеты. В коридоре есть и запасной выход. Дверь в коридор, ведущий к кухне. Двустворчатая дверь в банкетный зал, в котором тоже есть запасной выход. И за задником сцены есть дверь на автомобильную стоянку. Некоторые выглядят, как красивые деревянные двери, но все они стальные, жаростойкие и обиты пластиком под дерево. Если двери запереть, никому не удастся их сломать и выбраться отсюда.

– Сколько соберется народу? – спросил Том Зелл.

– От ста двадцати до ста пятидесяти.

– Будет среди них кто-то из наших?

– Их пастор. Преподобный Келси Фортис.

– Сколько у нас Строителей? – спросил Бен Шэнли.

– Трое?

– Как будем действовать?

– Первыми и быстро возьмем молодых и сильных мужчин, – ответил Эрскин Поттер, – прежде чем они попытаются оказать сопротивление.

Потом остальных мужчин.

– Они могут сопротивляться? – удивился Шэнли. – Прихожане?

– Возможно, и попытаются. Так что с мужчинами надо покончить быстро. Женщины попытаются вывести детей, как только все начнется, но обнаружат, что двери заперты.

– Потом мы возьмем женщин, – вставил Том Зелл.

– Да.

– Детей оставим напоследок.

– Да. Убираем сильных, переходим к слабым, а потом к слабейшим.

После того, как со взрослыми будет покончено, мы займемся детьми и сможем передавать их Строителям одного за другим, по мере необходимости.

Глава 15

В красивом маленьком домике Джокко целый час поднимался и спускался по лестнице. Вверх, вниз, вверх, вниз.

Иногда он пел, когда взбегал по лестнице или скатывался вниз. Иногда свистел. Или сочинял стишки. «Джокко котят ест на ленч каждый день, Джокко совсем есть котятков не лень! Джокко детей на обед любит есть! Выплюнет их и опять хочет съесть!»

Обычно Джокко останавливался на лестничной площадке, чтобы сделать пируэт. От пируэтов его иногда мутило. Но ему это нравилось. Вращаться.

На самом деле Джокко котят не ел. Как и детей. Просто прикидывался большим злобным монстром.

Прежде чем подняться по лестнице, он корчил страшные рожи зеркалу в прихожей. Обычно вид этих рож вызывал у него смех. Пару раз он вскрикивал от ужаса.

Джокко был счастлив. Счастливее, чем того заслуживал.

Он не заслуживал такого большого счастья, потому что был монстром. Просто маленьким и не злобным.

Начал он жизнь в Новом Орлеане какой-то опухолью. Развивался в странной плоти одного из Новых людей Виктора Франкенштейна. Рос и рос внутри другого живого существа. Когда стал осознавать, что он тоже живое существо, вырвался на свободу, уничтожив того, кто выносил его, освободился от тела Нового человека, освободился от Виктора.

Когда начинаешь жить опухолью, жизнь может становиться только лучше.

Джокко был повыше среднего карлика. Бледный, как мыло. Безволосый, если не считать трех волосков на языке. С шишковатым подбородком. С безгубой щелью вместо рта. С грубой, шероховатой кожей. Со странными стопами. Скорее жуткими, чем смешными.

Он не тянул на Нового человека, которого пытался создать Виктор. Но многое из созданного Виктором получалось совсем не таким, как тот ожидал.

Вверх по лестнице и снова вниз.

– Джокко – страшило! Тролль, демон, упырь! Странный, жуткий, но такой клёвый!

Джокко не заслуживал счастья, потому что появился на свет в

результате грубого промаха Виктора. Джоко никогда не смотрел, прежде чем прыгнуть. И часто не оборачивался, уже прыгнув.

Джоко знал – то, что летит вверх, должно упасть вниз. Но иногда бросал камень в пикирующую на него птицу, и камень падал ему на голову, то есть он сам себя закидывал камнями.

Птицы. Говорят, что синица в руке лучше журавля в небе. Джоко предпочитал журавля в небе. В Луизиане птицы нападали на него, как только он попадался им на глаза. Яростно. Клевали, рвали когтями, снова клевали. Джоко до сих пор боялся птиц.

Монстр. Результат неудачного эксперимента.

Еще хуже. Трус. Джоко так легко пугался, и так многого. Боялся птиц. Койотов. Кугуаров. Бегущих лошадей. Рэпа. Собственного лица. Брюссельской капусты. Телевизора.

Телевизор ужасно его пугал. Работающий, когда Джоко мог смотреть шоу, не пугал. Пугал выключенный. Выключенный телевизор казался большим, злым глазом. Выключенный телевизор следил за Джоко.

Эрика держала на телевизоре сложенное одеяло. Когда телевизор выключали, она накрывала его этим одеялом. Глаз оставался открытым. Открытым под одеялом. Но, по крайней мере, он не мог видеть Джоко.

Монстр. Результат неудачного эксперимента. Трус. Оставаясь один, он не мог не двигаться. Что-то делал. Ерзал. Наглядный пример резко выраженного синдрома гиперактивности.

И однако Джоко по-прежнему чувствовал себя счастливым. Невероятно счастливым. Таким счастливым, что ему часто хотелось отлить. Он чувствовал себя счастливым, потому что в эти дни редко оставался один. Они с Эрикой так славно жили в этом маленьком домике на сорока акрах лугов и лесов.

Вышедшая из резервуара сотворения, Эрика была бесплодна, как и все новоорлеанские творения Виктора. Но она появилась на свет Божий с сильным материнским инстинктом. Если б Виктор об этом знал, убил бы на месте.

Виктор говорил, что семьи опасны. По отношению к семьям люди проявляли большую верность, чем к своим правителям. Виктор хотел, чтобы его создания хранили верность только ему.

Эрика называла Джоко «маленький мой». Эрика называла его Живчиком, если он не мог усидеть на одном месте.

А когда он сидел спокойно, называла его «Крошкой Тимом»^[6]. Спокойно сидел в кресле и читал. Они читали много. Сидя в креслах. В их милом маленьком домике.

Может, за стенами шел снег. Или дождь. Или просто дул ветер. Но в домике были кресла, и книги, и частенько горячий шоколад.

Пробежав час по лестнице вверх-вниз, Джокко заволновался. Эрике давно следовало вернуться. Она уехала за булочками с корицей.

Что-то с ней случилось. Может, в нее врезался грузовик. Может, два грузовика. Может, рэп.

Может, до нее добрался медведь. Здесь водились медведи гризли. Медведи обитают в лесу. Джокко никогда ни одного не видел. Но они водились. Лес служил медвежьим туалетом.

Может, теперь Джокко остался один во всем мире.

Когда начинались эти «может», они уже не прекращались.

Джокко поспешил к парадной двери между двумя высокими узкими окнами. Дальше лежало переднее крыльцо.

Он посмотрел в левое окно. За крыльцом тянулась подъездная дорожка. Убегала, скрываясь из виду, к шоссе. И никакого автомобиля.

Джокко посмотрел в правое окно. То же крыльцо, та же подъездная дорожка, и никакого автомобиля.

Левое окно. Правое. Левое, правое, левое, правое.

Верхняя треть двери представляла собой стеклянную панель. Выше головы Джокко. Он подпрыгнул, увидел крыльцо, подъездную дорожку, никакого автомобиля. Подпрыгнул. Никакого автомобиля. Подпрыгнул. Никакого автомобиля.

Левое окно, подпрыгнул, правое окно, подпрыгнул, левое окно, подпрыгнул: никакого автомобиля, никакого автомобиля, никакого автомобиля, никакого автомобиля.

Может, ему не стоило и надеяться, что он увидит подъезжающий автомобиль Эрики. Может, он будет надеяться, и надеяться, и надеяться, и автомобиль подъедет, только за рулем будет сидеть медведь.

Эрика, должно быть, мертва. Не будь она мертвой, уже вернулась бы домой. Джокко вновь остался в этом мире один. Наедине с закрытым одеялом телевизором. И с медведями, следящими за ним из леса. И с птицами, кружащими в небе.

Без нее ему вновь придется жить в сточных канавах. В дренажных коллекторах. Выходить в ночь в поисках еды. Шнырять по темным проулкам.

Он – монстр. Люди не любят монстров. Они будут бить его ведрами, лопатами, всем, что попадется под руку. Они били его раньше, когда он пытался жить сам по себе и люди случайно на него наталкивались. Били ведрами, лопатами, швабрами, зонтами, тростями, кусками цепей и

садовых шлангов, длинными сосисками.

Джоко заверещал от горя и страха. Собственное верещание напугало его.

Чтобы отвлечься, чтобы окончательно не впасть в панику, Джоко начал делать пируэты. Делая пируэты, переходил из комнаты в комнату. Потом принялся кувыркаться. Жонглировать красными резиновыми мячами. Жонглировать фруктами. Жонглировать овощами. Подниматься и спускаться по лестнице на руках. Вверх и вниз, вверх и вниз. Он переставил содержимое всех кухонных шкафчиков... потом вернул все на прежнее место. Он вскрыл пакет с фасолью и пересчитал все фасолины. Потом пересчитал по две. По три.

Эрика все не возвращалась.

Глава 16

Карсон и Майкл жили в светло-желтом викторианском доме, резные наличники которого выкрасили в ярко-синий цвет. Выглядел дом так, будто строила его бригада кондитеров для шоу на «Фуд нетуок»^[7].

И внутри светлая столярка, желтые стены и темно-красный паркет поднимали настроение Карсон всякий раз, когда она приходила домой. В каждой комнате место крепления светильника к потолку окружал лепной медальон.

Ранее, в Новом Орлеане, внутренняя отделка дома Карсон не интересовала. Для нее домом называлось место, где она могла поесть, поспать и почистить оружие. Для Майкла идея стильного интерьера включала раскладное кресло, сосновый стол со встроенной лампой и стойку для журналов, чтобы ставить на нее пиво и класть пакет чипсов.

Последнее расследование, которое они проводили, будучи детективами Управления полиции Нового Орлеана, привело их в жуткие, сравнимые с адом места, полные страшных угроз. С тех пор их действия и решения, по существу, являли собой реакцию на случившееся с ними. Доведя расследование до конца, они покинули душную и влажную дельту реки^[8] и перебрались в этот город на холмах, где океанские ветры и клубящиеся туманы каждодневно то заполняли улицы, то очищали их. Они искали место с высокими окнами, светлыми стенами и просторными комнатами, с минимумом теней, причем не густых, а потому не страшных, где можно жить, а не безропотно выносить тяготы жизни.

И теперь, когда они, наконец, вернулись домой, оставив раненного в левую стопу Чанга на попечение полиции и написав подробные свидетельские показания, в прихожей их встретил Герцог, немецкая овчарка с умными, полными любви глазами. Его хвост, пребывающий в непрерывном движении, наглядно демонстрировал, насколько пес рад их возвращению.

Обычно Карсон и Майкл падали на колени, чтобы почесать Герцогу грудь или за ушами, а потом и живот, когда он укладывался на спину, развалив все четыре лапы. Искренняя и чистая любовь пса могла пробудить добрые чувства даже в самом черством сердце.

Сердца у Карсон и Майкла не зачерствели, пусть им и приходилось частенько сталкиваться со злом, но на этот раз они просто потрепали Герцога по голове, чуть коснулись нежного местечка под подбородком и

похвалили словом:

- Хороший мальчик.
- Очень хороший мальчик.
- Красавчик ты наш.
- Папуля так счастлив видеть своего Герци.

Не сговариваясь, они стремились к одному и тому же: ощутить запах чистого детского тельца, увидеть беззубую улыбку, яркие синие глазки.

– Герци, где Скаут? – спросила Карсон. – Найди Скаут. Отведи нас к Скаут.

Немецкая овчарка с энтузиазмом взялась за порученное дело. Герцог выбежал в коридор и скрылся в дверном проеме, за которым находилась кухня.

Карсон и Майкл последовали за ним и увидели Мэри Маргарет Долан, которая стояла у раковины и чистила яблоки. Герцог уселся рядом с ней, терпеливо ожидая, когда ему перепадет ломтик лакомства.

Мэри Маргарет, полной, но не толстой, с безупречной кожей и зеленоватыми глазами, недавно исполнилось шестьдесят. Умная, заботливая, опытная и всегда веселая, в ругательствах она не шла дальше «проклятья» и «дерьма собачьего». Причем в последнем случае краснела.

Раньше она работала медсестрой, и все прошлые работодатели отзывались о ней только в восторженных тонах. В ее послужном списке не было ни одного замечания, даже за опоздание на работу или за мелкое нарушение внутреннего распорядка больницы.

Муж Мэри Маргарет, Брендон, полицейский, неоднократно отмеченный за заслуги, погиб при исполнении обязанностей. Из двух ее сыновей один стал священником, а второй – профессиональным военным, на груди которого сверкало множество орденов и медалей. Он служил в морской пехоте. Что же касается трех дочерей Мэри Маргарет, то одна ушла в бенедиктинский монастырь, вторая в кармелитский, а третья, врач-терапевт, работала в общественной организации «Врачи без границ», в настоящий момент пользовала бедняков на Гаити.

Досконально проверив прошлое Мэри Маргарет, Карсон и Майкл едва не приняли решение отказаться от ее услуг. Их напугал тот факт, что Эмили Роуз, дочь-терапевта, приехавшую в отпуск из страны третьего мира, дорожная полиция Калифорнии оштрафовала за то, что она в одиночестве ехала по полосе, предназначенной для участников автомобильных пулов^[9].

Несмотря на такое вопиющее нарушение закона, они все-таки остановили свой выбор на Маргарет, в немалой степени и потому, что из всех претенденток только она не отличалась воинственностью и обходилась

без татуировок.

Женщина, руки которой покрыты татуировками, затаившая злобу на весь мир, разумеется, могла оказаться образцовой няней. Карсон и Майкл не относили себя к ханжам. Они верили в равные возможности и для тех, кому нравилась собственная разрисованная кожа, и для тех, кто постоянно на что-то злился. Просто им не хотелось прийти однажды домой и увидеть, что левую ручку Скаут обвивает зубастый дракон, а свою речь она перемежает нецензурными словами.

– Делаете пирог, миссис Ди? – спросила Карсон, когда вошла на кухню и увидела Мэри Маргарет с ножом в руке.

– Нет, дорогая. Кому нужен пирог, если можно сделать клецки с яблоками? Поймали плохиша?

– Я прострелила ему ступню, – ответила Карсон.

– И правильно, дорогая. Особенно если он того заслуживал.

– Он приставил пистолет к голове Карсон, – пояснил Майкл.

– Тогда и тебе стоило прострелить ему ступню, мой милый.

– Она также на него наблевала, – добавил Майкл.

– Тебя тоже вырвало, – напомнила Карсон.

– Но в бухту. Не на преступника. Я бы никогда не блеванул на преступника.

В углу кухни стоял передвижной манеж с заблокированными колесиками. В центре манежа в розовом пуловере, памперсе и розовых пинетках сидела Скаут, жевала нос плюшевого медведя, безопасного для младенцев и одобренного педиатром.

Двумя неделями раньше Скаут начала садиться. Этот подвиг до сих пор зачаровывал Карсон, и теперь она гордилась дочерью ничуть не меньше, чем в тот день, когда это случилось.

Когда Карсон и Майкл наклонились к манежу, чтобы улыбнуться девочке, она перевернула медведя головой вниз и сказала его попке: «А-гу, а-гу».

– Мэри Маргарет, а что у нее во рту? – с тревогой спросил Майкл. – У нее что-то во рту, да?

– Расслабься, милый. Это зуб.

– Зуб? Где она взяла зуб?

– Он вылез ночью. Она даже не плакала. Я обнаружила его, когда утром готовила ей бутылочку.

– Она никогда не плачет, – Карсон подняла улыбающуюся дочку из манежа. – Она у нас терпеливая.

– Зуб, – восторгался Майкл. – Кто бы мог поверить, что у нее так скоро

появится зуб.

– Га-га-га-га, ба-ба-ба-ба, – ответила Скаут.

– Последовательности гласных и согласных! Она агукает. Боже, она агукает!

– Это точно, – согласилась Карсон. – Действительно, агукает. Мэри Маргарет, вы это слышали?

– Га-га-га-га, ва-ва-ва-ва-га-га, – продемонстрировала Скаут свои возможности, держа медвежонка за промежность.

– Последовательности гласных и согласных, – повторил Майкл с восторгом, переходящим в благоговейный трепет. – Агукает. Скаут агукает.

– Не только Скаут, – указала Мэри Маргарет.

– Но ей нет еще и семи месяцев, – напомнила Карсон. – Мэри Маргарет, это же удивительно, агукать в столь раннем возрасте.

– Пожалуй, что нет, учитывая ее наследственность, – няня продолжала чистить яблоки. – Действительно, она идет впереди на пару недель, наш маленький ангелочек, но давайте не будем объявлять ее вундеркиндом.

– Га-га-га-га, – Майкл показал пример дочери, в надежде вновь услышать ее голосок.

– Бедный Герцог, – Мэри Маргарет посмотрела на овчарку, – о тебе совсем забыли, – и бросила псу ломтик яблока, который тот поймал на лету.

– Дай мне ее подержать, – попросил Майкл.

Карсон определенно не хотелось расставаться с драгоценным комочком.

– Ну... ладно. Только не урони ее на голову.

– С чего мне ронять ее на голову?

– Я не говорю, что ты сделаешь это специально.

– Посмотрите на этот зуб, – воскликнул Майкл. – Юный крокодилыч гордился бы таким зубом.

– А с чего вся эта рвота? – спросила Мэри Маргарет.

Карсон и Майкл переглянулись, но никто из них не ответил.

Будучи вдовой копа, Мэри Маргарет терпеть не могла тех, кто уваливает от ответа на заданный вопрос.

– Я говорю сама с собой, а ваше присутствие мне чудится? Послушайте, будь у вас слабый желудок, вы бы не смогли работать в отделе расследования убийств.

– Дело не в слабом желудке, – ответил Майкл, покачивая Скаут. – Дело в страхе.

– Вы же много лет проработали в полиции, – удивилась Мэри Маргарет. – Так мне, во всяком случае, говорили. Я хочу сказать, неужели

раньше никто не держал пистолет у ваших голов.

– Разумеется, такое случалось, – ответил Майкл. – Тысячи раз.

– Десятки тысяч, – уточнила Карсон. – Но на воде – никогда. Может, это сочетание и сработало – пистолет у головы и покачивание яхты.

– Ка-ка, ка-ка, ка-ка, – сказала Скаут.

Повернувшись к ним лицом, с яблоком в одной руке и ножом для чистки овощей и фруктов в другой, уперев руки в боки, Мэри Маргарет выглядела такой же суровой, какой и должна выглядеть мать одного священника, одного морского пехотинца и двух монахинь, решившая, что кто-то водит ее за нос.

– Уж не знаю, какой вы меня себе представляете, но я не глупа. Вы блевали на людей...

– Только на одного человека, – уточнила Карсон.

– ...поскольку теперь вам есть, что терять. Это раньше вы были одинокими, без этой милой крошки.

Ответила ей Карсон, и то не сразу.

– Полагаю, толика правды в этом есть.

– Да уж, – согласился Майкл.

– Это не толика правды, – покачала головой Маргарет. – Это вся правда, чистая правда, как и все, сказанное в Библии.

Скаут бросила плюшевого медвежонка и схватилась за нос отца.

Карсон подняла медвежонка.

Майкл осторожно вытащил большой палец Скаут из своей ноздри.

– Должна я озвучивать вывод, к которому ведет эта правда? – спросила Маргарет. – Тогда озвучу. Раз потерять вы теперь можете так много, что малейший риск заставляет вас блевать на людей, тогда вам уже не хватает духа, чтобы рисковать. И лучше занимайтесь разводами, помогайте обманутым женщинам.

– На этом много денег не заработаешь, – вздохнула Карсон.

– Но с каждым годом таких дел становится все больше и больше.

– И обманывают не только женщин, – уточнил Майкл. – Встречаются и верные мужья.

Мэри Маргарет нахмурилась.

– Я бы не советовала гордиться тем, что и в наши времена такое возможно.

Няня продолжила чистить яблоки, Герцог вновь не отрывал от нее глаз в надежде на еще один ломтик.

– Где Арни? – спросила Карсон о своем брате.

– В кабинете, – ответила Мэри Маргарет. – Занимается. Никогда не

видела мальчика, которому так нравится учиться. Это так же восхитительно, как и неестественно.

Майкл первым вышел из кухни, со Скаут на руках, говоря: «Га-га-га-га, ба-ба-ба-ба», – в надежде, что ему ответят, но малышка только смотрела на него в изумлении, – широко раскрытые синие глаза, открытый рот – словно в ужасе от того, что ее отец вдруг превратился в лепечущего младенца.

– Только не урони ее, – предупредила Карсон.

– Очень уж ты суетишься.

– Что ты сказал?

– Что ты очень суетишься. Простое наблюдение.

– Если б ты не нес младенца, я бы тоже сделала наблюдение.

– Ты – моя маленькая бронезилетка, – улыбнулся Майкл Скаут.

– Я бы сделала наблюдение коленом по яйцам. Это ж надо. Я очень суечусь!

– Твоя мама – личность типа-А^[10], – объяснил Майкл Скаут. – К счастью, этот ген не относится к доминирующим.

Войдя в кабинет, они обнаружили, что Арни совсем и не погружен в книги. Он играл в шахматы.

А напротив него, горой возвышаясь над шахматной доской, сидел Девкалион.

Глава 17

Мистер Лисс струсил. Выглядел столь же испуганным, как чуть раньше – злым. Морщины и морщинки на его тощем лице никуда не делись, но теперь стали морщинами и морщинками озабоченности.

Намми О'Бэннон не решился сесть на нижнюю койку, она теперь принадлежала мистеру Лиссу. Поэтому, пусть и стесняясь, он сел на краешек унитаза, на котором не было крышки. И наблюдал за мистером Лиссом, который вышагивал взад-вперед.

Сначала мистер Лисс пытался говорить с людьми, которые сидели в двух других камерах. Никто ему не ответил.

Потом принялся кричать на них. По-всякому обзывать. Они на него даже не посмотрели.

Наконец пригрозил, что отрежет у них разные части тела и скормит свиньям. Свиней в тюрьме не было, но угроза прозвучала очень убедительно. Намми в нее поверил и задрожал всем телом. Мистер Лисс все ругал и оскорблял этих спокойных людей. Плевался в них, визжал, подпрыгивал, напоминал разозленного тролля из сказок, которые бабушка иногда читала Намми.

Мистер Лисс не привык к тому, чтобы его игнорировали. Воспринимал такое крайне негативно.

Немного успокоившись, мистер Лисс просто встал у решетки, разделяющей две камеры, и всмотрелся в людей, которые сидели в соседней. Время от времени он делился своими наблюдениями с Намми.

– Они все в пижамах, нижнем белье или в банных халатах. Должно быть, их всех вытащили из дома, не дав переодеться. Из обуви только шлепанцы. И большинство босиком.

Мистер Лисс увидел мисс Джессику Уэнхаус, обнаженную выше пояса. Присвистнул и повел себя так, что Намми едва не стало дурно.

– У них у всех какая-то блестящая штуковина на виске, – продолжил мистер Лисс. – По крайней мере, у тех, кого я вижу.

– Какая блестящая штуковина? – спросил Намми.

– Блестящая штуковина, которая блестит, болван. Откуда мне знать, что это? Я ничего такого никогда не видел.

– Извините, сэр.

– Тебе есть за что извиняться, Персиковое варенье. Тебе надо извиняться за то, что ты родился.

– За это я извиняться не собираюсь. Я рад, что родился.
– И это доказывает, до чего же ты глуп. У некоторых мертвые глаза, как бывает у зомби.

– Не люблю я такие фильмы, – по телу Намми пробежала дрожь.
– У других глаза постоянно движутся, полные ужаса.

Намми бы предпочел, чтобы Лисс не делился с ним всеми этими подробностями. Бабушка говорила, что счастье – это выбор, и человек должен постоянно поддерживать в себе позитивное отношение к окружающему. Но с каким трудом удавалось поддерживать позитивное отношение в компании мистера Лисса.

Стоя спиной к Намми, ухватившись за прутья решетки, вглядываясь между ними, мистер Лисс воскликнул:

– Дерьмо!

Устроившись на краешке сиденья унитаза, Намми не знал, отдает ли ему мистер Лисс какой-то приказ. Если отдавал, то очень уж грубо.

– Это беда, большая беда, – добавил мистер Лисс.

Впрочем, если это и был приказ, подчиняться Намми не собирался. Бабушка объяснила, что после ее смерти никто не должен говорить Намми, что ему делать, за исключением полицейских и мистера Леланда Риза. Мистер Леланд Риз был бабушкиным адвокатом. Бабушка объяснила, что любой другой, пытающийся сказать Намми, что ему делать, проявит излишнюю самоуверенность. Потому что никто не имел права отдавать Намми приказы. Вот и мистер Лисс не имел такого права. А кроме того, справлять большую нужду Намми не хотел.

– А в дальней камере чиф Хармильо в чертовых подштанниках. И сержант в форме. Сержант Рапп. Как же они оказались в камере после того, как заперли нас здесь и поднялись наверх?

Намми не мог ответить на этот вопрос. Даже если бы смог, его назвали бы тупицей, независимо от того, что бы он сказал. Поэтому он просто сидел, сжав губы.

По словам бабушки, чаще всего вообще следовало молчать. Только дураки высказываются по любому поводу.

– Возможно, этот Хармильо – близнец чифа, – размышлял мистер Лисс вслух. – Или Рапп, но не оба же. Нет, тут дело не в близнецах.

После этого он отвернулся от других заключенных и начал кружить по камере, сначала встревоженный, потом испуганный.

Наблюдая испуг на лице мистера Лисса, Намми тоже испугался. Обычно старик выглядел так, будто ничего не боялся со дня своего рождения. А если сейчас испугался, тогда все обстояло хуже, чем думал

Намми, а он думал, что все совсем плохо.

Достаточно долго покружив по камере, мистер Лисс внезапно повернулся к Намми.

– Вставай с унитаза.

Намми уже собирался сказать, что только полицейские и мистер Леланд Риз имеют право говорить, что ему делать, но оскаленные черные зубы старика заставили его передумать. Он поднялся и встал у коек.

Мистер Лисс расстегнул тюремный комбинезон до талии, а потом стянул с костлявых белых бедер.

В шоке Намми повернулся спиной к старику и поспешил к решетчатой двери. Его лицо пылало, он боялся расплакаться от смущения.

Он услышал кряхтение мистера Лисса. Потом короткий всплеск. С нетерпением ждал звука спускаемой воды, означавшего, что все закончилось.

Вместо этого мистер Лисс вдруг оказался рядом с ним у решетчатой двери, полностью одетый, держа в руках желтую трубку с закругленными концами длиной дюймов в пять.

– Прочь с дороги, Эйнштейн.

– Меня зовут Намми.

– Как хочю, так и буду тебя называть, – прорычал мистер Лисс, и Намми отошел в сторону.

Держа желтую трубку в левой руке, старик правой рукой осторожно откручивал крышку.

– Откуда она взялась? – удивился Намми.

– Из моей жопы, – ответил мистер Лисс.

– А как же она туда попала? – с отвращением спросил Намми.

– Я ее туда засунул.

Намми вытаращился на него.

– Зачем?

– Многие деревенские копы не досматривают внутренние полости.

– Что такое внутренняя полость?

– Моя жопа, идиот. А в твоем случае – твой череп.

Из трубки мистер Лисс вытряс шесть миниатюрных стальных палочек, концы которых имели разную форму.

– Это что? – спросил Намми.

– Отмычки для замков. Меньше я сделать не смог.

– А когда вы их сделали?

– Когда они были в моей жопе. Какая разница, когда я их сделал? Здесь происходит что-то инопланетное, и я не собираюсь сидеть и ждать встречи

с марсианами.

– И что это значит? – спросил Намми.

– Это значит отвали от меня и заткнись.

– Я видел такое кино. Вы – беглый преступник. Вот кто вы.

В дальнем конце коридора открылась дверь на лестницу.

Мистер Лисс повернулся спиной к коридору. Трясущимися руками засунул отмычки в желтую трубку, навернул крышку.

Протягивая трубку Намми, старик прошептал: «В комбинезоне нет карманов. Спрячь это в джинсы».

– Никогда, во всяком случае после того, где она побывала.

Мистер Лисс схватил Намми, дернул на себя, сунул трубку в карман его синих джинсов.

– Вы – беглый преступник, – прошептал Намми.

Шаги приближались. Мистер Лисс посмотрел на Намми столь же яростно, что и зомби в тех фильмах, которые Намми не нравились.

– Упомянешь про трубку, я съую твои глаза прямо у тебя в голове.

И беглый преступник повернулся к решетчатой двери.

А буквально через мгновение в коридоре появился молодой человек с симпатичным лицом. Остановился у их камеры, улыбнулся им. Очень дружелюбно.

Намми этот молодой человек понравился сразу. Понравился гораздо больше мистера Лисса. Во рту у молодого человека сверкали белые зубы, а не черные. Выглядел он аккуратным, подтянутым, и от него наверняка не воняло, как от мистера Лисса. И конечно, он не относился к тем людям, которые могли что-то держать в собственной заднице.

Поскольку бабушка учила его всегда все делать правильно, а помощь беглому преступнику правильным никак быть не могла, Намми едва не протянул молодому человеку набор отмычек. Замялся он только потому, что для этого ему пришлось бы сунуть руку в карман и прикоснуться к пластмассовой желтой трубке. Намми чуть не вырвало от одной мысли о прикосновении к ней.

И пока Намми боролся с тошнотой, мистер Лисс спросил молодого человека:

– Чего лыбишься, красавчик? Надеюсь, ты не тот адвокат, которого я просил. У тебя еще молоко на губах не обсохло, только что из юридической школы.

Тут Намми понял, что гость не в полицейской форме, а в слаксах, свитере и белой рубашке.

А когда Намми второй раз посмотрел на молодого человека, то увидел

кое-что нехорошее. Милое лицо и дружелюбная улыбка не соответствовали его глазам. Намми не смог сразу подобрать слово, которое описывало бы выражение глаз молодого человека. *Безумие* не подходило. Но он увидел что-то близкое. *Жажда* не подходила. Но глаза определенно говорили о том, что молодой человек чего-то жаждет.

– Вас двоих я оставлю напоследок, – заявил гость. – Вы будете слаще, потому что попытаетесь сопротивляться.

– Слаще? – переспросил Намми, и мистер Лисс велел ему заткнуться.

Гость отвернулся от них и направился к средней из трех больших камер. Воспользовался ключом, чтобы открыть дверь, оставил ее открытой после того, как вошел в камеру.

Никто из девяти пленников не попытался удрать. Никто даже не поднялся с тех мест, где они сидели.

Будь Намми одним из них, он бы, по крайней мере, встал. Люди с хорошими манерами встают, когда кто-то входит в комнату.

Остановившись в центре камеры, молодой человек наставил палец на женщину в пижаме, которая сидела на койке.

– Ты. Иди сюда.

Женщина поднялась, подошла к молодому человеку. Остановилась перед ним. Ее губы двигались, но с них не срывалось ни слова.

Молодой человек указал на высокого мужчину в семейных трусах и футболке.

– Ты. Иди сюда.

Мужчина выполнил приказ. Его трясло.

– Я ваш Строитель, – представился им молодой человек.

А затем произошло что-то ужасное, пугающее, удивительное.

Глава 18

Эрика последовала за Виктором с автострады на местное шоссе, которое поднималось в горы, уходя на запад через золотистые луга в темные леса, высящиеся темно-лиловыми глыбами даже в ярком утреннем свете. Лента асфальта взбиралась на холмы, а потом скатывалась с них, поднимаясь все выше после каждого спуска. Если рельеф местности требовал поворота, то они были очень широкими и удорожали строительные работы. Это двухполосное шоссе вписывалось в ландшафт лучше, чем большинство дорог, находящихся в ведении округа. Чувствовалось, что денег на строительство не пожалели.

«Мерседес GL550» – ехал он со скоростью пятьдесят миль в час – исчез за очередной вершиной холма, а когда буквально через полминуты Эрика поднялась на этот же холм, «Мерседеса» она не увидела. От следующего поворота ее отделял прямой пологий участок длиной с милю. Даже если бы Виктор вдавил в пол педаль газа, едва миновав вершину, он не смог бы так быстро проскочить такое расстояние.

Эрика сбавила скорость, внимательно осматривая обочину в поисках съезда на проселок или усыпанную гравием подъездную дорожку... или мятой травы в том месте, где внедорожник просто съехал с шоссе и углубился в лес. Добравшись до конца прямого участка, Эрика такого съезда не нашла.

Сделала U-образный разворот и покатила вверх по склону, приглядываясь уже к другой обочине. В сотне ярдов от вершины холма заметила смятую траву: в лес уходил проселок.

Продолжив подъем, Эрика миновала вершину и свернула на обочину сразу за ней. Не выключая двигатель, не переводя ручку переключения скоростей на «парковку», прижала ногой педаль тормоза, обдумывая ситуацию.

Физически она могла быть сильнее Виктора. Он спроектировал ее на славу, с двумя сердцами, с костями, сломать которые практически не представлялось возможным. Но, как и у всех Новых людей, созданных в Новом Орлеане, заложенная в нее программа не позволяла Эрике поднять руку на своего создателя или не подчиниться его приказу.

Тем не менее она была существом из плоти и крови, способным на решительные действия, а не машиной. Более того, Эрика верила, и не без причины, что в ту последнюю ночь в Луизиане, когда рухнула империя

Виктора, заложенная в нее программа Новой расы приказала долго жить, оставив ей свободную волю.

Сильнее Виктора она была или нет, быстротой реакции она точно его превосходила, как и все Новые люди. И слух у нее был лучше, и зрение острее.

Он не мог затаиться в засаде, поджидая ее, поскольку знать не знал, что она укрылась в сельской части Монтаны. А если бы знал, то давно появился бы в ее доме, хотя бы для того, чтобы попытаться и убить в наказание за мятеж.

Ее собственный опыт доказывал, что любые совпадения в жизни на самом деле суть проявления скрытого порядка, что все на свете имеет свое значение. Она любила мир не только за его красоту, но также и за его тайны, и не хотела бы пройти мимо той из них, что могла помочь понять причину ее существования в этом мире.

Эрика перевела ручку переключения скоростей на «парковку», поставила «Эксплорер» на ручник и выключила двигатель.

Выйдя из внедорожника, прислушалась. Ее окружал на удивление молчаливый лес.

Эрика поднялась на вершину холма, постояла там, глядя на уходящее в обе стороны шоссе. Не увидела ни одного автомобиля. Подождала минуту. Опять ничего не увидела. После того как ее машина свернула на это шоссе, ни один автомобиль не проехал навстречу, ни один ее не обогнал. Похоже, компанию ее «Эксплореру» составлял здесь только «Мерседес» Виктора.

Штат Монтана отличала низкая плотность населения, но люди здесь жили трудолюбивые и деловые. И даже на сельских дорогах автомобилей хватало.

Высоко над ее головой в небе парил золотистый орел, размах крыльев которого составлял добрых семь футов. Хозяин неба скользил в тишине. Судя по тому, что видела Эрика, она и птица были единственными теплокровными в радиусе нескольких миль.

Она зашагала на запад, остановилась у проселка. Трава еще не успела распрямиться после проезда внедорожника. Эрика двинулась по проселку и менее чем через десять шагов оказалась в лесу, где темнота правила бал и после наступления зари.

Свет – сила, поддающаяся измерению; в космосе, вне действия планетарной гравитации, он может вызвать движение дрейфующего объекта, если на объект падает свет звезды. Свет также обладает массой, и, если на то пошло, свет, падающий на акр земли, весит несколько тонн.

Но при всей своей силе и массе солнечный свет, давящий на этот

лесной массив, легко отражался переплетением веток тесно растущих деревьев. И на земле в этом лесу всегда царили ночь или густой сумрак. В тот момент утро лишь чуть-чуть просвечивало сквозь ночь, и только редкие отдельные лучики проникали под густые кроны.

Сосны и ели наполняли воздух хвойным ароматом, таким сильным, что Эрика буквально могла попробовать его на вкус, и неприятных ощущений эта терпкость на языке не вызывала.

Конечно же, такой освещенности не хватало для роста травы или кустарников. Мох облеплял корни и торчащие из земли валуны, кое-где виднелись грибы, но в основном землю покрывали опавшие иголки да шишки.

Колея, оставленная внедорожником, проступала четко. И двигался он по единственно возможному маршруту, свернуть с которого не позволяли выступающие из земли валуны, близко растущие деревья, глубокие ямы.

В окутавшей лес тишине, возможно, не было ничего необычного, но Эрике она казалась сверхъестественной. Время от времени женщина останавливалась и медленно кружилась на месте, пытаясь уловить крик птицы, шорох бегущего маленького зверька, жужжание насекомого. Иногда не слышала ничего, случалось, что до нее долетал треск коры, которую распирала растущая под ней древесина, или скрип стволов под тяжестью кроны, и не раз и не два она чувствовала, что за ней наблюдают.

Наконец колея оборвалась у края оврага, в который падал солнечный свет. Крутой склон уходил вниз футов на пятьдесят. Поверху ширина оврага составляла футов двадцать, на дне – порядка десяти.

Ни один автомобиль по такому склону съехать не мог.

Если эту колею оставил «Мерседес», и покинуть ее он никак не мог... тогда куда же он подевался?

Стоя на обрыве, Эрика еще раз пристально оглядела дно оврага, но ничего не увидела. Склоненные деревья и скалы не могли бы скрыть разбитый внедорожник.

Возвращаясь по колее, Эрика удвоила внимание, переводя взгляд то направо, то налево, но не нашла места, где с нее мог бы свернуть даже полноприводной автомобиль.

Когда, вернувшись на шоссе, Эрика поднималась на вершину холма, ее вдруг охватило предчувствие, что сейчас она увидит Виктора, сидящего в «Эксплорере». Она замялась... а потом продолжила путь к вершине.

«Эксплорер» нашла запертым и пустым.

Над головой более не парил орел. Осталось только небо, холодное и тоже пустое.

Возвращение в Рейнбоу-Фоллс заняло больше времени, потому что недоумение не отпускало Эрику. На дорогу, лежащую впереди, то и дело накладывалось видение лесного проселка.

Она не забывала поглядывать в зеркало заднего обзора. Никто и ничто не преследовало ее. Ничего такого, что она могла бы заметить.

Глава 19

Намми подумал, что видит чудо: молодой человек у них на глазах превращался в ангела, серебристого и сверкающего. Легкое облачко просвечивающей пыли поднялось с его лица, превратилось в нимб вокруг головы. Пыль пробивалась сквозь одежду, образуя полупрозрачные крылья. Пыль, казалось, разъела его одежду, потому что одежда исчезла, но молодой человек не остался голым, брошенный на него взгляд смущения не вызывал. Он не остался голым, потому что вдруг стал сверкающим и серебристым, совсем не таким, как был несколькими секундами раньше. На мгновение обратился в прекрасного человека-и-не-человека.

Но прекрасное тут же исчезло, и Намми понял, что перед ним вовсе не ангел. Не-ангел схватил женщину в пижаме и оторвал ей голову. Из открытого рта не-ангела вырвался поток чего-то серебристого и поблескивающего и влился в открытую шею женщины, словно внутри она была пустой, и эта серебристая рвота наполняла ее. Намми не видел, что произошло с головой женщины, она просто исчезла, и он не видел, как не-ангел и женщина из двоих превратились в одного, но это произошло. Из двух-в-одном выдвинулось что-то вращающееся и серебристое, похожее на штопор, вонзилось в мужчину в семейных трусах, и мужчина раздулся, будто собирался взорваться. Потом штопор начал вращаться в обратном направлении, и мужчина в семейных трусах сжался: его содержимое, казалось, перекачивалось в двух-в-одном, потом мужчина исчез совсем, и двое-в-одном превратились в трое-в-одном.

Трое-в-одном не сверкал и не серебрился, стал серым и ужасным, с ярко-красными прожилками. Намми видел части трех людей, соединенные между собой так, как в реальной жизни они никогда не соединялись, но четкой картинке Намми разглядеть не мог. Потому что части эти пребывали в непрерывном движении, как вещи в сушилке за маленьким, круглым окошком, да только здесь не было ни сушилки, ни окошка, ни вещей, просто части человеческих тел выпучивались из большой серой массы, и ярко-красное темнело, темнело, становилось бордовым, а человеческие части быстро обесцвечивались.

Намми и сам не заметил, как вжался спиной в прутья решетки, а потом перекошенное лицо мистера Лисса появилось перед его лицом, обдав вонью гнилых помидоров. «Дай сюда!» – рука мистера Лисса нырнула в карман Намми, вытащила желтую трубку, которую он сунул туда чуть

раньше. И пока мистер Лисс откручивал крышку, Намми вспомнил, где эта трубка лежала раньше, и его опять чуть не вырвало. Мистер Лисс оставил две стальных палочки себе, а четыре пытался сунуть Намми. «*Только не урони их, они могут нам понадобиться*». Но Намми не хотел брать то, что появилось из задницы мистера Лисса. Тогда черные зубы выплюнули в лицо Намми: «Я не собираюсь умирать. Хочешь умирать – твое дело, а я не собираюсь». И каким-то образом четыре отмычки оказались зажатыми в кулаке Намми, их необычные концы торчали, как маленькие шипы и цветки.

В соседней камере что-то по-прежнему происходило, но Намми смотреть туда больше не хотел. Он увидел так много странного и за столь короткий промежуток времени, что уже не мог понять, что видит, что все это значит, не знал, как он должен относиться к тому, что увидел. Он боялся, он так боялся, что у него крутило желудок, он так жалел бедных людей, с которыми все это происходило. Он не смотрел в соседнюю камеру, он сосредоточился на мистере Лиссе, открывающем замок, и он мог слышать этих спокойных людей, которые пытались быть услышанными, но они по-прежнему не могли кричать, их крики напоминали писк маленьких животных, которым сжимали горло. И таких стонов Намми раньше никогда не слышал. Он не хотел их слушать, такими они были ужасными, стоны не боли, а страха, от этих стонов кости Намми, казалось, становились мягкими, и ноги больше не держали его. Были и другие звуки, чавкающие звуки, что-то текло, что-то булькало, и желудок Намми крутило все сильнее.

Он не смотрел, и, чтобы не слушать, это получалось не очень, заговорил с мистером Лиссом, чтобы, если уж слышать, то что-то другое, просил и просил мистера Лисса поторопиться. Мистер Лисс не назвал его идиотом, или болваном, или глупцом, не сказал, что сжует его глаза, он что-то бормотал замку, который открывал, бормотал и скалился на него, и, в конце концов, похоже, напугал дверь до такой степени, что она открылась.

Потом они вышли в коридор и быстро-быстро зашагали по нему, мистер Лисс первым, мимо камеры, в которой убивали людей. *Убивали*. Казалось бы, убийство – это самое худшее, что могло случиться с людьми, но каким-то образом Намми знал, что их не просто убивали, с ними происходило нечто еще более худшее, чем убийство, пусть он и представить себе не мог, что могло быть еще более худшим.

В первой камере, где еще никого не убивали, женщина просунула руки сквозь прутья решетки, тянулась к Намми, пыталась что-то ему сказать. Но на левом виске у нее блестела какая-то штукавина, и ей не удавалось

произносить слова правильно. Слова слетали с ее губ какими-то исковерканными, так же, как это было у Бедного Фреда Лапьера после перенесенного инсульта. Она напугала Намми даже больше того, что он видел до этого, и он спросил, что она говорит, и она повторила, и потому что он много и часто говорил с Бедным Фредом после его инсульта, Намми на этот раз ее понял: «Пожалуйста, спасите меня». Намми держал в кулаке четыре отмычки, но не знал, как ими воспользоваться, и он попросил мистера Лисса спасти женщину, но мистер Лисс повернулся и ответил: «Она уже мертва». Мистер Лисс попробовал открыть дверь на лестницу, выяснил, что она не заперта. Переступил порог, но Намми держал женщину за руку, ему хотелось ее спасти.

Потом один из людей, которых убивали в средней камере, наконец-то закричал, крик этот, как порыв ледяного ветра, добрался до костей Намми, и это был очень сильный порыв ветра, потому что он поднял Намми и перенес на лестницу, за спину мистера Лисса, а женщина осталась в подвале, и все люди остались в подвале, уже убитые и ждущие-пока-их-убьют.

Глава 20

Возвращаясь в Рейнбоу-Фоллс, Эрика напрочь забыла про булочки с корицей, но, к счастью, путь ее лежал мимо «Пекарни Джима Джеймса», и вывеска разом напомнила ей, по какой причине она в то утро поехала в город.

Ей совершенно не хотелось расстраивать Джоко. Он был ее единственным другом, она видела в нем ребенка, которого не могла родить сама, вечного ребенка, поскольку он не мог вырасти и уйти от нее.

В мире, где Джоко воспринимали изгоем, уродцем, сбежавшим из балаганного шоу, а то и опасным монстром, от которого следовало без промедления избавиться, он полностью зависел от нее. Она не только кормила его и обеспечивала крышу над головой, но и служила источником счастья. В свою очередь, она сама зависела от его полной зависимости от нее. Они защищали друг друга от одиночества, ребенок-мутант и его мать с двумя сердцами, пусть их связывало только одно: оба появились на свет благодаря гордыне Виктора. Сначала их свела вместе необходимость, теперь удерживала взаимная любовь.

В пекарне, стоя у прилавка в ожидании, пока ей принесут заказ, Эрика надеялась, что даже теперь, когда их путь вновь пересекся с путем Виктора, им удастся выжить, как это удалось в прошлый раз.

Она получила большую белую коробку с булочками, которую пришлось нести в обеих руках, и уже подошла к двери на улицу, когда рядом возник высокий мужчина.

– Позвольте вам помочь, мисс.

Сапоги, джинсы, клетчатая рубашка, отороченная овчиной куртка и стетсон в Рейнбоу-Фаллс и окрестностях считались обычной одеждой рабочего человека, но мужчина, который их носил, выглядел необычно. В немалой степени из-за своего роста. Он возвышался над землей как минимум на шесть футов и четыре дюйма, широкоплечий, с узкой талией.

Произнося эти слова, мужчина снял шляпу, галантно поклонился, и Эрика увидела, что он невероятно красив, блондин с серо-голубыми глазами. Его лицо идеально соответствовало вестернам, в которых когда-то играл Джон Уэйн, но теперь такие никто уже не снимал.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика, когда он открыл дверь и подержал, пока она выходила из пекарни.

Надев шляпу, мужчина последовал за ней на тротуар.

– Вы, должно быть, недавно приехали в город.
– Не так уж и недавно, – ответила Эрика. – Я живу здесь почти два года.

– Тогда я на эти два года ослеп и ни разу вас не увидел.

Она улыбнулась, не очень-то понимая, почему он такое сказал. Решила воздержаться от ответа и направилась к «Эксплореру».

– Я – Эддисон Хок. Позвольте открыть вам дверцу, мисс?..

– Эрика, – представилась она, но фамилию называть не стала. – Благодарю, мистер Хок.

Он открыл переднюю пассажирскую дверцу, она поставила коробку, в которой лежали булочки с корицей, на сиденье.

– Проходит как минимум двадцать лет, прежде чем старожилы начинают воспринимать приезжего как одного из своих, – заметил Хок, закрывая дверцу. – Если вам потребуется узнать, как и что здесь делается, вы найдете меня в телефонном справочнике.

– Как я понимаю, вы не приезжий.

– Я появился здесь за девять месяцев до моего рождения. Побывал в Грейт-Фоллс, Биллингсе, Батте, Боузмене, в Элен и Миссуле, но не нашел причин уезжать отсюда.

– Согласна с вами, – она обходила «Эксплорер» спереди, направляясь к водительской дверце. – Это прекрасный город... земля, бездонное небо, все.

Отъезжая, Эрика сверилась с зеркалом заднего обзора и увидела, что Эддисон Хок смотрит ей вслед.

Произошло нечто такое, чего она полностью понять не могла, нечто большее, чем встреча с дружелюбным старожилом. Она думала об этом всю дорогу, но подтекст разговора ускользал от нее.

Глава 21

Взбегая по ступенькам следом за мистером Лиссом, Намми понимал, что он беглый заключенный, как в кино. А для беглого заключенного все обычно заканчивалось плохо.

Дверь на верхней площадке лестницы снабдили маленьким окошком, затянутым проволокой, и мистер Лисс заглянул в окошко, прежде чем попытался открыть дверь, но оказалось, что она заперта. Старик произнес несколько слов, за которые молнии полагалось его испепелить, но, по-прежнему неиспепеленным, принялся шуровать в замке отмычками.

Ужасные звуки поднимались снизу, людей убивали, и Намми попытался эти звуки отсечь. Попытался спеть в голове веселую песенку, чтобы заглушить эти звуки, но спеть только в голове, потому что мистер Лисс точно откусил бы ему нос, если б он действительно запел. Однако в голове вертелась только одна веселая песня – «Счастливые ножки», а под «Счастливые ножки» полагалась танцевать, но тому, кто нетвердо стоял на ногах, танцевать на лестнице не следовало и пытаться.

Мистер Лисс ковырялся и ковырялся в замке. Внезапно он произнес самое ругательное слово из всех, которые знал Намми, – он знал шесть, – вновь посмотрел в окошко, открыл дверь и покинул лестничную площадку.

Намми последовал за стариком в коридор, потом направо, к светящейся табличке «Выход». Они проходили мимо закрытых дверей, и из-за некоторых дверей доносились голоса.

Схватив мистера Лисса за руку, чтобы привлечь его внимание, Намми прошептал: «Мы должны кому-то сказать».

Отбросив руку Намми, мистер Лисс открыл дверь в дальнем конце коридора, но они не вышли на улицу, как ожидал Намми, а попали в раздевалку.

– Мы должны кому-то сказать, – настаивал Намми.

Мистер Лисс оглядывал стеганные куртки, которые висели на крючках.

– Сказать что?

– Что людей убивают в подвале.

– Они *знают*, болван. Они-то и убивают.

Мистер Лисс взял куртку и надел ее. С полицейской нашивкой на рукаве. В куртке старик «утонул», но все равно застегнул молнию и направился к двери на улицу.

– Вы украли куртку, – указал Намми.

– А у тебя в голове опилки, – мистер Лисс вышел в переулок.

Намми О’Бэннон не хотел идти за стариком со зловонным дыханием, сквернословом и вором, но страх его никуда не делся, и он не знал, что ему еще делать, кроме как идти за мистером Лиссом. Так он стал не только беглым заключенным, но и сообщником курточного вора.

Торопливо шагая по переулку рядом с курточным вором, Намми спросил:

– Куда мы идем?

– Никуда мы не идем. Я ухожу из города. Один.

– Только не в оранжевом. Вы не сможете уйти в оранжевом.

– Я не весь в оранжевом. На мне куртка.

– Оранжевые штаны. Люди знают, что оранжевые штаны – тюремные штаны.

– Может, я гольфист.

– И куртка ваша слишком уж вам велика.

Мистер Лисс остановился, повернулся к Намми, схватил его за левое ухо, крутанул и под «ой-ой-ой-ой» потащил Намми из переулка на переходную дорожку между двумя домами. Там ухо отпустил, зато так сильно прижал Намми к стене, что тот почувствовал холод кирпичей.

– Твоя бабушка хорошая и мертвая, так?

Стараясь оставаться вежливым, стараясь не задохнуться в зловонном дыхании мистера Лисса, Намми ответил:

– Да, сэр. Она была хорошей, а теперь умерла.

– Есть у тебя место для жилья?

– У меня есть место для жилья. Я знаю мое место. Я там живу.

– Я спрашиваю, ты живешь в доме, в квартире, в старой бочке из-под нефти или еще хрен знает где?

– Я живу в доме бабушки.

Мистер Лисс нервно посмотрел налево, в сторону переулка, направо, в сторону улицы.

Его лицо, ранее напоминавшее птицу-которая-ест-падаль, теперь вдруг превратилось в морду хитрой крысы.

– Ты живешь там один?

– Да, сэр. Я и Норман.

– Разве твое имя не Норман?

– Но люди называют меня Намми.

– Так ты живешь там один?

– Да, сэр. Только я и Норман.

– Норман и Норман.

– Да, сэр. Но люди, они не называют его Намми.

Мистер Лисс отпустил свитер Намми (он все прижимал его к кирпичной стене) и вновь схватился за ухо. На этот раз крутить не стал, но чувствовалось, что может это сделать в любой момент.

– Ты действуешь мне на нервы, болван. Кто тебе этот Норман?

– Он – мой пес, сэр.

– Ты назвал своего пса Норманом. Пожалуй, это следует поставить тебе в заслугу. Ты же мог назвать его Псом. Он дружелюбный?

– Сэр, Норман – самый дружелюбный пес на свете.

– Это в его же интересах.

– Норман не кусается. Он даже не лает, но Норман в каком-то смысле может говорить.

Старик отпустил ухо Намми.

– Если он не кусается, пусть хоть поет и танцует. Как далеко твой дом?

– Норман не поет и не танцует. Никогда не видел собаку, которая это делает. Хотел бы увидеть. Вы знаете, где я могу увидеть такую собаку?

Теперь мистер Лисс выглядел не птицей, которая ест падаль, не хитрой крысой, не дикой обезьяной, а змеей в джунглях, гипнотизирующей злым взглядом. Того зверья, которое проглядывало в лице мистера Лисса в разных обстоятельствах, хватило бы на целый зоопарк.

– Если ты не хочешь, чтобы я засунул эти отмычки тебе в ноздри и вытащил через них твой мозг, тебе лучше сказать, как далеко отсюда находится твой дом.

– Недалеко.

– Можем мы пройти туда переулками, чтобы реже встречаться с людьми?

– Вы не очень-то любите людей, мистер Лисс?

– Меня тошнит от людей... особенно, когда на мне оранжевые штаны.

– Ох, я забыл про оранжевое. Самый короткий путь – по трубе, и там нас никто не увидит.

– Трубе? Какой трубе?

– Большой дренажной трубе, по которой при грозе течет вода. Когда идет дождь, по трубе идти нельзя, потому что утонешь, и тогда приходится идти длинным путем.

Глава 22

Узнав, что Девкалион прошел в кабинет, не позвонив в звонок и не воспользовавшись парадной дверью, поняв, что Мэри Маргарет Долан ничего не известно о его присутствии в доме, Карсон закрыла дверь в коридор. Несмотря на то, что дочери Долан дорожная полиция выписала штраф за проезд по неполюженной полосе движения, Карсон не хотела терять Мэри Маргарет. И хотя она подозревала, что неукротимую няню не смутит вид первого создания Франкенштейна, она предпочитала не рисковать: а вдруг миссис Ди не захочет работать в доме, куда мог запросто заходить такой вот гигант.

Без малейшего колебания Майкл передал Скаут Девкалиону, который уже встал и теперь покачивал малышку на сгибе правой руки. Одну ножку Скаут он держал между большим и указательным пальцами левой руки, восхищаясь ее миниатюрностью, и хвалил ее розовые пинетки.

Карсон это удивляло, но она совершенно не тревожилась из-за того, что этот огромный и страшный мужчина – признающий, что в свои первые дни его обурежала жажда убийства, – держит ее драгоценную дочурку. В Новом Орлеане, объединившись против Виктора, они вместе прошли сквозь ад, и он доказал, что более верного друга у них нет. А главное, Девкалион принадлежал к тем, кто страданиями искупил свои грехи и теперь не мог совершить ничего дурного.

Со своей стороны, Скаут не испугали ни габариты Девкалиона, ни татуировка в пол-лица. Когда он поджимал губы и издавал звуки, напоминающие тарыхтение лодочного мотора, она смеялась. Когда он пощекотал ей под подбородком одним пальцем, она схватилась за него и потащила в рот, чтобы проверить на прочность единственным зубом.

– Я его прижал, Карсон, – Арни все еще сидел за столом. – Он возится со Скаут, чтобы не возвращаться к игре и не признавать свое поражение в этой партии.

До двенадцати лет Арни был аутистом, так глубоко ушедшим в себя, что нормального общения с ним у Карсон не получалось. Крайне редко он давал знать, что ему известно о ее существовании. После поражения Виктора в Новом Орлеане, после разрушения его лаборатории и ферм по выращиванию Новых людей Девкалион вылечил Арни. Карсон не могла понять, как именно, а целитель не мог этого объяснить. Два года спустя она иной раз по-прежнему удивлялась, что Арни – обычный мальчишка, с

мальчишескими устремлениями и честолюбием.

Однако, насколько она знала, у Арни отсутствовали детские иллюзии, которые искушали других детей и иногда сбивали их с пути истинного. Он обладал чувством собственного достоинства, а не подростковым эго, которое позволяло бы ему воображать себя исключительным то ли в своих способностях, то ли в судьбе. Казалось, он знает, какой мир его окружает и какие в нем живут люди, а потому держался со всеми ровно и уверенно.

Эта уверенность брата производила впечатление на Карсон, которая помнила его аутистом, когда его все дико пугало. Он жил тогда по заведенному порядку, малейшее отклонение от которого повергало его в ступор. Но теперь это ушло.

Приняв вызов Арни, Девкалион вновь сел за стол. Скаут оставалась на сгибе его локтя. Свободной рукой он сделал ход, вроде бы не задумываясь о последствиях.

Арни нахмурился.

– Ты ошибся. Слон просто молил о том, чтобы ты им пошел.

– Да, я его слышал, – ответил Девкалион. – Но ладья принесет мне больше. Ты сейчас увидишь.

– Как жизнь в аббатстве? – спросил Майкл, подсаживаясь к столу.

– Как и везде, – ответил Девкалион. – Полна смысла снизу доверху и загадочна, куда ни посмотри.

Карсон заняла последний оставшийся стул.

– Почему мне вдруг стало... как-то не по себе? – спросила она.

– Так уж я влияю на людей.

– Нет. Не ты. Причина, по которой ты появился здесь.

– Почему я появился?

– Понятия не имею. Но знаю, что это не импульсивный праздный визит. Нет в тебе ни импульсивности, ни праздности.

Теперь его глаза пульсировали внутренним сиянием, которое появлялось время от времени. Девкалион не мог объяснить, что это за сияние, хотя и говорил, что, возможно, это отблески странной молнии, которая дала ему жизнь в лаборатории двумя столетиями ранее.

– Я понял, – Арни не отрывал взгляд от шахматной доски. – Я-то думал, что выиграю в пять ходов.

– Ты еще можешь выиграть, но не в пять ходов.

– А мне кажется, что я уже проиграл.

– Варианты есть всегда... пока их не остается.

– Что бы ни привело тебя сюда... – заговорил Майкл, – нам теперь есть, что терять, и идти на риск все сложнее.

Девкалион посмотрел на малышку, сидящую у него на руке.

– Она может потерять больше, чем любой из нас. Ее жизнь только началась, а если он добьется своего, то она не сможет ее прожить. Виктор жив.

Глава 23

В четырех милях от города Эрика свернула с автострады на дорогу с гравийным покрытием, с обеих сторон которой росли громадные сосны. Саму дорогу перегораживали мощные ворота, сваренные из стальных труб, и Эрика открыла их, нажав кнопку на пульте дистанционного управления.

Их дом находился за холмом, так что с автострады увидеть его не представлялось возможным. Длинная подъездная дорожка упиралась в двухэтажный кирпичный дом с гранитными подоконниками. Оба крыльца, парадное и заднее, построили из серебристого кедра. О каком-то архитектурном стиле говорить не приходилось, но дом производил впечатление. В таком мог жить вышедший на пенсию судья или сельский врач, короче говоря, человек, который ценил аккуратность, порядок и гармонию, причем не за счет красоты.

За домом выстроились три огромные ели. Они защищали дом от северного ветра, не загораживая от солнечных лучей, что, несомненно, являлось плюсом, учитывая долгие зимы Монтаны.

Эрика припарковалась перед примыкающим к дому гаражом и вошла в дом через заднее крыльцо. Сразу поняла, что-то не так, и, поставив на стол коробку с булочками, позвала: «Джоко?»

Всякий раз, когда Эрика возвращалась после коротких поездок по хозяйственным делам, Джоко радостно приветствовал ее, ему не терпелось услышать о том, что она делала в супермаркете или в химчистке, словно речь шла об эпических приключениях. Иногда он декламировал сочиненные им стихотворения или пел песни, которые написал в ее отсутствие.

Тишина встревожила Эрику.

– Джоко? – вновь позвала она, возвысив голос.

Откуда-то донесся его приглушенный ответ:

– Кто ты?

– А как ты думаешь? Это я, разумеется.

– Я? Я кто? Я кто, кто, кто, кто? – спрашивал Джоко.

Поворачивая голову то направо, то налево, Эрика кружила по кухне, пытаясь понять, откуда доносится голос.

– Я, Эрика. Ты где?

– Эрика уехала. На час. Один час. Она не вернулась. Что-то ужасное случилось. С Эрикой. Ужасное. Ужасное.

Голос Джоко доносился из кладовой.

Эрика подошла к закрытой двери.

– Я вернулась, – пока ей не хотелось рассказывать ему о Викторе. Эта новость его сильно бы огорчила. – Дорога заняла больше времени, чем я думала.

– Эрика позвонила бы, если б задерживалась. Эрика не позвонила. Ты не Эрика.

– У меня не такой голос, как у Эрики?

– У тебя чужой голос.

– Мой голос не чужой. Я говорю, как и всегда.

– Нет. Нет, нет, нет. Джоко знает голос Эрики. Джоко любит голос Эрики. Твой голос приглушенный. Приглушенный и странный, и приглушенный.

– Он приглушенный, потому что я говорю с тобой через дверь.

Джоко молчал, возможно, обдумывал ее слова.

Она попыталась открыть дверь, но та не открывалась. Замка на двери в кладовую не было.

– Ты не даешь двери открыться, Джоко?

– Говори с Джоко через замочную скважину. Тогда твой голос не будет приглушенным, и странным, и приглушенным. Если ты действительно Эрика.

– Это, возможно, хорошая идея...

– Это блестящая идея, – объявил Джоко.

– ...но в этой двери нет замочной скважины.

– Что случилось? Где замочная скважина? Куда она подевалась?

– Это кладовка. Замка не требуется. Поэтому нет и замочной скважины.

– Тут была замочная скважина! – настаивал Джоко.

– Нет, маленький. Никогда не было.

– Без замочной скважины Джоко бы задохнулся. Джоко задохнулся? – его голос дрогнул. – Джоко мертв? Он мертв? Джоко в аду?

– Ты должен выслушать меня, маленький. Выслушать внимательно.

– Джоко в аду, – он зарыдал.

– Глубоко вдохни.

– Джоко гниет в аду!

– Ты можешь глубоко вдохнуть? Медленно и глубоко. Сделай это для меня, сладенький. Давай.

Через дверь она услышала, как Джоко глубоко вдыхает.

– Очень хорошо. Молодец.

– Джоко мертвый в аду, – в голосе слышалась тоска, но паника частично ушла.

– Еще раз глубоко вдохни, сладенький, – после того, как он трижды глубоко вдохнул, Эрика предложила: – А теперь оглянись! Ты видишь коробки с макаронами? Со спагетти? С пирожными?

– Гм-м-м... макароны... спагетти... пирожные. Да.

– Ты думаешь, в аду есть макароны, спагетти, пирожные?

– Возможно.

Она сменила тактику.

– Мне очень жаль, что так вышло, Джоко. Я извиняюсь. Мне следовало позвонить. Я просто не отдавала себе отчет, как много прошло времени.

– Три пакета с красной фасолью, – сказал Джоко. – Три больших пакета с красной фасолью.

– Это доказывает, что ты не в аду.

– Да, согласен. Это доказательство.

– Я люблю красную фасоль. Поэтому ты и видишь три пакета. Знаешь, что я люблю помимо красной фасоли? Булочки с корицей из «Пекарни Джима Джеймса». И я только что положила дюжину булочек на кухонный стол.

Джоко молчал. Потом дверь приоткрылась, и Эрика отступила на шаг. Дверь распахнулась, и маленький человечек уставился на нее.

Поскольку ягодиц у Джоко практически не было, Эрика ушила синие джинсы, чтобы они не болтались сзади. Его футболку украшало изображение Кувалды, одного из звезд рестлинга. Из-за того, что его тоненькие ручки по длине на три дюйма превосходили руки любого ребенка его роста и выглядели так, что вызвали бы дрожь у самой любящей мамыши, Эрика удлинила рукава, чтобы они закрывали и половину кисти.

Джоко моргнул.

– Это ты.

– Да, – кивнула Эрика, – это я.

– Значит, Джоко не мертвый.

– Значит, Джоко не мертвый.

– Я думал, ты умерла.

– Я тоже не умерла.

Он вышел из кладовой.

– Булочки с корицей Джима Джеймса?

– По шесть на каждого, – подтвердила Эрика.

Он ей улыбнулся.

Когда она только познакомилась с Джоко, его улыбка вызывала у нее ужас. Лицо Джоко, и без того не красавца, превращалось в жуткую маску, от которой становилось не по себе даже ей, жене Виктора Франкенштейна. Но за два прошедших года Эрика полюбила эту улыбку, потому что его радость всегда заставляла ее сердце оттаять.

Он так много страдал. И заслужил немного счастья.

Материнская любовь превращала в красоту то, что весь мир находил нелепым и отвратительным. Ладно, пусть его лицо не было красивым, но колоритным – это точно.

Джоко подскочил к кухонному столу, забрался на стул, хлопнул в ладоши, увидев белую коробку с булочками.

– Подожди, пока я принесу тарелки и салфетки, – предупредила Эрика. – И что ты будешь пить?

– Сливки, – ответил Джоко.

– Думаю, я тоже выпью сливок.

Виктор нес ответственность за невообразимые ужасы и беды, но в одном он точно добился значительных успехов – разработал идеальный обмен веществ для своих созданий. Они могли питаться только маслом и патокой, но при этом пребывать в добром здравии и не поправляться ни на унцию.

– Теперь Джоко может поесть? – спросил он, когда Эрика поставила на стол тарелки и положила ножи и вилки.

– Нет, тебе придется подождать.

– Теперь Джоко может поесть? – повторил он вопрос, когда на столе появились салфетки и стаканы.

– Еще нет. Веди себя, как положено. Ты же не свинья.

– Джоко, возможно, свинья. Частично свинья. Кто знает? В нем намешаны всякие ДНК. Может, для Джоко это естественно, сожрать прямо сейчас булочки Джима и похрюкать, как свинья.

– Если ты съешь булочку прямо сейчас, то получишь только одну, а не шесть, – она поставила на стол две кварталы сливок.

Пока Эрика наполняла сливками сначала свой стакан, а потом Джоко, тот наблюдал за ней, облизывая безгубый рот. Из коробки она взяла пухлую, поблескивающую глазурью булочку и положила на свою тарелку. Вторую положила на его тарелку.

Он зафыркал.

– Нельзя, – Эрика села напротив, развернула салфетку, положила на колени, выжидающе посмотрела на него.

Джоко заткнул конец салфетки за воротник футболки с Кувалдой на

грудь, расправил салфетку поверх лица рестлера, выпрямился на стуле, явно довольный собой.

- Очень хорошо, – похвалила его Эрика. – Просто отлично.
- Ты – хорошая мать.
- Спасибо, сладенький.
- Ты учишь Джоко манерам.
- А почему манеры важны?
- Они показывают, что мы уважаем других людей.
- Это правильно. Они показывают, что ты уважаешь свою мать.
- И они учат самоконтролю.
- Именно.

Как только Эрика воткнула в булочку вилку, чтобы отрезать кусок, Джоко схватил свою с тарелки и целиком засунул в рот.

В сравнении с телом голова Джоко была больше, чем у любого человеческого существа, а рот непропорционально большим для головы. Природа никогда не создала бы такой рот, но Природа не имела никакого отношения к созданию Джоко. Все восемь или десять унций булочки, выпеченной Джимом Джеймсом, исчезли во рту, не оставив снаружи и крошки глазури.

Но потом возникли проблемы.

Булочка заняла практически все пространство от щеки до щеки, от нёба до языка, и заняла плотно, не позволяя Джоко жевать с закрытым ртом. Если бы он открыл рот, первое жевательное движение привело бы к тому, что треть находящейся во рту булочки подалась бы вперед, вывалившись на стол или на пол.

Чтобы не поощрять такое проявление обжорства, Эрика строго-настрого запретила возвращать в рот упавшее из него как на стол, так и на пол.

Джоко помнил об этом запрете и не хотел терять немалую часть вкусной булочки. Посидел какое-то время, с широко раскрытыми глазами, размышляя о возникшей дилемме, шумно дыша через ассиметричный нос. Летай по кухне муха, он мог бы вдохнуть ее.

Его необычные желтые глаза начали слезиться, как будто вся голова заполнилась слюнями. Возможно, он подумал, что булочка уже совсем размокла и может сладким каскадом сползти по пищеводу: шея его раздулась, словно он хотел проглотить булочку.

Вероятно, часть находящейся во рту сдобренной корицей массы сдвинулась назад, к глотке, но не так далеко, чтобы попасть в пищевод. Застрав там, она частично перекрыла надгортанник, поэтому у Джоко

возникли трудности с дыханием.

Разумеется, Эрика могла только догадываться о том, что происходит, поскольку внутренности Джоко наверняка были не менее необычными, чем его внешность. Однажды она попыталась исполнить прием Хаймлиха^[11], но, вместо того, чтобы начать кашлять и освободить дыхательные пути, ее усилия привели к тому, что из правого уха потекла какая-то зеленая жидкость (правда, без запаха), а Джоко более часа говорил на разных языках, прежде чем смог вновь перейти на английский.

Случившееся научило ее не тревожиться понапрасну. Джоко лучше других знал, что он должен сделать, чтобы привести все в норму. Поэтому Эрика ела булочку с корицей и наблюдала, пытаясь истолковать его жесты и движения, как будто смотрела за выступлением мима.

Дыхание Джоко оставалось затрудненным. Он сполз со стула, встал, откинув голову назад, чтобы его набитый рот и заблокированная глотка оказались на одной линии с пищеводом. Начал энергично подпрыгивать в попытке отсоединить прилипшую к нёбу и стенкам рта массу и отправить ее вниз, в желудок.

Эрика не могла сказать, принесли эти прыжки нужный результат или нет, но через полминуты Джоко прыгать прекратил и, пошатываясь, направился к столику, который стоял рядом с холодильником. В этом столике хранились различные кухонные приспособления. Джоко достал резиновую лопатку с пластмассовой рукояткой и засунул ее в рот. Судя по всему, хотел протолкнуть булочку с корицей в глубину глотки, мимо трахеи и вниз по пищеводу.

Вытащил лопатку изо рта и раздраженно отбросил. Каждый выдох теперь сопровождался свистом, каждый вдох – пронзительным визгом, от которого вибрировали ноздри. Джоко выдвинул ящик другого шкафчика и достал две затычки для винных бутылок, каждая представляла собой пластмассовую пробку, снабженную металлическим кольцом и тягами, с помощью которых она легко вытаскивалась. Торопливо вставил одну пробку в левое ухо, вторую – в правое.

Рядом с большой, в форме Шрека, банкой для печенья стоял баллончик со сжатым газом, предназначенный для того, чтобы выдувать пыль и крошки из клавиатур компьютеров и с другого оборудования, чистка которого вызывала определенные трудности. В этом доме баллончик также использовался для решения проблем, которые Джоко создавал сам себе.

С ушами, заткнутыми пластмассовыми пробками, с дыхательными путями, практически заткнутыми липкой массой, в которую превратилась булочка с корицей, Джоко вставил длинное сопло баллончика в правую

ноздрю, зажал левую и нажал на клапан. Его глаза, и без того широко раскрытые, раскрылись еще шире, и в них прибавилось желтизны. Какие-то звуки донеслись из головы Джокко, возможно, их источником стали носовые пазухи, и звуки эти вызывали бы тревогу или даже пугали, если бы доносились из чьей-то еще головы. Но Джокко, похоже, воспринял эти звуки как музыку, потому что начал приплясывать на месте. Звуки набирали силу, пока пробки не выскочили из ушей Джокко и не разлетелись по кухне.

Эрика слышала, как что-то чвакнуло, и поняла, что липкая масса оторвалась от глотки и заскользила вниз по пищеводу.

Шумно дыша открытым ртом, Джокко поставил аэрозольный баллончик рядом с банкой для печенья. Дрожа всем телом, подтащил табуретку к раковине, встал на нее, включил холодную воду, сунул голову под струю.

Когда выключил воду, начал чихать. Оторвал несколько бумажных полотенец и уткнулся в них лицом. После двадцати двух взрывных чихов Джокко бросил полотенца в мусорное ведро, постоял с минуту, дыша медленно и глубоко.

Наконец вернулся к своему стулу у стола.

– Как булочка с корицей? – спросила Эрика.

– Вкусная.

– Я предлагаю воспользоваться вилкой, когда будешь есть следующую.

– Джокко подумал о том же.

Пока они ели булочки, Эрика рассказывала ему о своем путешествии в город. Приятная поездка. Красочный рассвет. Здания Рейнбоу-Фоллс из красного кирпича, сверкающие в первых солнечных лучах.

Она рассказала ему о ковбое, Эддисоне Хоке, который открывал ей двери и проявлял необычайную учтивость. Джокко согласился, что это не просто встреча с одним из старожил, но намерения ковбоя и для него остались тайной.

К тому времени, когда Джокко уминал пятую булочку, Эрика решила, что теперь он готов услышать плохую новость. И рассказала, что видела Виктора.

Джокко отключился, упав лицом в недоеденную булочку.

Глава 24

Ночью он сильно потел. Утром простыни еще оставались влажными и уже не пахли свежестью, но никто, кажется, не собирался их менять.

Вода в графине на его тумбочке стала теплой. Медсестры пообещали добавить в графин кубики льда, но забыли это сделать.

Он не хотел принимать транквилизаторы, но знал, что ему нужно их принимать, однако никто таблетки не принес.

Завтрак оказался насыщающим и съедобным. Но грязные тарелки стояли на приставном столике не один час, ожидая, когда их уберут.

Брюс Уокер никогда не был старым ворчуном, но уже долгие месяцы жизнь, похоже, старалась изо всех сил, чтобы сделать его таковым. В это утро обслуживающий персонал Мемориальной больницы Рейнбоу-Фоллс приложил немало сил, чтобы у него добавилось поводов для ворчания.

До того, как Рената умерла восемнадцатью месяцами раньше, у Брюса за все его семьдесят два прожитых года не было повода к чему-либо придираться. За покладистый характер Ренни называла его «мой мистер Роджерс»^[12], сравнивая с ведущим детской передачи, обладающим мягким голосом и обходительными манерами, любимцем многих поколений детей.

Если бы у него и Ренни могли быть дети, возможно, Брюсу удалось бы избежать медленного, но верного превращения из добродушного старичка в брюзгу. В ребенке оставалась бы часть Ренни. Больше, чем что бы то ни было, одиночество портило ему настроение и подталкивало к брюзжанию.

Прошлым вечером, в восемь часов, в больницу его привезла «Скорая» с жалобами на острые боли в груди. Срочно сделанная магнитно-резонансная томография не показала наличия сердечных заболеваний, другие обследования подтвердили, что инфаркт он не перенес. В течение часа боли полностью исчезли.

Джоэль Рэтберн, его врач в последние шестнадцать, а то и больше, лет, настоял, чтобы он провел в больнице следующий день, вторник: хотел провести еще некоторые обследования. Брюсу дали успокоительное, и за последний год он ни разу так хорошо не выспался.

Проснувшись, он особенно остро ощутил, что жив, и неудивительно: прошлым вечером уже не сомневался, что умирает. Поэтому, несмотря на влажные простыни, день он начал в приподнятом настроении.

Более того, впервые за долгое время ему захотелось взяться за перо.

Последние сорок лет он зарабатывал неплохие деньги, сочиняя вестерны. По шести его романам поставили фильмы, еще до того, как ему стукнуло сорок, потом киностудии к нему не обращались.

Крупные скотопромышленники против мелких, ранчеры против фермеров. Хорошие люди, придерживающиеся кодекса чести, и бандиты с гнусными намерениями. Грабители поездов, грабители банков, поиски и погони. Бескрайние равнины, высокие горы, тупиковые каньоны, шалфейные луга, горячие прерии, кости плохишей, обглоданные стервятниками. Перестрелки на заре, столкновения ясным днем, стремительные кони, меткие выстрелы.

Господи, как же ему все это нравилось. Он любил это с детства, писал об этом всю жизнь, и никогда у него не возникал психологический блок, не позволяющий взяться за ручку, никогда он не испытывал разочарования.

В последние пятнадцать лет публиковалось все меньше и меньше вестернов, и издатели предлагали за них все меньшие суммы. Золотой век жанра остался в далеком прошлом.

Читали больше не питали теплых чувств к прошлому, потому что не верили в него. Слишком долго их убеждали: все, что они знали о прошлом, – ложь, хорошие парни, придерживавшиеся кодекса чести, на самом деле плохие парни, а преступники – или жертвы несправедливости, или борцы с косностью... что как раз и было ложью.

Люди не верили в прошлое и не верили в настоящее или будущее: им постоянно твердили, что они идут от одного катаклизма к другому, и впереди нет ничего, кроме обреченности. Они верили только в очень далекое будущее, в котором события происходили на других планетах, не имеющих ничего общего с Землей, а персонажи имели минимум общего (или не имели вовсе) с современными людьми, или хотели читать о параллельных мирах с магами и ворлоками, где все проблемы решались с помощью чар, заклинаний и вызванных демонов.

Да, он превращался в старого ворчуна. Если бы прожил достаточно долго, стал бы брюзгой, каких свет не видывал, и за это брюзжание его помнили бы в Рейнбоу-Фоллс даже после того, как его кости и книги обратились бы в пыль.

Хотя Брюс проснулся в хорошем настроении, из-за невнимательности больничного персонала оно портилось с каждым часом. Если бы он мог купить книгу, чтобы скоротать время, то особо и не жаловался бы, но ему сказали, что как раз по вторникам у разносчиков книг и сладостей выходной, и в этот день они не объезжают палаты со своими тележками.

Где-то в одиннадцатом часу в палату наконец-то зашел доктор Рэтберн,

чтобы справиться о его самочувствии. Брюс тут же изложил ему все жалобы. Он ожидал, что док Рэнберн попеняет ему за брюзжание и попытается развеселить, таким уж был стиль общения дока с пациентами. Но Брюс также предполагал, что после распоряжений дока простыни поменяют, в графин бросят несколько кубиков льда, лекарства дадут, грязные тарелки унесут, а на столике появится хороший роман, потому что док всегда принимал нужды пациентов близко к сердцу и умел заставить людей выполнять свои обязанности.

Вместо этого док выслушал жалобы с плохо скрываемым раздражением, сказал, что многие сотрудники заболели гриппом, остальные сверх меры загружены работой, но он попытается что-нибудь сделать. По разумению Брюса Уокера, в голосе врача звучало полнейшее безразличие, а от его обещания что-то предпринять за милую цену... притворством.

Коснувшись дальнейших обследований, о которых говорилось прошлым вечером, доктор Рэтберн сказал, что их перенесли на вторую половину дня из-за все той же нехватки персонала. На вопрос, какие нужны обследования и зачем, док ответил, что это «стандартные диагностические процедуры», посмотрел на часы, сослался на то, что ему нужно заглянуть к другим больным, призвал к терпению и покинул палату, так и не проявив привычного ему чувства юмора.

Обычно он подробно объяснял, зачем нужно то или иное обследование, рассказывал, в чем оно состоит, но на этот раз в тонкости не вдавался и почти... уваливал от ответа. Свойственная ему манера общения с пациентами, которая помогала едва ли не лучше лекарств, исчезла бесследно. Док словно хотел как можно быстрее отделаться от него. И пусть Брюс Уокер почувствовал стыд, подумав такое о Джоэле Рэтборне, у него сложилось ощущение, что док относится к нему с едва скрываемым презрением.

Ожидая льда, который, он это уже понимал, принесут не скоро, ожидая новых простыней, хотя он подозревал, что ему придется пожаловаться еще с десятков раз, чтобы все-таки их получить, Брюс смотрел в окно, которое находилось за изножьем его кровати, наблюдал, как серые облака пробегают по небу, закрывая солнце. И настроение его портилось и портилось, отчасти и потому, что к его жалобам отнеслись, похоже, с полнейшим пренебрежением.

В начале октября эпидемий гриппа не бывало. Единичные случаи заболевания случались, но он не мог вспомнить ни одного года, когда полномасштабная эпидемия началась бы раньше середины ноября. И еще

вчера, до того, как Брюс почувствовал боли в сердце, он ничего не слышал о том, что в городе свирепствует инфлуэнца.

За более чем шестнадцать лет Брюс не слышал от Джоэля Рэнберна ни единого лживого слова, а теперь этот человек просто фонтанировал ложью.

По мере того, как желание побрызгать все нарастало, ему захотелось, чтобы что-нибудь отвлекло его от столь недостойных мыслей. Он понимал, что, возможно, они несправедливы, пусть и вертелись в его голове. Но ничто не отвлекало.

Его сосед по палате, выздоравливающий после хирургической операции, почти все время спал. Когда просыпался, говорил только по-испански и бодрствовал недолго.

На полке под потолком стоял телевизор, и на тумбочке у кровати Брюса лежал пульт дистанционного управления, но ему не хотелось беспокоить соседа. Кроме того, телевидение он терпеть не мог, как не выносил шумные, бессмысленные фильмы, в которых действие разворачивалось на других планетах. Если бы он попал на «реалити-шоу», в которых не было ничего реального, то мог бы запустить пульт дистанционного управления в стену.

Презрение, пренебрежение, увертки – вот что он получил в ответ на свои жалобы. Возникло даже подозрение, а не было ли у Джоэля Рэтберна брата-близнеца, неотличимого от него, который, правда, не заканчивал медицинскую школу и школу обаяния, и не запер ли этот близнец своего хорошего брата в чулан, чтобы поиграть в доктора.

Небо все сильнее затягивали облака, никто не приходил со льдом, никто не приходил, чтобы поменять простыни, на остатках пищи уже во множестве размножились опасные бактерии, и в конце концов у Брюса возникла необходимость справить малую нужду. Он принимал лекарство, препятствующее росту простаты, а потому его визиты в туалет сократились с двух сотен в день до более приемлемого числа, но, если уж такая потребность возникала, удовлетворять ее следовало быстро.

Сев на кровати и сунув ноги в шлепанцы, Брюс порадовался, что привез в больницу свою пижаму. Для начального обследования и МРТ его обрядили в один из больничных халатов, оставляющих спину голой. Халаты эти могли понравиться только мазохистам, склонным к эксгибиционизму. Но, как только его привезли в эту палату, прежде чем лечь в постель, он настоял на том, чтобы ему позволили переодеться в свою пижаму.

В семьдесят два года он практически полностью сохранил волосы, не жаловался на слух, очки надевал только для чтения, и талия у него не

расплылась, но что-то трагическое произошло с его задом. Не так уж и давно ягодицы были круглыми и твердыми, а потом, внезапно, чуть ли не за одну ночь обмякли, обвисли и уменьшились в размерах. Мужчине его возраста и так с трудом удавалось держаться с достоинством в обществе, которое боготворило молодость, а пожилых граждан воспринимало пердунами в нелепых одеждах и с дурацкими взглядами на жизнь. И он отказывался ходить с голым обвисшим задом, давая каждому невежественному молодому дураку повод посмеяться над ним.

В туалете, примыкающем к его двухместной палате, Брюс сел на унитаза, чтобы отлить, как всегда поступал и дома, из уважения к труду Ренаты, которая регулярно мыла их ванную комнату. Он продолжал садиться, а не проделывать все стоя, потому что его руки иной раз начинали неожиданно и непредсказуемо дрожать, и это крайне отрицательно влияло на меткость.

Облегченно выдохнув, Брюс какое-то время посидел в тишине, а потом услышал странный звук, который поначалу принял за крик тревоги какой-то птицы, изданный с тем, чтобы вся стая взлетала в небо. Его палата находилась на верхнем из трех этажей больницы, и, кроме крыши, над головой ничего не было.

Крик повторился, уже меньше напоминая птичий, но более тревожный и загадочный. Окна, через которые крик мог достичь его ушей, в туалете не было и, если на то пошло, над потолком наверняка находился технический этаж, с трубами, вентиляционными коробами и кабелями, который приглушал бы любые звуки, раздающиеся на крыше.

Закончив свои дела, он услышал другие звуки, не такие резкие, как первый, тихие, будоражащие стоны, которые доносились издалека.

В одной стене, под потолком, он увидел канал с вращающимся вентилятором, который гнал в туалет теплый воздух. Он ощущал приятное тепло, если поднимал голову. Но этот воздушный поток вроде бы не сопровождался стонами.

Около пола Брюс заметил вентиляционную решетку. Предположил, что через нее уходит использованный воздух.

Хотя непонятные звуки практически смолкли, Брюс опустил на колени, наклонил голову к решетке. Поначалу не слышал ничего, но потом стоны вернулись, и тут же к ним добавился новый голос. Если первый голос определенно принадлежал мужчине, то второй, скорее, женщине. И оба мучились от невыносимой боли.

Он подумал, что, возможно, слышит людей, которые лежали в палатах интенсивной терапии, куда клали самых тяжелых больных, балансирующих

между жизнью и смертью. Но, когда Брюс прислушался, до него долетел плач еще одной женщины, и ее рыдания говорили не о физической боли, а о чем-то еще, о других страданиях. Какие-то мгновения он не мог понять, в чем дело, а потом до него дошло: она плакала от невообразимого ужаса, и стоны остальных вызывались тем же.

Чем больше он понимал, что слышит, тем больше он слышал. Четвертый голос, еще одной женщины, вплеся в первые три: «Ох, Господи... ох, Господи... ох, Господи... Господи, пожалуйста... Господи, пожалуйста... ох, Господи... пожалуйста...» Она взывала к Богу в таком отчаянии, в таком страхе, что Брюса Уокера передернуло, и он почувствовал, как на шее выступает холодный пот.

Страх, само собой, ощущает, каждый пациент больницы, но редко страх достигает такой интенсивности. И Брюс не мог представить себе ситуацию, когда столь сильный страх охватил бы целую группу пациентов.

Стоя на четвереньках, слыша далекие голоса, пробивающиеся к нему навстречу уходящему из туалета воздуху, он сказал себе, что слышит актеров в драме, которую показывают по телевизору, включенному в одной из палат первого этажа, но это объяснение устроило его лишь на секунду. В фильмах ужаса случалось, что актеры кричали хором, но всегда их крики усиливала музыка. Ни один режиссер не заставлял их кричать без музыки. Тут же он слышал только жуткие стоны и крики – никакой музыки.

Предельная концентрация обострила слух, и Брюс уловил отзвуки других голосов, не таких громких, как первые четыре, но тоже объятых ужасом. Потом мольба женщины о божественном вмешательстве смолкла, но не резко и сразу, а в течение нескольких секунд, как будто кто-то схватил ее за шею и начал душить, и потом решил вырвать ей глотку. Голос сначала становился глуше, потом вдруг перешел в крик невероятной боли, после чего вроде бы захлебнулся в потоке крови. И тут же в голосах остальных прибавилось отчаяния, будто они засвидетельствовали непередаваемый ужас, творящийся рядом с ними.

Происходящее по другую сторону решетки зачаровало Брюса, он так и стоял на коленях, прижавшись к решетке правым ухом. Будь крики погромче, они бы, наверное, не загипнотизировали его до такой степени. Но они едва слышались, и он представлял себе, что подслушивает что-то ужасное, что-то жуткое и демоническое, а преступник приложил немало усилий для того, чтобы эти преступления так и остались в секрете. И его неподвижность объяснялась не только зачарованностью, но и страхом за свою жизнь, убежденностью, что происходящее с этими людьми скоро случится и с ним, и это будет нечто сверхъестественное, а оттого еще более

ужасное.

Но вскоре голоса доноситься перестали. Его правое ухо (оно болело оттого, что Брюс очень уж сильно прижимался им к решетке) слышало только тишину.

Глава 25

Двойник доктора Генри Лайтнера спустился в подвал, чтобы присутствовать при уничтожении и переработке ночной смены персонала больницы, членов которой арестовали еще в четыре утра.

Семнадцать человек сидели на полу. У каждого в левом виске поблескивала серебристая шляпка гвоздя.

Восемнадцатая, умершая медсестра с залитыми кровью глазами, лежала на спине посреди комнаты. Ее ценность для Коммуны оставалась неизменной, что мертвой, что живой.

Строителем был молодой человек с вьющимися светлыми волосами и светло-коричневыми глазами. По какой-то причине, известной только Создателю, все Строители были молодыми мужчинами и женщинами и, по человеческим стандартам, очень красивыми, хотя красота для коммунаров ничего не значила.

Замененные клонами-двойниками сотрудники ночной смены теперь подлежали уничтожению, причем речь не шла об убийстве. Их тела стали бы вещественной уликой, доказательством того, что в Рейнбоу-Фоллс происходит тайная революция, поэтому они должны были исчезнуть бесследно.

Вырыть могилу для массового захоронения и скрыть ее от всех глаз – задача не из легких. Рано или поздно такие могилы кто-то да находил.

Дым погребального костра обладал специфическим запахом, который мог встревожить даже самую глупую овечку, не подозревающую о нависшей над ней угрозой.

Строители решали проблему человеческого мусора исключительно эффективно.

Курчавый блондин начал убивать и творить.

Вначале крики обреченных раздражали Генри Лайтнера, но менее чем через минуту уже доставляли наслаждение. Как и все коммунары, он не интересовался музыкой или какой-то другой формой искусства, ибо искусство отвлекало от работы, а потому снижало эффективность. Но он чувствовал, что эти сдавленные крики и застревающие в горле рыдания тянули на музыку.

А как быстро и четко проводилась каждая экзекуция!

Когда все умерли, Строитель закончил только первую половину работы. Он уже ничем не напоминал обыкновенного, пусть и очень

красивого молодого человека, и конструирование, которым он занялся, оказалось зрелищем, от которого Генри Лайтнер не мог оторвать глаз.

По завершении работы им предстояло перейти в соседнюю комнату, где томился персонал дневной смены. А после того, как последние посетители покинули бы больницу, в подвал предстояло спуститься всем больным, один за другим, вечером и ночью.

Такое безжалостное, быстрое уничтожение плоти и костей.

Такая жажда созидания...

Глава 26

Дрожа всем телом, Брюс Уокер поднялся и отвернулся от вентиляционной решетки. Ноги не держали, и он привалился к стене. Потом доплелся до унитаза, опустил крышку сиденья, сел.

Он никогда не был суеверным человеком. И однако, пока он слушал доносящиеся из решетки крики, ощущение сверхъестественного охватило его, словно он всю жизнь увлекался спиритизмом. Он знал, что ему не удалось случайно подслушать аудиосигнал, идущий из преисподней, но он также знал и другое: подслушанное – не свидетельство обычного преступления, совершенного социопатом. Он подслушал что-то необычное, что-то загадочное, что-то более жуткое, чем массовое убийство.

И он не знал, что ему с этим делать. Если бы он кому-нибудь рассказал о случившемся, ему бы, скорее всего, не поверили. В семьдесят два года он полностью сохранил ясность ума, но в современном мире, где правила молодость, странная история, рассказанная стариком, прежде всего вызвала бы мысль о болезни Альцгеймера. А когда мужчина, проживший в браке много лет, становится бездетным вдовцом, он, чтобы скрасить одиночество и привлечь к себе внимание, вполне может выдумать невероятную историю о далеких голосах жертв, которые донеслись до него по вентиляционным коробам.

Гордость Брюса не позволила бы ему помчаться с этой историей к медсестре или врачу, которые могли высмеять его, но сдержало его нечто большее, чем гордость. Инстинкт самосохранения, в котором он не нуждался долгие десятилетия, предупредил его: если он расскажет об этом кому не следует, его ждет смерть, и смерть эта будет быстрой.

Дрожь ушла. Брюс Уокер подошел к раковине и вымыл руки. Испуганное лицо, которое он увидел в зеркале, не прибавило ему уверенности в себе, и он отвернулся.

Когда вышел из туалета, две медсестры практически закончили перестилать ему постель. Грязные тарелки унесли. На тумбочке у кровати стоял стаканчик с прописанными ему лекарствами, и он предполагал, что в графине ледяная вода.

Он их поблагодарил.

Они улыбнулись и кивнули, но не сказали ему и пары добрых слов, как обычно поступали медсестры, чтобы поднять пациенту настроение. И он подумал, что улыбки у них натужные. А еще он почувствовал в них какую-

то торопливость, словно они старались побыстрее закончить с этой работой и перейти к другой, ради которой и находились в больнице. Когда медсестры выходили из палаты, одна из них оглянулась, и ему показалось, что в ее глазах он прочитал ненависть и торжествующую усмешку.

Паранойя. Ему следовало остерегаться паранойи. Или, наоборот, принять ее с распростертыми объятьями.

Глава 27

От центра к той части города, где жил Намми, вел большой ливневый коллектор. Вверх он поднимался достаточно полого, так что прогулка по нему не доставила им особых хлопот.

Намми мог идти по коллектору в полный рост, тогда как мистеру Лиссу приходилось чуть пригибаться, но он всегда сутулился, даже под открытым небом, так что ни разу не ударился головой.

Из-за того, что мистер Лисс сутулился, бродяга иногда напоминал Намми колдунью, которую он видел в каком-то фильме, склонившуюся над огромным железным котлом и помешивающую магическое варево. Порою мистер Лисс напоминал Намми старика Скруджа из другого фильма, злого старика Скруджа, который сидел над грудой денег, пересчитывал их и пересчитывал.

Мистер Лисс не напоминал Намми ни одного из хороших людей, которых он видел в фильмах.

Конечно, фонарик всегда мог пригодиться, если ты выбирал короткий путь по сливному коллектору, но, с другой стороны, ясным днем он особо и не требовался. В коллекторе и так хватало света, спасибо канализационным решеткам, расположенным через равные промежутки. Солнечный свет, проникающий в щели в решетках, рисовал на полу коллектора вафли.

Между вафлями солнечного света темнота сильно сгущалась, но впереди всегда виднелась еще одна вафля.

К главному коллектору сходились трубы поменьше. Намми не всегда мог их разглядеть, но слышал эхо шагов, уходившее вправо или влево, когда они проходили мимо такой трубы. А если мистер Лисс выбирал именно этот момент для того, чтобы выругать темноту, его слова, приглушенные и пугающие, уносились в другую часть города.

Иногда, если Намми оказывался в ливневом коллекторе один, у него возникало ощущение, что здесь что-то живет, – что-то, не кто-то – но он не хотел знать, что это могло быть, не хотел выяснять. Когда чувство это было особенно сильным, он неделями не подходил к ливневому коллектору.

Несколько раз, захватив с собой фонарик, он видел крысу – однажды дохлую, трижды живую. Никогда больше одной, никогда стаю. И если Намми видел живую крысу, она в испуге от чего-то убегала, точно – не от него.

В течение двух последних недель дождя не было, так что шли они по

совершенно сухому коллектору. И пахло в нем исключительно бетоном.

– И не вздумай убежать от меня, – в какой уж раз повторил мистер Лисс, идущий следом за Намми.

– Нет, сэр.

– У меня нюх ищейки.

– Как вы это уже говорили.

– Я найду тебя по запаху.

– Я знаю.

– И вырву тебе кишки.

– Я бы никогда не оставил вас здесь.

– Обмотаю тебе шею твоими же кишками и задущу. Тебе это понравится, Персиковое варенье?

– Нет.

– Я это уже проделывал и сделаю снова. Я не живу по правилам и не знаю жалости.

Намми слышал, как кто-то рассказывал о вечеринке жалости^[13]. Он не знал, что такое вечеринка жалости, но, похоже, мистер Лисс на нее бы не пошел, если бы его и пригласили, потому что он не мог принести с собой жалость. Возможно, по этой причине он всегда был такой злой: хотел ходить на эти вечеринки, но не мог.

Намми жалел мистера Лисса.

Намми тоже никогда не приглашали на вечеринки, но его это не огорчало, потому что идти он и не хотел. Ему хотелось одного – оставаться дома с бабушкой. Теперь, когда бабушка ушла, Намми больше всего хотелось оставаться дома с его собакой, Норманом.

Конечно, это грустно, если ты хотел ходить на вечеринки и не мог. Намми всегда старался выбирать счастье, как его и учила бабушка, но так часто видел людей, которые грустили, и всегда их жалел.

Коллектор изгибался по широкой дуге, а когда они вновь вышли на прямой участок, то увидели впереди большой круг света.

Коллектор перекрывала решетка, преграждающая путь веткам и крупному мусору. Казалось, что она закреплена по всему периметру коллектора, но на самом деле она более всего напоминала монету, поставленную на торец. И если ты знал, где находится маленький рычаг, и надавливал на него, то решетка поворачивалась перпендикулярно к коллектору.

– Шарнирные петли, – кивнул мистер Лисс. – И кто тебе это показал?

– Никто. Сам однажды нашел.

Они вышли из коллектора в большой и неглубокий бетонный бассейн.

Рабочие очистили его от мусора после последнего сильного дождя. Так что бетон сухо поблескивал под солнцем.

В бассейн упиралась асфальтовая дорога. Какое-то время они шагали по ней, вниз по склону, а потом свернули на поле и вышли к дому Намми со стороны двора.

– Неплохое местечко, – прокомментировал мистер Лисс. – Словно здесь живет долбаная Белоснежка с семьей чертовыми гномиками.

– Нет, сэр. Только я и бабушка. А теперь я и Норман.

Намми поднял коврик, чтобы достать ключ.

– Ты всегда прячешь ключ под ковриком? – спросил мистер Лисс.

– Это секрет, – прошептал Намми.

– Тебе не случилось прийти домой и обнаружить, что твой дом вычищен от стены до стены?

– Нет, сэр, – Намми повернул ключ в замке. – Всю уборку я делаю сам.

– Уютно, – отметил мистер Лисс, когда они вошли на кухню.

– Бабушка любила уют, и я тоже люблю.

– И где эта собака, которой лучше не кусать меня?

Намми повел его в гостиную и указал на диван, где сидел Норман.

Стукнув ногой об пол, шлепнув себя по бедру, мистер Лисс рассмеялся. Когда он смеялся, хотелось бежать от него подальше.

– Это же не собака, идиот.

– Конечно, собака, – возразил Намми. – Он – очень хороший пес.

– Это набивной пес, вот кто он.

– Просто надо иметь хорошее воображение.

– Мозгов у тебя, будто у курицы. Если ты хочешь собаку, почему не завести настоящую?

– Бабушка сказала, что после ее ухода с настоящей собакой мне будет трудно. Я должен прибираться в доме, готовить еду, заботиться о себе, а это большая работа, даже без собаки.

Мистер Лисс снова рассмеялся, и Намми отступил от него на шаг.

Более злым, чем обычно, голосом, напомнившим Намми каркающий голос колдуньи из того фильма с котлом, мистер Лисс спросил: «Ты смог научить его каким-то трюкам? Он выглядит *таким умным*».

– Трюки он умеет делать лучше многих настоящих собак, – ответил Намми.

Чтобы доказать, что Норман особенный, и заставить старика пожалеть о том, что он рассмеялся, Намми прошел к дивану и сел рядом с собакой.

За одним из ушей Нормана находилась потайная кнопка. Когда Намми нажал на нее, пес произнес приятным, но чуть рычащим голосом: «Почеши

мне животик».

– И ты, наверное, укладываешь его лапами вверх и полночи чешешь живот, – тут мистер Лисс принялся смеяться еще сильнее.

Намми вновь нажал кнопку, и Норман, все тем же приятным, чуть рычащим голосом спросил: «Мне дадут что-нибудь вкусненькое?»

Мистер Лисс уже смеялся так, что из глаз потекли слезы, и он плюхнулся на стул, похоже, упал бы на пол, если б не сел.

– Ты должен скормить ему весь дом! – сквозь смех воскликнул старик.

– Давай поиграем в мяч! – предложил Норман-пес. – Я не люблю кошек, – добавил он. И еще: – Пора вздремнуть.

Мистер Лисс продолжал смеяться, но уже не так сильно.

– Ты так добр ко мне, – продолжил Норман-пес.

Мистер Лисс вытер глаза рукавом куртки.

Намми обнял Нормана, и пес сказал: «Я тебя люблю».

Рядом с первой кнопкой находилась вторая, размером поменьше. Если нажать ее, пес не произносил новую фразу, а повторял последнюю.

– Я тебя люблю, – повторил Норман.

Намми еще крепче прижал Нормана к себе.

– И я люблю тебя.

Намми нравилось ласкать Нормана, гладить его по мягкому, шелковистому меху.

Через какое-то время он опять нажал маленькую кнопку, и пес произнес: «Я тебя люблю».

Обнимая и поглаживая Нормана, Намми почти забыл про мистера Лисса. Когда вспомнил о нем, старик по-прежнему сидел на стуле, но уже не смеялся. И выглядел по-другому, не напоминал колдунью.

– Сколько тебе лет, малыш?

– Мне говорили, что в следующем марте исполнится тридцать один.

– И давно ушла твоя бабушка?

Намми пожал плечами.

– Недавно. Но слишком давно.

– Мы не можем оставаться здесь, – после паузы продолжил мистер Лисс. – Кто бы они ни были, где бы они ни были, они придут сюда за тобой.

– Чиф Хармильо – мой друг.

– Не этот чиф Хармильо, – мистер Лисс встал. – Эй, малыш, у тебя есть деньги?

– Конечно. Бабушка оставила мне деньги.

– Где они?

– По большей части, в банке. Мистер Леланд Риз оплачивает счета и выдает мне деньги на карманные расходы.

– А в доме у тебя деньги есть?

– Конечно.

– Покажи мне, где они. И я должен избавиться от этого арестантского костюма.

Намми встал с Норманом на руках.

– Вы собираетесь украсть их у меня?

– Никто ничего не говорил насчет кражи. Я прошу дать мне в долг. Я тебе их отдам.

– В долг. Что ж...

– Малыш, у нас нет времени обсуждать проценты. Мы должны убраться отсюда, пока эти инопланетные сукины дети не появятся здесь, чтобы оторвать нам головы и проделать с нами то же самое, что они проделали с людьми в соседней камере.

Намми вспомнил симпатичного молодого человека в серых брюках и свитере, вспомнил, как он перестал выглядеть симпатичным, перестал выглядеть человеком и превратился в жуткого монстра.

По его телу пробежала дрожь.

– Хорошо, в долг.

Глава 28

Чиф Рафаэль Хармильо следом за директором Мелиндой Райнс спускался по двум лестничным пролетам, ведущим в подвал начальной школы «Мериуитер Льюис».

Лестница привела их в короткий коридор, который привел их к стальной двери. За дверью находилась просторная котельная.

Три работающих на газе бойлера с высоким КПД подогревали воду, которая, в свою очередь, обогревала воздух, подаваемый в классы при холодной погоде. Здесь же стояли и холодильные установки, которые охлаждали школу в жару. Еще в комнате хватало белых пластиковых труб, клапанов, манометров и всякого другого сложного оборудования. Бойлеры, холодильные установки и прочее громоздкое оборудование разделялось широкими проходами.

Директор Райнс и чиф шли по одному из них.

– Мы сможем приводить сюда по два класса сразу.

– Под каким предлогом? – спросил Хармильо.

– Мы назовем это экскурсией по школе. Они, мол, смогут узнать, как работают различные технические системы, своими глазами увидеть тайны, которые прячутся у них под ногами. Мы преподнесем все это как приключение. Ученики начальной школы обожают экскурсии, обожают приключения.

– Два класса одновременно. Сколько здесь классов?

– Двадцать два.

– Сколько учеников в каждом классе?

– От восемнадцати до двадцати двух.

– И сколько всего детей?

– Четыреста сорок два, минус те, кто отсутствует по болезни.

Они пересекли котельную и через еще одну металлическую дверь вышли в длинный и широкий коридор с бетонными стенами. По правую руку тянулась череда дверей, но слева их было только две, обе двухстворчатые с металлическими ручками-штангами.

Ручки каждой двери соединяла цепь, на которой висел тяжелый замок. Мелинда Райнс достала из кармана пиджака брючного костюма ключ, открыла замок и позволила цепи железной змеей соскользнуть на пол.

Она вошла, включила свет. Их глазам открылся огромный зал, посреди которого находилось прямоугольное углубление.

– Тут строили бассейн. Но не довели дело до конца.

Тридцатью годами раньше Рейнбоу-Фоллс видел себя на пороге экономического бума. Открытие в округе крупных месторождений природного газа и нефти привело к огромным инвестициям в энергетику и, согласно прогнозам, в будущем объем инвестиций мог только нарастать. Ожидалось, что за десятилетие население Рейнбоу-Фоллс удвоится, и доход каждой семьи тоже вырастет примерно вдвое.

Поступления в городскую казну росли вместе с ценами на землю, да и округ делился с городом доходами от прав на разведку месторождений. Мэр и городской совет того периода надеялись, что внезапно появившиеся деньги позволят заранее создать инфраструктуру, которую потребует рост населения.

Начальная школа «Мериуитер Льюис» проектировалась как средняя школа, причем по уровню могла соперничать со школами богатых пригородов мегаполисов или с частными школами. Среди прочего в ней предполагалось построить крытый олимпийский бассейн^[14] и комплекс для прыжков в воду.

Но, прежде чем строительство школы завершилось, жители Рейнбоу-Фоллс увидели, как их мечты лопнули, будто мыльные пузыри. Федеральное правительство, руководствуясь законами о защите окружающей среды, ограничило эксплуатацию недавно открытых месторождений нефти и газа и установило такие жесткие правила на ведение разведки новых месторождений, что многие проекты свернули, не доведя до конца. Налоги упали до прежнего уровня, поскольку сразу пошли вниз цены на недвижимость, а сторонние инвестиции иссякли.

Бюджет на строительство новой школы пришлось сокращать. Олимпийский бассейн под крышей остался ямой в полу. Стоимость облицовки кафелем, покупки и установки необходимого оборудования, отделки вспомогательных помещений (душевых, раздевалок, тренерских) обанкротила бы Школьный департамент Рейнбоу-Фоллс. А на поддержание бассейна в рабочем состоянии требовалось больше денег, чем Департамент тратил на текущие расходы.

В итоге существующую среднюю школу признали соответствующей потребностям города, начальную школу, которой требовался дорогостоящий ремонт, закрыли, и учеников перевели в новую школу, построенную в усеченном варианте, которая и получила название «Мериуитер Льюис».

Директор Райнс и чиф Хармильо обошли бассейн, обсуждая текущий урожай учеников. Слово «урожай» представлялось совершенно уместным,

поскольку команде Строителей в самом скором времени предстояло его собрать.

– Мы будем заводить по два класса в бассейн с его мелкого конца, – объясняла Мелинда Райнс, – и перемещать к глубокому концу, где стенки высокие и выбраться оттуда невозможно. Строители пойдут за ними, возьмут их и не дадут проскочить к мелкому концу. Учителя будут патрулировать периметр и никому не позволят забраться на стенки.

Слушая голос директора, эхом отдающийся от холодных серых стен, Хармильо спросил: «Не услышат ли ученики, находящиеся в классах, тех, кто уже будет в бассейне?»

Мелинда Райнс покачала головой.

– Стены здесь толщиной в два фута, железобетонные, монолитные.

– А над нами?

– Над бассейном спортивный зал. Потолок тоже толщиной в два фута. Тем не менее в день экскурсий мы отменим все спортивные занятия и запрем зал. Даже если потолок не заглушит крики, их все равно никто не услышит.

Половину огромного подземного помещения, включая недостроенный бассейн, освещали яркие лампы, во второй половине, дальней, тени переходили в темноту. Хармильо разглядел опорные стойки и внутренние стены, не доведенные до потолка.

Директор Райнс заговорила, прежде чем чиф задал вопрос:

– По длинным сторонам бассейна хотели построить трибуны, а под одной из них – подсобные помещения, раздевалки, тренерские и так далее. Затем – вестибюль. Ничего этого так и не построили. Не закончили и выход из вестибюля на автомобильную стоянку. Более того, выход этот засыпали землей. Поэтому попасть сюда можно только через те двухстворчатые двери.

– Не может все это помещение находиться под школой, – заметил Хармильо.

– Часть его находится под стоянкой для автомобилей учителей. Можно сказать, что здесь звуконепроницаемый бункер.

– Вы заменили учителей?

Она покачала головой.

– Уборщики, школьная медсестра, работники кухни с нами. Этим вечером и следующим мы заменим учителей в их домах.

– Четверг будет хорошим днем, – кивнул чиф Хармильо.

– Финальная стадия – детский день. Ты придешь, чтобы посмотреть, как их будут убивать и перерабатывать?

– В этом городе мы убьем всех. Я хочу увидеть, как можно больше.

Глава 29

Ответив на ход ладьи и получив достойный ответ, Арни обдумывал свой следующий ход, тогда как его сестра и ее муж переваривали не самую приятную весть, принесенную татуированным гроссмейстером.

Виктор Гелиос, он же Франкенштейн, ушел из жизни на глазах Карсон, Майкла и Девкалиона. Карсон не сомневалась, что обстоятельства его ужасной смерти не оставляли ему ни единого шанса остаться в живых. Его одновременно пробили электрическим током, задушили и раздавили.

Более того, когда Виктор умер, умерли и все его создания, за исключением Девкалиона. В модифицированном теле Виктора находились топливные элементы, которые преобразовывали электричество в другую поддерживающую жизнь энергию, которую изобрел Виктор. Когда он умер, эти топливные элементы через спутник передали всем Новым людям, созданным в Новом Орлеане, особый сигнал, смертоносный сигнал, убивший их всех. Раз Виктор не смог стать их бессмертным богом, он не допустил, чтобы они пережили его хотя бы на час.

– Сам факт их смерти, а мы это видели собственными глазами, доказывает, что в теле Виктора не осталось и толики жизни, – заявила Карсон, кружа по кабинету.

– Возможно, это доказывает только то, что ты сейчас сказала, – Девкалион покачивал Скаут на руке. – Но он был гением, пусть и свихнувшимся. И я абсолютно уверен в том, что у него был план на случай чрезвычайных обстоятельств, позволяющий пережить смерть собственного тела, выжить не душой в аду, а во плоти и в этом мире.

– Ты говоришь, что знаешь о его появлении, – гнула свое Карсон, – но на самом деле ты только чувствуешь, что он все еще здесь. Тебе неизвестно, каким мог быть его чрезвычайный план, и где сейчас Виктор, и что делает. Разве мы можем кардинально изменить свою жизнь и броситься за фантомом, основываясь только на чувстве?

Глаза Девкалиона вновь запульсировали отблесками молнии, давшей ему жизнь.

– С учетом того, что вы обо мне знаете, ты, возможно, согласишься, что чувство, о котором идет речь, нечто большее, чем эмоции, большее, чем истина, постигнутая интуицией. Гораздо большее. Это откровение.

Карсон повернулась к Майклу, но тот покачал головой и посмотрел в окно, как бы говоря: *«Если ты собираешься спорить с двухсотлетним*

мудрецом, обладающим сверхъестественными способностями, дело твое, но, пожалуйста, полной дурой выставляй себя без моей помощи».

Сидя на руке монстра, как он сам себя называл, Скаут принялась дергать его за лацкан пиджака, словно требуя к себе внимания. Малышка восторженно улыбалась татуированному лицу Девкалиона, чувствуя, что у него на руках она в полнейшей безопасности, как если бы ее охранял сам архангел Михаил, небесный воитель.

– Даже если он каким-то образом жив, – не сдавалась Карсон, – даже если ты сможешь как-то его найти, разве мы с Майклом можем сделать что-то такое, чего не сможешь сделать ты? С твоими способностями. С твоей... силой.

– Вы можете передвигаться открыто, в отличие от меня, с моим лицом и иногда начинающими пульсировать светом глазами. Но в любом случае я не могу уничтожить его в одиночку. Как и прежде, мне нужны союзники. И я знаю, что у вас достаточно храбрости и ума, чтобы побеждать драконов. Я не знаю, к кому еще обращаться.

На мгновение Арни отвлекся от шахматной доски.

– Ты знаешь, что сделаешь это, Карсон. Майкл знает, и ты тоже знаешь. Ты рождена для того, чтобы давать пинка тем, кто этого заслуживает, и наводить порядок.

– Это не компьютерная игра, Арни, – возразила Карсон.

– Да, это не игра. Просто все, что тысячи лет было в мире неправильно, вылезает теперь с новой силой. Возможно, Армагеддон нечто большее, чем название фильма с Брюсом Уиллисом. Может, ты не Жанна д'Арк, но ты куда сильнее, чем думаешь.

За два года, прошедшие с того дня, как Девкалион вроде бы простым прикосновением рук излечил Арни от аутизма, Карсон иной раз думала, что гигант не только забрал болезнь, но и что-то дал ее брату. Мудрость, несвойственную подросткам такого возраста. И не только мудрость. Возможно, некую черту характера, некое качество, о наличии которого она знала, но не могла выразить это словами.

Она повернулась к Девкалиону.

– Если мы хотим помочь, если можем, что нам делать? Если Виктор и жив, мы не знаем, где он. Мы не знаем, какое безумство теперь у него на уме, к чему он теперь стремится.

– Он стремится к тому же, что и всегда, – ответил Девкалион. – Он хочет убить саму идею человеческой исключительности, максимально обесценить жизнь, любой ценой добиться абсолютной власти, чтобы, достигнув своих целей, уничтожить душу этого мира. А насчет того, где

он... так или иначе, мы скоро это узнаем.

Зазвонил один из мобильных Карсон. По рингтону она поняла, что звонит Франсина Донателло, их секретарша, и по этому номеру она звонила только в исключительных случаях – обычно, когда возникала критическая ситуация с одним из расследований. Довольная тем, что может отвлечься от разговора о Викторе, Карсон приняла вызов.

– Мне только что позвонила женщина и сказала, что это вопрос жизни и смерти, – доложила Франсина. – Я ей поверила. Она оставила свой номер.

– Какая женщина? – спросила Карсон.

– Она просила передать, что знает, чем вы занимались в Новом Орлеане, и не теряла вас из виду после того, как вы ушли со службы.

– Она сказала, как ее зовут?

– Да. Она сказала, что вы знакомы с ее сестрой, но не с ней. Она сказала, что теперь она Эрика Сведенберг, но раньше ее звали Эрика Пятая. Впервые слышу, чтобы фамилией было число.

Глава 30

Брюс Уокер сидел на больничной кровати и смотрел на темно-серые облака, ползущие по небу.

Простыни свежие, вода в графине ледяная, но в стаканчике лежала таблетка, не похожая на ту, что ему дали прошлым вечером.

А согласно записи в карте, которая, упрятанная в пластиковый чехол, висела у изножья кровати, лекарство ему прописали то же самое. Медсестра, должно быть, по ошибке положила ему не ту таблетку.

Но это объяснение не было единственным. Возможно, она сознательно дала ему другое лекарство, надеясь, что он не заметит разницы в цвете и размере таблеток, этой и той, которую принял двенадцатью часами раньше, после МРТ.

Нехарактерная для доктора Рэтберна нетерпеливость и вдруг исчезнувшее чувство юмора. Молчание и натянутые улыбки медсестер. Ненависть во взгляде одной, брошенном на Брюса, презрение, написанное на ее лице.

Если б он мог отвлечься на чтение вестерна, то, возможно, сказал бы себе, что каждый имеет право на ошибку, у каждого может быть плохое настроение, и с головой ушел бы в перипетии романа, ожидая, как будет обстоять дело с ленчем. Но... голоса в вентиляционном коробе. Даже лучшая книга любимого автора не заставила бы его забыть эти мольбы о помощи и сострадании.

Если медсестра сознательно дала ему не ту таблетку, Брюс мог найти только одно объяснение. В бумажном стаканчике, скорее всего, лежала таблетка успокоительного. Медсестра рассердилась из-за того, что он пожаловался доктору, вот и хотела, чтобы он или пожаловался вновь, или быстренько заснул.

Насколько он знал по собственному опыту, ни одна профессиональная медсестра так бы не поступила. Мемориальная больница Рейнбоу-Фоллс, конечно же, не могла считаться лечебным учреждением высшего разряда, но и не опускалась до уровня больниц стран третьего мира. Когда болела Ренни, сотрудники больницы делали все, чтобы побыстрее поставить ее на ноги, демонстрировали искреннее дружелюбие, оказывали максимальную эмоциональную поддержку.

Вместо того, чтобы проглотить таблетку, Брюс сунул ее в нагрудный карман пижамы.

В палате потемнело, потому что солнце закрыли совсем уж черные облака.

На Брюса накатывало предчувствие дурного, а в следующее мгновение он уже ругал себя за чрезмерную подозрительность.

Возможно, истинной причиной такого состояния были воспоминания о болях в груди, из-за которых он и оказался в больнице. Они волновали его, не давали покоя. Старики остро осознают, что могут отправиться в мир иной, боятся смерти, но слишком горды, чтобы признать страх, и могут маскировать отсутствие храбрости, представляя себе таинственных врагов, какие-то заговоры. Обычное шипение и свист воздуха в решетках и коллекторах вентиляционной системы могли вызвать слуховые галлюцинации у человека, которого только что смерть коснулась своим крылом.

«И это такая большая куча дерьма, что ее не наложить и слону».

Какого-то особого страха перед смертью Брюс не испытывал. Собственно, смерти он совершенно не боялся. В смерти видел дверь, миновав которую, мог вновь соединиться с Ренни.

Он пытался убедить себя не искать причины столь странного поведения персонала больницы, не задаваться вопросом, откуда взялись голоса в вентиляционной системе. Брюс отдавал себе отчет, что после смерти Ренни он скорее реагировал на события, вместо того, чтобы прогнозировать их. Он не отказывался жить, но все больше склонялся к инертности, которую не потерпел бы в отчаянных шерифах или решительных ковбоях, героях написанных им романов.

Еще не испытывая отвращения к себе, но более чем раздраженный собственной пассивностью, Брюс откинул одеяло, перебросил ноги через край кровати, сунул в шлепанцы. Из стенного шкафа достал тонкий больничный халат, надел поверх пижамы.

В коридоре третьего этажа Дорис Мейкпис, главная медсестра смены, сидела в одиночестве на сестринском посту. Брюс прекрасно помнил ее заботу и внимательность, проявленную во время последней госпитализации Ренни.

Медсестра Мейкпис с головой ушла в свои мысли, уставившись на часы, которые висели на противоположной стене коридора.

Брюс не помнил случая, чтобы главная медсестра смены или даже простая медсестра сидела без дела на сестринском посту, с которым поддерживали связь все больные, находящиеся на этаже. У медсестер всегда хватало работы.

Дорис даже на их фоне выделялась особенным трудолюбием –

энергичная, веселая, усердная, неутомимая. Теперь же пациенты, похоже, нисколько ее не интересовали, и она даже скучала. То ли надеялась, что стрелки часов под ее взглядом побегут быстрее, то ли мыслями находилась далеко за пределами больничного коридора и часы даже не видела.

Как и прежде, он мог раздуть из мухи слона. Всем по ходу рабочего дня время от времени требовался короткий, на несколько минут, перерыв.

Когда Брюс проходил мимо сестринского поста, Дорис Мейкпис вышла из транса, чтобы спросить:

– Куда-то идете?

– Хочу немного прогуляться, может, навестить одного-двух пациентов.

– Оставайтесь поблизости, чтобы мы могли вас найти. Возможно, скоро мы пригласим вас вниз, на обследования.

– Не волнуйтесь. Далеко я не уйду, – пообещал он и обнаружил, что не идет, а едва волочит ноги, и не потому, что не может идти нормально. Просто подумал, что в данной ситуации лучше продемонстрировать собственную слабость.

– Не переутомитесь. Чем быстрее вы ляжете в кровать и отдохнете, тем будет лучше.

В голосе медсестры Мейкпис не слышалось ни характерной живости, ни привычной теплоты. Наоборот, если Брюс что и слышал, так это холодную властность, граничащую с презрением.

Он остановился у соседней палаты, чтобы взглянуть на пациентов. Знакомых не увидел.

Удаляясь от сестринского поста, спиной он чувствовал взгляд медсестры Мейкпис. И понимал, что не сможет выйти на лестницу, пока она за ним следит.

В палате 318 ближняя к двери кровать пустовала, а на второй сидел мальчик лет девяти. Он пролистывал журнал комиксов с таким видом, будто не находил в нем ничего интересного.

Брюс вошел в палату.

– Когда-то давно я написал несколько комиксов. Правда, о ковбоях и лошадях, а не об инопланетянах, космических кораблях и супергероях, поэтому тебя они, наверное, только вогнали бы в сон. Как твое имя, сынок?

Настороженность мальчика, скорее всего, объяснялась его застенчивостью.

– Тревис.

– Прекрасное имя, всегда имя героя, и идеальное для вестерна, – Брюс указал на окно, за которым небо затянули черные облака. – Как думаешь, Тревис, может пойти снег?

Мальчик отложил журнал комиксов.

– Они забрали у вас «Блэкберри»^[15]?

– У меня нет «Блэкберри» и никогда не будет. Я предпочитаю разговаривать с людьми, а не набивать им сообщения, но я старше Великой китайской стены и заостенел в своих привычках.

– Они забрали мой этим утром, – Тревис бросил взгляд на дверь в коридор, словно не хотел, чтобы их подслушали. – Они сказали, что отправка сообщений мешает работе больничного оборудования.

– Может, и так. В технике я мало что понимаю, – признался Брюс. – И в автомобиле могу только сменить спущенное колесо. Но я умею завязывать разные узлы и метко стреляю, а это что-то да значит.

– Первые два дня «Блэкберри» был при мне, и никого это не волновало. А этим утром они вдруг подняли шум.

Брюс взял журнал комиксов, чтобы получше разглядеть супергероя на обложке.

– Похоже, этот комикс навевает на тебя скуку. Мне это приятно. Но, возможно, причина в том, что ты уже прочитал его раз двадцать.

Тревис посмотрел на дверь, на окно. Вновь на дверь, потом встретился с Брюсом взглядом.

– Что с ними не так?

– По-моему, многое. Ни одному супергерою на самом деле не угрожает настоящая опасность, даже когда кто-то запирает его в свинцовом ящике с куском криптонита^[16] размером с кочан капусты и бросает в океан.

– Я про них, – Тревис понизил голос и указал на дверь в коридор. – Медсестер, докторов, всех.

Они какое-то время молчали, глядя друг другу в глаза, а потом Брюс спросил:

– О чем ты, сынок?

Мальчик пожевал нижнюю губу, словно подыскивая слова.

– Вы настоящий.

– Я всегда так и думал.

– Они нет.

Брюс сел на край кровати, наклонившись к мальчику, чтобы продолжить разговор шепотом, и при этом периферийным зрением держать под контролем дверь.

– Похоже, дело не только в том, что они забрали у тебя «Блэкберри».

– Не только, – согласился Тревис.

– Хочешь рассказать мне об этом?

Мальчик еще понизил голос.

– Что-то будит меня ночью. Не знаю, что именно. Какой-то звук. Он меня пугает. Не знаю почему. Я лежу, прислушиваясь... десять минут, двадцать. В палате темно. Только лунный свет проникает в окно. Потом открывается дверь в коридор, и двое из них подходят к моей кровати.

– Кто?

– Медсестры. Я не вижу их лиц. Притворяюсь, что сплю, но мои глаза чуть приоткрыты. Я наблюдаю, как эти медсестры смотрят на меня.

– Смотрят?

– Они не дают мне лекарство. Не щупают мой лоб, чтобы узнать, нет ли у меня температуры. Просто смотрят на меня в темноте. А потом уходят.

– Они сказали что-нибудь тебе, говорили между собой?

– Нет.

– Как долго? – спросил Брюс.

– Две минуты, три. Достаточно долго, чтобы пялиться на кого-то в темноте, правда? – мальчик взглянул в окно. Сплошная облачность говорила за то, что этой ночью луна светить в палату не будет. – И все время, пока они смотрели на меня... я это чувствовал.

– Чувствовал что? – спросил Брюс.

Тревис вновь встретился с ним взглядом.

– Как сильно они меня ненавидят.

Глава 31

Намми держал наличные деньги в пластиковом пакете с застежкой-молнией. Пакет лежал к коробке из-под крекеров, которая стояла на полке кухонного буфета. На тот момент вся его наличность состояла из трех пятидолларовых купюр и десяти по одному доллару, плюс еще десяти по одному доллару плюс еще трех по одному доллару.

Мистер Леланд Риз, адвокат бабушки, выдавал Намми только купюры по одному и пять долларов, потому что считал Намми не очень хорошо. То есть до десяти он мог сосчитать не хуже других, но потом начинал путаться. Читать Намми не мог, однако отличал единицу от пятерки.

По большей части его покупки состояли из еды и чистящих средств, вроде мыла и бумажных полотенец. Все это он покупал в «Хеггенхагелс маркет», потому что мистер Хеггенхагел помогал ему и не брал денег. Каждый месяц мистер Хеггенхагел отправлял список покупок Намми мистеру Леланду Ризу, и мистер Риз платил мистеру Хеггенхагелу.

Раскладывая купюры по одному и пять долларов на кухонном столе, Намми объяснял все это мистеру Конуэю Лиссу. Он также рассказал, что мистер Хеггенхагел всегда привозил Намми домой вместе с его покупками и помогал ему раскладывать еду: одно – в морозильную камеру, другое – в холодильник. Он упомянул и свои любимые блюда, корн-доги с сырным соусом, холодные сэндвичи с сыром и горячей горчицей и тонко нарезанный ростбиф из кулинарии мистера Хеггенхагела.

– Потрясающе, – мистер Лисс собрал со стола деньги. – Если б о твоей жизни сняли телефильм, он бы стал колоссальным хитом, такой трогательный, такой обаятельный.

– Я не хочу быть в телевизоре, – ответил Намми. – Мне нравится смотреть телевизор, но в нем будет слишком шумно. Большинство программ такие шумные, поэтому я приглушаю звук.

– Знаешь, если тебя не покажут, зрители много потеряют. Это будет трагедией. Значит, я должен тебе тридцать восемь долларов.

– Нет, сэр, это неправильно. Вы должны мне три пятерки, десять купюр по одному доллару, еще десять купюр по одному доллару и еще три купюры по одному доллару.

Мистер Лисс погрозил Намми длинным узловатым пальцем.

– Ты умнее, чем прикидываешься, мерзавец. Никто не сможет пустить тебе пыль в глаза.

– Пыль я не люблю. От нее все чешется.

Мистер Лисс оглядел Намми с головы до ног.

– В твоём шкафу подходящей мне одежды не найти. Брюки будут на шесть дюймов короче, а в поясе – в полтора раза шире, чем требуется. Я буду даже больше похож на клоуна, чем в оранжевом.

– Вы не похожи на клоуна, – заверил его Намми. – Люди улыбаются, когда смотрят на клоунов.

– Твоя бабушка когда-нибудь носила брюки?

– Иногда носила.

– Она была старой толстой колодой или, наоборот, усохла к старости? Может, мне подойдут ее брюки.

– Нет, сэр. Всегда чувствовалось, что она большая, но, если посмотреть, становилось ясно, какая же она миниатюрная. И ростом меньше меня.

Мистер Лисс какое-то время оставался спокойным, но долго пребывать в таком состоянии, конечно же, не мог. Закружил по кухне, как животное иной раз вдруг начинает кружить по клетке. Указал на настенные часы.

– Ты знаешь, что такое время, Персиковое варенье? Знаешь, как его измеряют? Можешь сказать, который час?

– Я знаю часы и полчаса. И десять минут от каждого. Но мне не нравятся средние десять минут между часом и получасом. Средние десять минут меня путают.

Мистер Лисс потряс сначала одним кулаком, потом другим.

– Я скажу тебе, сколько сейчас времени, тупоголовый кретин. На четверть часа *позже*, чем нужно. Они приедут сюда за тобой, за нами, – он протянул руки, схватил Намми за свитер, вновь сжал пальцы в кулаки, принялся трясти Намми, крича: – Мне нужны штаны! Мне нужна рубашка, свитер, какая-нибудь куртка без полицейской нашивки! Ты знаешь, где такой тощий человек, как я, может найти себе подходящую одежду?

– Да, сэр, – ответил Намми после того, как мистер Лисс перестал его трясти и прижал к кухонному столу. – После инсульта Бедный Фред сильно похудел. Стал похож на пугало.

– Кто? Какой Фред? – спросил мистер Лисс, словно раньше они и не говорили о Бедном Фреде.

– Бедный Фред Лапьер, – объяснил Намми. – Муж миссис Труди Лапьер из соседнего дома.

– Той Труди, которая наняла тебя, чтобы убить его?

– Нет, сэр. Она не нанимала меня. Она пыталась нанять мистера Боба Пайна.

Мистер Лисс ударил кулаком в открытую ладонь другой руки и продолжал ударять, пока говорил:

– Не похожа она на великодушную женщину, которая может отдать что-то из одежды мужа бедному страннику, попавшему в полосу невезения. По мне, *она та еще стерва!*

– Как я и говорил вам, миссис Труди Лапьер ушла и никто не знает куда. Они говорят, что она сбежала, но она взяла с собой автомобиль, поэтому я думаю, что они ошибаются, и она уехала. А Бедный Фред сейчас в Медвежьем пансионате, он может есть только кашу и наполовину загипсован.

Покраснев, как помидор, ощерив черные зубы, мистер Лисс принялся стучать кулаками по кухонному столу. Стучал и стучал, напоминая Намми сердитого младенца, да только мистер Лисс был стариком и выглядел так, будто способен кого-нибудь убить, чего младенец сделать никак не мог.

– Ты можешь не нести чушь, безмозглый козел? *Мне нужны штаны!* Посмотри на часы. *Посмотри на часы!*

Мистер Лисс поднял костлявый кулак, словно хотел ударить Намми. Намми зажмурился и закрыл лицо руками, но удара не последовало.

Через какое-то время мистер Лисс спросил уже более спокойным голосом: «Что, черт побери, ты хотел мне сказать?»

Намми открыл глаза и посмотрел на старика сквозь растопыренные пальцы. Потом нерешительно опустил руки.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы навести в мыслях порядок.

– Перед тем, как скрыться от всех в автомобиле, миссис Труди Лапьер сломала Бедному Фреду правую руку и правую ногу каминной кочергой. Потом взяла его искусственные зубы и раздавила их ногой. Сейчас Бедный Фред в пансионате для инвалидов на Медвежьей улице, правая сторона его тела в гипсе, и есть он может только кашу.

– Бедного Фреда следовало звать Глупым Фредом, раз уж он женился на психопатке! – фыркнул мистер Лисс. – И почему половина названий улиц в этом городе как-то связана с медведями?

– Потому что в окрестностях много медведей, – объяснил Намми.

– То есть, ты говоришь мне, что в соседнем доме никого нет, в доме Лапьеров. Мы можем пойти туда и взять какую-то одежду.

– Одолжить у них какую-то одежду, – поправил его Намми. – Вы же не хотите воровать.

– Разумеется, не хочу, и когда одежда мне станет не нужна, я отдам ее в химчистку, поглажу и пришлю обратно по почте, с благодарственной

открыткой.

– И это будет мило.

– Да, это будет очень мило. А теперь давай уберемся отсюда до того, как эти чудовища появятся в твоём доме и сделают с нами то же самое, что сделали с людьми в тюрьме.

Намми пытался выбросить из головы то, что проделывали с людьми в соседней камере, но такое легко не забывалось, в отличие, скажем, от Рождества, о котором он вспоминал, лишь когда люди начинали вновь украшать дома и ставить елки. Едва мистер Лисс об этом упомянул, Намми все увидел мысленным взором, да так ясно, что его чуть не стошнило.

Они вышли через дверь кухни. Намми запер дверь и положил ключ в тайник под ковриком, и они пошли к соседнему дому, который находился на расстоянии пятидесяти или шестидесяти футов, потому что каждый дом окружал свой участок земли. Бабушка всегда говорила, что хорошо иметь участок земли, какими бы хорошими ни были соседи, а в случае миссис Труди Лапьер бабушка полагала, что это вдвойне хорошо.

Лапьеры жили в одноэтажном доме. На заднем крыльце ступени заменял пандус, поэтому Бедный Фред мог выезжать из дома и заезжать в него на своем инвалидном кресле.

Намми заглянул под коврик, но ключа не нашёл. Но значения это не имело, поскольку у мистера Лисса оставались шесть стальных отмычек, и лежали они в кармане куртки, а не в заднице, поэтому он сразу взялся за дело. За домом двор переходил в лес, так что никто их увидеть не мог. С замком мистер Лисс справился быстро.

Штор и занавесок в доме не было. Миссис Труди Лапьер говорила, что на них оседает пыль, вызывающая у нее аллергию. Их на каждом окне заменяли выкрашенные белой краской деревянные жалюзи, практически полностью закрытые, поэтому в комнатах царил сумрак.

Бабушка считала, что аллергия миссис Труди Лапьер такая же выдумка, как и ее история о том, будто в восемнадцать лет она выиграла титул «Мисс Айдахо», а шторы она заменила на жалюзи для того, чтобы упростить себе слежку за соседями, за которыми она наблюдала в бинокль.

В чужом доме Намми чувствовал себя не в своей тарелке, а мистер Лисс – как рыба в воде. Где требовалось, включал свет и быстро нашел спальню Бедного Фреда, которая сильно отличалась от спальни миссис Труди.

Мистер Лисс рылся в ящиках комода в поисках свитера, когда на улице автомобиль резко, в визге покрышек, обогнул угол и, ревя двигателем, проскочил мимо дома. За первым автомобилем на такой же большой

скорости из-за угла появился второй. Мистер Лисс подошел к окну, которое выходило на север, и пошире раскрыл жалюзи. Когда скрипнули тормоза одного автомобиля, а потом и второго, взял со стула бинокль и поднес к глазам.

Намми тоже хотел получить доступ к окну, пока мистер Лисс не выплюнул одно слово: «Копы». Намми замутило и подходить к окну разом расхотелось.

– Два автомобиля, четверо копов, – продолжил мистер Лисс. – Разумеется, автомобили – просто автомобили, а вот копы гораздо хуже, чем просто копы. Двое поднимаются на переднее крыльцо, двое идут к заднему. Ставлю тридцать восемь долларов, они найдут спрятанный тобой ключ.

– Делать ставки нехорошо. А если они придут сюда?

– Они не придут.

– А если придут?

– Тогда мы покойники.

Глава 32

Двое сотрудников муниципалитета прибыли на автофургоне, в кузове которого лежали строительные материалы и инструменты, необходимые для переделки амбара, построенного в глубине участка Поттеров.

Новый мэр Эрскин Поттер руководил подготовкой ресторана «Пикинг энд грининг роудхаус» к ежемесячной семейной встрече Рыцарей небес, которой предстояло стать последней. Нэнси и Ариэль открыли большие ворота амбара, автофургон въехал внутрь. Ворота закрылись.

Все знали, что нужно делать, поэтому они вчетвером принялись за работу, не теряя ни секунды. Нэнси и Ариэль нарезали квадраты из рулонов изоляции, а потом липкой лентой закрепляли их на стеклянных панелях. Мужчины шли следом, закрывали окна фанерными листами и шурупами приворачивали их к оконным коробкам.

Лошадей, которые стояли в стойлах у северной стены, вой электрической дрели не тревожил. Поверх калиток, ведущих в стойла, все три с интересом наблюдали за переоборудованием амбара.

После того, как дневной свет отсекли, освещение целиком и полностью обеспечивалось двенадцатью лампами под медными колпаками, которые висели на цепях, прикрепленных к потолочным балкам.

В двух из трех пустых стойл у южной стены амбара стены и двери укрепляли восьмидюймовыми стальными пластинами, которые фиксировались шурупами с квадратной, под ключ, головкой. Простенькие щеколды заменялись крепкими засовами, по два на каждую дверь, снизу и сверху.

Пока мужчины меняли замки на воротах сарая, Ариэль подошла к стойлам с лошадьми с маленьким пакетом яблок. Ножом порезала два на четвертинки и по одной скормила их Куини, красивой гнедой кобыле. Два яблока, также порезанные на четвертинки, достались Валентине, а потом, с тремя оставшимися яблоками, она подошла к жеребцу.

И пока Командор, крепкий, мощный, тоже гнедой, но с более светлыми гривой и хвостом, ел, кобылы выглядывали из своих стойл и вроде бы одобритительно кивали.

– Мы будем быстрыми, – шептала Ариэль Командору, – быстрее самого быстрого ветра.

Он встретился с ней взглядом, жуя четвертинки яблок, раскусывая их большими квадратными зубами.

– Мы не будем спать, – продолжала Ариэль, – мы помчимся по холмам, полям, лестным тропам.

Ноздри Командора раздулись, он всхрапнул. Одним копытом ударил в калитку стойла.

Его размеры завораживали Ариэль – такой большой, такой сильный.

Командор дожевал последнюю четвертинку третьего яблока.

– Мы пойдем, куда захотим, и будем преследовать их, и ничто не сможет нас остановить, – она протянула руку и погладила лоб жеребца. Поиграла пальцами со светлой прядью, которая падала с головы. – Мы убьем всех. Их всех. Всех до последнего.

Глава 33

«Как сильно они меня ненавидели».

Палата 318. Мальчик сидел на кровати. Брюс Уокер тревожно вышагивал взад-вперед.

«Как сильно они меня ненавидели».

Если чуть раньше Брюс склонялся к тому, чтобы отвести свои подозрения относительно больницы и медицинского персонала (в больнице творится что-то странное, а персонал с прошлой ночи резко потерял квалификацию), то разговор с юным Тревисом Ахерном окончательно убедил его, что для подозрений есть веские основания.

Две медсестры стояли у кровати мальчика в темноте, молча, не выполняя положенных медсестрам обязанностей, просто смотрели на него... смотрели... и – по его словам – *в их взглядах читалась ненависть*. Характер этого происшествия настолько соответствовал впечатлениям Брюса от нынешнего утра, что он и Тревис сразу же стали союзниками и заговорщиками.

Если здесь творилось что-то странное, если в воздухе действительно висела угроза, он чувствовал свою ответственность за судьбу мальчика. А потому ему требовалось знать, что привело Тревиса в больницу.

Согласно подробным записям в медицинской карте и рассказу его юного друга, Тревиса Ахерна привезли в больницу по причине анафилактического шока, аллергической реакции такой силы, что раздувшиеся ткани языка, глотки и дыхательных путей практически не пропускали в легкие воздух. Давление крови так сильно упало, что мальчик потерял сознание. Инъекции эпинефрина^[17] спасли ему жизнь.

Поскольку в Рейнбоу-Фоллс аллерголога не было, семейный врач Ахернов, Кевин Флинн, отправил мальчика в больницу, а на следующий день сделал внутрикожные пробы: ввел минимальные дозы аллергенов под кожу на спине Тревиса. Только клубника и кошачья перхоть дали положительную реакцию, да и то относительно слабую. Доктор Флинн назначил еще одну серию проб на вторую половину дня.

Но еще до возвращения врача анафилактический шок повторился, с той же силой, что и в первой раз. Тревис мог бы умереть, если бы уже не находился в больнице.

Мальчика немедленно посадили на диету из тех продуктов, на которые у него не было реакции в первой серии проб, а вторую перенесли на

следующий день. Ленч, который он съел до проведения внутрикожных проб, состоял исключительно из безопасных для него продуктов, и тем не менее анафилактический шок случился и в третий раз, причем этот приступ был самым сильным. На этот раз его оживляли с помощью эпинефрина и антигистаминных препаратов. Первое время он не очень-то понимал, где он и что с ним, а потом опухшие глаза несколько часов не могли открыться.

Встревоженный частотой приступов, доктор Флинн предположил, каким бы невероятным это ни казалось, что причину аллергической реакции следует искать в воде, которую пил мальчик. Каждый день Тревис выпивал от восьми до десяти стаканов воды, которую наливали из крана.

Графин, который стоял у него на тумбочке, унесли, воду из него вылили, заменив апельсиновым соком. Ледяные кубики готовили для Тревиса специально, из бутилированной воды. После этого новых приступов не было.

Воду направили в лабораторию на химический и минералогический анализы. Первичная очистка в городском водопроводе проводилась хлором. Его содержание было слишком низким, чтобы вызвать анафилактический шок, но статистика показывала, что в очень редких случаях хватало и этой малости. Доктор Флинн собирался сделать кожную пробу на хлор двумя часами раньше, но в палате Тревиса он так и не появился.

– Как только они узнают, на что у меня аллергия, что мне нельзя есть и пить, я смогу идти домой, – сказал Тревис. – И мне действительно хочется домой.

Грейс Ахерн, в одиночку растившая сына, приходила в больницу по вечерам. Единственным источником дохода в их семье было ее жалованье, Грейс боялась потерять работу и не могла навестить его днем. Но утром и примерно в полдень они обязательно перезванивались.

– Только сегодня мама не позвонила, – Тревис хмурился. – Когда я позвонил домой, то услышал наш автоответчик. Когда позвонил на работу, мне тоже предложили оставить сообщение, то есть она, наверное, там.

– А где она работает?

– В «Мериуитер Льюис».

– В начальной школе?

– Да. Она диетолог и шеф-повар. Она действительно очень хорошо готовит.

– Я позвоню в службу информации, возьму у них номер секретаря в «Мериуитер» и попрошу найти твою маму.

Тревис просиял.

– Буду вам очень признателен.

Брюс снял трубку со стоящего на тумбочке телефонного аппарата. Но вместо длинного гудка услышал записанный женский голос, такой слащавый, что его передернуло: *«Телефонная связь временно не работает. Пожалуйста, позвоните позже. Благодарим вас за понимание».*

Глава 34

После того, как Карсон позвонила Эрике Пятой, Девкалион встал из-за стола и пересадил Скаут на руки ее дяди Арни. Повернулся к Карсон и Майку.

– Соберите все, что вам нужно, и побыстрее. Я буду ждать у вашего автомобиля.

– Думаю, что нам понадобится, так это оружие, – ответил Майкл.

– И большого калибра, – добавила Карсон. Но как мы полетим в Рейнбоу-Фоллс? С оружием нас в самолет не пустят.

– Услугами пассажирской авиакомпании нам пользоваться не придется, – ответил Девкалион. – Проверки багажа не будет.

– Чартерный рейс? Ты можешь это устроить?

– Приходите в гараж как можно быстрее.

Не воспользовавшись дверью, коридором или лестницей, Девкалион вышел из кабинета, вероятно, в их гараж.

Майкл вздохнул.

– Жаль, что я не родился с интуитивным пониманием квантовой структуры мира.

– Я была бы счастлива, если бы ты понимал, как пользоваться стиральной машиной и сушилкой.

– А чего ты хочешь, если их изготавливают совершенно одинаковыми?

– Бедный механик рыдал.

– Он смеялся, – поправил ее Майкл.

– Он смеялся и рыдал, – уточнил Арни. – Когда соберетесь, мы со Скаут будем на кухне с миссис Долан.

Когда Арни выносил Скаут из кабинета, малышка изрекла: «Га-га-ва-ва-га-га-ба-ба».

– Она умница, – прокомментировал Майкл.

Наверху они уложили вещи и туалетные принадлежности в две маленькие сумки, оружие и боеприпасы – в два больших чемодана.

– Как я это ненавижу! – вырвалась у Карсон.

– Да ладно, повеселимся, – ответил Майкл.

– Никто за свою жизнь не должен убивать Виктора Франкенштейна дважды. И я просто не могу поверить тому, что сама и сказала.

– Могло быть хуже.

– Это как?

– Куда сейчас ни помотришь, – кино, телевидение, книги – везде вампиры, вампиры, вампиры. Бр-р-р-р. Будь это вампиры, я бы прямо сейчас застрелился, и хрен с ней, с этой Монтаной.

– Может, нам прямо сейчас так и сказать, хрен с ней, с этой Монтаной?

– И застрелиться? – уточнил Майкл.

– Нет, не стреляться.

– Знаешь, дело не только в Монтане.

– Знаю. Знаю, что не только.

– Дело в Скаут.

– Нежной, маленькой Скаут. И в Арни.

– И в миссис Долан, – добавил Майкл.

– Миссис Долан это касается только в малой степени.

– Пусть в малой, но касается.

– Пожалуй, – согласилась Карсон.

– И не надо забывать про будущее человеческой цивилизации.

– Слушай, не грузи меня этим.

– По крайней мере мы знаем, что сражаемся за правое дело.

– Возможно, насчет этого присяжные решения еще не вынесли.

Майкл защелкнул замки большого чемодана.

– У меня нет теплой одежды для Монтаны.

– Куртки, сапоги, все остальное купим там.

– Надеюсь, мне не придется носить ковбойскую шляпу.

– А чем плоха ковбойская шляпа?

– Если я ее надену, люди подумают, что я с приветом.

– В ней ты будешь выглядеть восхитительно.

– Восхитительно, ага. Как в кино, где мы обнимаемся, целуемся всасос и занимаемся безумно страстной любовью.

– Только не в фильме о Франкенштейне.

С чемоданами они спустились вниз, оставили их в коридоре, вошли на кухню.

Мэри Маргарет уже поставила клецки на противень и посыпала их корицей, прежде чем задвинуть противень в духовку. Герцог внимательно следил за каждым движением няни.

– Должна я говорить, как это глупо, улетать в Монтану на новое расследование? – спросила Мэри Маргарет. – Тогда я скажу. Это крайне глупо, вы даже не поспали.

– Поспим в самолете, – ответила Карсон.

– И поспим на работе, – добавил Майкл.

Арни стоял у столика, раскатывал тесто для следующей порции

клеток.

– Все у вас будет хорошо. Я так и сказал Скаут. В конце концов, у вас всегда все получается.

В голосе звучала тревога.

Мэри Маргарет чутко улавливала настроение подростка.

– Так вы собираетесь сесть на очередной сук, а потом отпилить его, да?

– Сами мы ничего не пилим, – возразил Майкл. – Оставляем это добровольцам.

– Ты всегда шутишь, я знаю, но эта кроха в манеже – не шутка. Ей нужны и отец, и мать.

– Это всего лишь еще одно расследование, – заверил Майкл няню. – Мы не собираемся охотиться на вампиров.

Карсон хотела поднять Скаут и прижать к себе, но малышка крепко спала. Они с Майклом постояли у манежа, глядя на своего ребенка, и как им не хотелось уезжать. Скаут пукнула во сне.

Арни по-прежнему раскатывал тесто, и Карсон поняла, что ее брат не хочет, чтобы его обнимали или целовали на прощание. В глазах Арни стояли едва сдерживаемые слезы, и он прилагал все силы, чтобы они не потекли по щекам.

– Заботься о Скаут, – сказала она ему, и он кивнул.

Сжав руку Мэри Маргарет, Карсон поцеловала ее в щеку.

– Не знаю, что бы я без вас делала.

Прикусив нижнюю губу, Мэри Маргарет встретилась взглядом с Карсон, потом спросила:

– Это что-то другое, так, милая?

– Непыльная работенка для давнего друга, – заверила она няню.

– Ты врешь не лучше моих дочерей в те далекие дни, когда они еще пытались обмануть меня.

– Может, и так. Но монахиня из меня бы не вышла.

Вернувшись в коридор, прежде чем они с Майклом подхватили чемоданы, Карсон приникла к нему, обняла, положила голову на грудь. И он крепко прижал ее к себе.

– Скаут пукнула во сне, – через какое-то время Карсон нарушила тишину.

– Я слышал.

– Так мило.

– Точно, – согласился Майкл. – Очень мило.

Карсон больше ничего не сказала, и Майкл понимал, что слова

поддержки ей не нужны. Она хотела обнимать его, пока он обнимал ее, чтобы вместе пережить боль разлуки с малышкой.

Они одновременно поняли, что пора, разорвали объятье, подхватили чемоданы и пошли в гараж.

Девкалион уже открыл заднюю дверцу «Джипа-Чероки». Ждал у открытой водительской дверцы.

Они загрузили чемоданы в багажное отделение. Майкл захлопнул заднюю дверцу. Карсон подошла к Девкалиону.

– Я сяду за руль.

– На этот раз – нет.

– Я всегда вожу машину.

– Это точно, – кивнул Майкл. – Она всегда водит.

Девкалион сел за руль и захлопнул дверцу.

– Монстры, – Майкл пожал плечами. – Ничего не попишешь. Все делают по-своему, – и забрался на заднее сиденье.

Карсон выбрала переднее пассажирское. Девкалион горой возвышался рядом.

Он выехал из гаража, нажатием кнопки на пульте дистанционного управления опустил ворота, на улице повернул налево.

– Где частный аэропорт? – спросила Карсон. – Где мы найдем самолет?

– Ты все увидишь.

– Я удивлена, что ты сел за руль. При свете дня.

– Боковые стекла затемнены. В джипе меня не так-то легко разглядеть.

А кроме того, мы в Сан-Франциско, тут я не выгляжу необычным.

– Ты всегда едешь медленнее разрешенной скорости? – через пару кварталов спросила Карсон.

– Начинается, – донеслось с заднего сиденья.

– Не надо суетиться, – посоветовал ей Девкалион.

– Я не сучусь. Просто не привыкла ездить с двухсотлетними пожилыми гражданами, которые натягивают штаны до подмышек и думают, что двадцать миль в час – сумасшедшая скорость.

– Я не натягиваю штаны до подмышек и просто пытаюсь выбрать нужный момент для поворота.

– С твоим длинным черным пальто можно и ошибиться. Ты не знаешь, куда ехать? У нас есть навигатор. Я могу его включить.

– В автомобиле она всегда такая? – спросил Девкалион Майкла.

– Какая?

– Недружелюбная.

– Если она за рулем, то нет, – ответил Майкл. – Если она может вдавливать в пол педаль газа, проходить повороты на двух колесах, лавировать среди других автомобилей, словно на трассе слалома, она не только дружелюбная, но бурлит весельем, как только что открытая бутылка шампанского.

– Хочешь, чтобы я ввела адрес в навигатор? – гнула свое Карсон. – Назови адрес.

Глядя то налево, то направо, то назад, то вперед, Девкалион по-прежнему ехал с малой скоростью.

– То есть тебе важно быть за рулем, контролировать свою судьбу. И на подсознательном уровне ты, возможно, равняешь скорость – во всяком случае, пребывание в движении – с безопасностью.

– Я понимаю, что ты прожил достаточно долго, чтобы знать Зигмунда Фрейда, – ответила Карсон, – но полагаю, что работа его жизни – чушь собачья, поэтому давай обойдемся без психоанализа.

– Я просто ищу перекресток. Ага... вон он, впереди, и нам потребуется набрать скорость, не меньше пятидесяти семи миль в час, но и не больше пятидесяти девяти.

Джип рванулся вперед. Они домчались до конца квартала и повернули направо так резко, что двумя колесами заехали на тротуар, а потом съехали с него... но уже не в Сан-Франциско.

Они катили по сельской дороге среди золотистых лугов. Справа зеленели лесистые склоны предгорий. А уж за ними громоздились горы, гранитными вершинами уходя в серые облака.

– Монтана, – Девкалион съехал на обочину. – Хочешь сесть за руль, Карсон?

Она, похоже, не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– Интуитивное понимание квантовой структуры мира, – донеслось с заднего сиденья.

Девкалион заговорил, вероятно, думая, что его слова объяснят их чудесное перемещение:

– На самом фундаментальном уровне структуры материи Монтана так же близка к Сан-Франциско, как первая страница блокнота близка к двадцатой.

– Да, конечно, я поведу машину, – к Карсон вернулся дар речи.

Когда она выбралась из джипа, ей пришлось на мгновение привалиться к борту, потому что ноги дрожали, а колени подгибались.

Она несколько раз медленно и глубоко вдохнула. И таким чистым воздухом, наверное, не дышала никогда. Он унес с собой усталость,

вызванную ночными бдениями и предрассветной схваткой с Чангом.

В двадцати ярдах к северу на лугу паслось стадо оленей, несколько десятков. Самцы весили фунтов по тысяче, а то и больше. Их головы украшали массивные рога, поднимающиеся четырехфутовыми коронами. Родившееся летом оленята, конечно же, подросли, но держались рядом с матерями.

Скаут и Арни находились от Карсон чуть ли не в тысяче миль, но при этом она чувствовала, что расстояние до них не больше, чем от каждого олененка до его матери. И речь шла не о том, что они оставались в ее сердце. Без помощи Девкалиона Карсон не могла оказаться рядом с ними в один шаг или с одним поворотом колеса «Джипа-Чероки», но ее радовало, что самое дальнее место на карте каким-то образом ничуть не дальше соседнего дома. Удивительные загадки этого мира служили доказательством того, что ее жизнь и действия имели значение, потому что тайна – мать смысла.

Водительская дверца открылась, Девкалион вышел из джипа. Обратился к Карсон поверх крыши:

– Я ввел адрес Эрики в навигатор. Она живет в пяти милях езды на запад. Рейнбоу-Фоллс еще в четырех милях от ее дома.

Он открыл левую заднюю дверцу джипа и занял заднее сиденье, тогда как Майкл открыл правую дверцу и вышел из салона.

Карсон обошла джип спереди, села за руль, захлопнула дверцу.

Майкл занял привычное место на переднем пассажирском сиденьи.

– Так-то лучше.

– Само собой, – хмыкнула Карсон.

– Знаете, это странно, я не спал всю ночь, но внезапно почувствовал себя отдохнувшим и бодрым.

– Я тоже, – Карсон тронула джип с места, выехала на асфальт. – Думаю, причина в монтанском воздухе. Он такой чистый.

– Монтанский воздух тут ни при чем, – откликнулся с заднего сиденья Девкалион. – Вы хорошо отдохнули, пока мы добирались сюда из Сан-Франциско.

– Но ведь вся дорога не заняла и двух секунд, – удивился Майк. – Да я и не спал.

Девкалион наклонился вперед, чтобы объяснить.

– На субъективном уровне наших пяти чувств стрела времени всегда движется вперед, но на квантовом уровне у стрелы времени нет определенного направления, и ее полет можно приспособить для каких-то целей. Мы не можем вернуться в прошлое, чтобы воздействовать на

будущее, но мы можем путешествовать сквозь прошлое на пути в будущее.

– Нам необязательно это понимать, – вставила Карсон.

– Что же касается нашего путешествия в Монтану... – продолжил Девкалион, – ...давайте представим себе, что стрела времени полетела по кругу, сначала вернулась на несколько часов в прошлое, а потом в будущее, к мигу нашего отбытия из Сан-Франциско, одновременно переместив нас почти на тысячу миль в пространстве. Вы не подозреваете о тех часах, которые заняло путешествие в прошлое и будущее, потому что мы прибыли в тот самый момент, когда и отбыли. И пусть на субъективном уровне время для вас не изменилось, это путешествие по кругу эквивалентно нескольким часам крепкого сна.

Карсон заговорила лишь после долгой паузы.

– Я бы предпочла думать, что все дело в свежем воздухе Монтаны.

– Я тоже, – согласился Майкл.

– Ты не возражаешь? – спросила Карсон Девкалиона.

– Если вам так проще.

– Да, – кивнула Карсон. – Нам так проще.

Майкл глубоко вдохнул и выдохнул.

– Такой чистый, что аж хрустит.

И тут же раздался бодрый женский голос навигатора:

– Через две и семь десятых мили вам нужно повернуть направо.

Глава 35

Ленч очень уж задержали. Санитар и медсестра, которые принесли подносы с едой, не извинились и не стали ничего объяснять.

Убедив главную медсестру смены, Дорис Мейкпис, что он – дядя матери Тревиса Ахерна (конечно же, солгал), Брюс Уокер получил ленч в палате мальчика.

Еда удовольствия не доставила. Суп оказался чуть теплым, хотя и принесли его в термоизолированной тарелке под крышкой. Ни Брюс, ни Тревис особого аппетита не выказали.

Каждые пятнадцать минут Брюс пытался позвонить матери Тревиса в начальную школу «Мериуитер Льюис», но всякий раз записанный голос говорил ему, что телефоны больницы временно не работают.

Вышедшие из строя телефоны, отобранный «Блэкберри», необычное поведение и отношение персонала, голоса из вентиляционных коллекторов указывали на то, что в Мемориальной больнице творится что-то неладное, возможно, реализуется некий заговор, сопряженный с насилием, как с уже совершенным, так и с грядущим.

Но при этом Брюс не мог представить себе, что весь персонал больницы ополчился на пациентов (многие из них жили по соседству с сотрудниками), не понимал, чем вызваны личностные изменения в тех сотрудниках, которых знал много лет. Не мог объяснить, каким образом у мирных людей могла столь внезапно появиться склонность к бессмысленному насилию.

Услышав рассказ Брюса о голосах в вентиляционном коробе, Тревис даже не стал гадать, в чем причина: он и так знал ответ. Продукт современной культуры, видевший десятки научно-фантастических фильмов и прочитавший сотни комиксов, он не испытывал ни малейших сомнений в том, что Рейнбоу-Фоллс захватили пришельцы, инопланетяне, маскирующиеся под человеческих существ, которых они убивали и подменяли собой.

Брюс воспитывался совсем не на тех историях, к которым обращался Тревис. Всю жизнь он читал – и писал – вестерны, в которых добро и зло представляли человеческие существа, где храбрость и убежденность в собственной правоте помогали преодолевать опасности и трудности. Вестерны научили его любить малую родину, дом, семью, правду, научили жить по совести. Этот жанр не подготовил его ко встрече с

трансформерами, целью которых являлось уничтожение человечества. Более того, в вестернах не было даже намека на существование такой угрозы.

И хотя сам он не мог предложить хоть какую-то правдоподобную версию, фантастическую гипотезу он не принял, пусть даже и сделал вид, что серьезно ее рассматривает. Глядя в окна, на крыши домов, заросшие лесом склоны, горные вершины, он не мог поверить, что в штате Сокровищ приземлилась летающая тарелка. И сомневался, что она когда-нибудь здесь приземлится.

Он повернулся к мальчику.

– Мне нужно лучше с этим разобраться, посмотреть, что еще изменилось, поговорить с одним или двумя пациентами, выяснить, может, и им есть что рассказать.

Сидящий на кровати Тревис выпрямил спину, прижал кулаки с груди.

– Не оставляйте меня здесь, – признание, что он боится, смущало его; в девять лет он считал себя почти взрослым.

– Я тебя не оставлю, – заверил его Брюс. – Я скоро вернусь. Просто должен обследовать территорию.

Черноты в облаках поубавилось, но солнце все еще не могло их пробить, так что его лучи не проникали в палату, чтобы разогнать сумрак. А в холодном свете лампочек, сберегающих электроэнергию, все казалось плоским и безрадостным.

В отсутствие солнечного света лицо мальчика выглядело молочно-белым, под глазами темнели мешки. Припухлость, вызванная последним анафилактическим шоком, полностью еще не прошла.

– Территорию мы можем обследовать вместе, – заметил он.

– Нет, сынок, так не пойдет, – Брюс покачал головой. – В одиночку я – заскучавший одинокий старик, которому не сидится на месте и хочется почесать языком. Вдвоем мы будем выглядеть подозрительной парой, которая пытается выведать какие-то секреты. И если твои страхи оправданы, тогда нам меньше всего нужно, чтобы они нас в чем-либо заподозрили.

Тревис обдумал его слова, кивнул.

– Только не задерживайтесь.

– Не буду.

– А когда вы вернетесь...

– Обязательно вернусь.

– ...как я узнаю, что это вы?

– Это буду я, Тревис. Не волнуйся.

– Но как я пойму?

– Ты же понял, что я настоящий, когда я заглянул в твою палату. Поймешь и в следующий раз.

Брюс направился к двери. Оглянулся на Тревиса и протянул к нему руки с поднятыми вверх оттопыренными большими пальцами.

Мальчик не ответил тем же. Лицо его оставалось угрюмым.

Глава 36

Мистер Лисс добрых две минуты простоял у окна в доме Лапьеров, глядя в бинокль на дом Намми, прежде чем сказал: «Обе патрульные машины уезжают, но в каждой теперь только по одному копу. Двое остались в твоём доме».

– А что им нужно в моём доме? – удивился Намми.

– Им нужен ты, Персиковое варенье. Они хотят увезти тебя в тюрьму и бросить в камеру к тому чудовищу, чтобы оно тебя сожрало.

– Это же несправедливо. Я им ничего не сделал.

Мистер Лисс отвернулся от окна, отложил бинокль в сторону.

– Дело не в том, что ты сделал, а в том, что ты видел. Они не могут оставить тебя на свободе после того, как ты увидел, что происходило в той камере.

– Я не знаю, что я видел. С людьми происходило что-то ужасное, отвратительное, но я никому ничего не смогу рассказать, потому что не знаю, как это сказать. И потом, мне все равно никто не поверит, потому что я, сами знаете, тупица.

– Есть у меня подозрения, что так оно и есть, – мистер Лисс вернулся к комоду, чтобы выбрать свитер.

Намми присел на край кровати Бедного Фреда.

– Я все время вижу ту женщину.

– Какую женщину?

– Которая тянула руки сквозь прутья решетки, спрашивала, могу ли я ее спасти. Мне грустно оттого, что я не смог.

– Ты – тупица. Тупицы недостаточно умны, чтобы спасти людей. Из-за этого не волнуйся.

– Вы не тупица.

– Я нет. Но я тоже не мог ее спасти. Я плохой человек. Самый худший из всех плохих. Плохиши людей не спасают, – он отвернулся от комода, держа в руках красный свитер с оранжевыми и синими полосками. – Что скажешь об этом?

– Очень уж яркий, сэр.

– Ты прав. Незачем мне привлекать к себе внимание, – он бросил свитер на пол.

– Почему вы плохой человек? – спросил Намми.

– Потому что только в этом я и хорош, – ответил мистер Лисс,

сбрасывая на пол другую одежду.

- И как вы этого добились?
- Природный талант.
- Вся ваша семья – плохие люди?

Мистер Лисс показал ему светло-коричневый свитер с более темными, тоже коричневыми ромбами.

- Думаешь, в этом я буду смотреться неплохо?
- Я же сказал вам, что не могу лгать.

Мистер Лисс хмурился, глядя на свитер.

- А что с ним не так?
- С ним все хорошо.
- Понимаю. Ты говоришь, я урод и буду выглядеть ужасно, что на меня

ни надень.

- Я не хочу такого говорить.

Мистер Лисс положил свитер на стул. Из стенного шкафа взял брюки цвета хаки. Положил рядом со свитером.

- Что нам делать теперь? – спросил Намми.

Старик уже доставал из комода носки и нижнее белье.

– Если мы выйдем через парадную дверь или дверь черного хода, есть риск, что нас заметит кто-то из копов, засевших в твоём доме. Поэтому мы вылезем через окно, чтобы этот дом оставался между нами и этими убийцами, или будем дожидаться темноты.

- А как же Норман?

– Я все еще думаю о тебе. Нет смысла брать тебя с собой, но я думаю.

Так что не дави на меня.

- Я про мою собаку, Нормана.
- О нем не волнуйся. У него все хорошо.
- Он с ними один.

– А что они могут с ним сделать? Отвезти в кутузку и отравить газом?

Он – игрушечная собака. Ты, конечно, тупица, но не до такой же степени.

- Извините.

– Перестань извиняться, надоело. За что тебе извиняться? Лучше скажи мне... я воняю?

- Это нехорошо, указывать людям на их недостатки.
- Не крути мне яйца. Говори прямо. Я воняю?
- Некоторым людям может понравиться идущий от вас запах.
- Что? Каким людям? Каким, на хрен, людям, может понравиться, как от меня пахнет?

– Вам, наверное, нравится. Вот и другим людям таким, как вы, должно

нравиться.

Мистер Лисс собрал отобранную одежду.

– Я собираюсь принять душ перед тем, как переоденусь. И не пытайся меня отговаривать.

Намми последовал за стариком в коридор, до двери в ванную комнату.

– А если позвонят в дверь, когда вы будете мыться?

– К двери не подходи.

– А если зазвонит телефон?

– Трубку не снимай.

– А если вернется миссис Труди Лапьер?

– Она не вернется.

– А если?..

Мистер Лисс повернулся к Намми, лицо его перекошилось, превратившись в лицо самого худшего из всех плохих людей.

– Отстань от меня. Держись подальше от окон, сядь где-нибудь и не поднимай своего зада, пока я не скажу тебе, что делать дальше, безмозглый, никчемный, тупорылый, плоскостопый дебил!

Старик переступил порог и захлопнул за собой дверь ванной комнаты.

Намми еще постоял, уже собрался задать еще пару вопросов через дверь, но потом решил, что эта идея не из лучших.

Прошел на кухню, покружил по ней, разглядывая, где что.

Напомнил себе: *«Торопливость – это беда. Никогда никуда и нигде не спеши. Подумай дважды, прежде чем что-то сделать, и все у тебя получится».*

Телефон не зазвонил.

Никто не позвонил в дверь.

Миссис Труди Лапьер не вернулась.

Глава 37

Когда Брюс вышел из палаты 318, сестринский пост пустовал. Спиной к нему Дорис Мейкпис направлялась к дальнему концу коридора и исчезла в одной из палат.

Он не видел ни других сестер, ни санитаров, ни кого-либо из технических работников. Даже для больницы длинный коридор показался ему неестественно тихим. *Особенно для больницы.* Создавалось ощущение, что персонала катастрофически не хватает, и оставшиеся сотрудники просто нарасхват.

Брюс воспользовался моментом, чтобы незамеченным прошмыгнуть на лестницу. Он хотел проверить нижние этажи, узнать, везде ли ситуация одинакова.

Здание напоминала букву «П», только длиной поперечина равнялась стойкам. Корпус-поперечину построили по направлению юг-север, стойки – восток-запад. В поперечине лестница по центру соседствовала с лифтами, стойки располагали лишь лестницами. Холл в южном углу здания был ближе, и Брюс направился к нему.

Проходя мимо широко раскрытых дверей палат, поглядывал на пациентов. Очень многие спали. Телевизоры работали лишь в считанных палатах. Он увидел пару посетителей, которые сидели у кроватей, дожидаясь, когда же пациенты проснутся.

«Следовало сказать мальчику, что нельзя пить таблетку, которую может принести медсестра, – подумал Брюс. – Ее надо сунуть под язык и выплюнуть, как только за медсестрой закроется дверь».

Через южный холл он перешел в другой коридор, по нему добрался до лестницы и спустился еще на два пролета на первый этаж.

Здесь находился вестибюль с маленьким магазинчиком, лаборатории, операционные, а также несколько дополнительных палат.

Брюс приоткрыл дверь в коридор. Как он и помнил, перед ним было техническое крыло, где проводились томографические, рентгеновские и прочие специальные обследования. По действующим в больнице правилам, пациент мог попасть сюда только на инвалидном кресле, в котором его прикатывал из палаты кто-то из сотрудников.

Если бы его застали в техническом крыле, то обязательно препроводили бы в палату. Поэтому сначала Брюс решил обследовать самый нижний этаж – подвал. Голоса, которые он слышал в

вентиляционном коллекторе, доносились издалека, даже из-за пределов подвала, но определенно их источник находился ниже первого этажа.

Брюс плотно закрыл дверь и спустился еще на два пролета, к двери, ведущей в подвал. На двери висела та же табличка, что и на других дверях, выходящих на эту лестницу: «ЭТОТ ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД ДОЛЖЕН ВСЕГДА ОСТАВАТЬСЯ НЕЗАПЕРТЫМ», – но дверь не открылась. Он вновь подергал за ручку, с тем же результатом.

И тут он услышал, как кто-то вставляет ключ в замок.

С быстротой зайца, внезапно увидевшего перед собой волка, Брюс развернулся и взлетел по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Как только миновал один пролет и скрылся из виду того, кто мог открыть дверь, скинул шлепанцы, потому что они громко шлепали по ступенькам, словно оправдывая свое название.

Когда нижняя дверь открывалась, Брюс продолжал подъем. Остановился только на площадке первого этажа, положил руку на ручку двери в коридор.

Он не слышал шагов поднимающегося по лестнице человека, но и не услышал стука закрывающейся двери. То есть она оставалась открытой.

Тот, кто приказал запереть ее, нарушая при этом действующие в больнице правила, не доверял только замку: у двери выставили охрану.

Брюс затаил дыхание, прислушиваясь к охраннику, который, вероятно, прислушивался к шорохам на лестнице.

Откуда-то из подвала донесся приглушенный крик, такой же жалобный и отчаянный, как те, что поднимались по вентиляционному коробу.

Дверь у подножия лестницы мгновенно захлопнулась, оборвав этот крик.

Брюс не знал, вернулся ли охранник в подвал или остался по эту сторону двери. Он не решался шевельнуться: а вдруг кто-то все еще прислушивается к шорохам на лестнице.

Гулкие удары сердца, пусть и доносящиеся изнутри, мешали улавливать те звуки, что могли доноситься снизу. Он сосредоточился на площадке между двумя лестничными пролетами, ведущими в подвал, ожидая появления движущейся тени, руки на перилах. Бетонный пол холодил голые ноги.

Глава 38

Пациент Брайан Мердок из палаты 208 увидел нечто такое, чего видеть ему не полагалось, подслушал нечто такое, чего слышать ему не следовало. Никто не мог сказать, что испугало его. Но испугало настолько, что он сменил пижаму на городскую одежду, в которой приехал в больницу, и попытался покинуть здание, не привлекая к себе внимания.

Медсестра Джинджер Ньюбери столкнулась с Мердоком, узнала его и сказала, что действующие в больнице правила не допускают самовольного ухода. Он оттолкнул ее, побежал, а она кликнула охрану.

Обычно охрана перекрывала не все выходы из больницы, и в прошлом Кори Уэббер, уборщик, не взял бы на себя обязанности охранника. Но времена изменились, и Мердок столкнулся с новым Кори Уэббером. Пусть одетым в тот же комбинезон уборщика, с ведром, шваброй и тележкой, на которой стояло и лежало все необходимое для уборки. Только к моющим средствам и рулонам туалетной бумаги добавился баллончик с перечным газом и дубинка. Кори делал вид, будто что-то там убирает, но на самом деле охранял коридор, входивший в который могли только сотрудники, чтобы через него никто не смог покинуть больницу. В коридор выходили двери столовой для персонала и комнаты отдыха медсестер, а вел он к двери, которая открывалась на стоянку, где оставляли автомобили сотрудники больницы.

Когда Брайан Мердок ворвался в коридор, преследуемый санитаром Воном Нордлингером, Кори Уэббер бросил швабру и схватил с тележки баллончик с перечным газом.

Мердок бежал не с пустыми руками, в каждой зажимал по тяжелому колесу, которые каким-то образом скрутил с ножек больничной кровати, и тут он бросил их, застав Кори врасплох. Одно колесико угодило ему в грудь, второе – в лицо, и Кори отлетел к стене.

В конце коридора Мердок распахнул дверь, которую не заперли, потому что только этой дверью и пользовались коммунары, выходя из больницы и заходя в нее в этот знаменательный день. Он выскочил на автомобильную стоянку, но на свободе оставался недолго, потому что Вон и Кори уже настигали его.

Вон сзади схватил Мердока за куртку и сильно дернул на себя, свалив с ног. Мердок крепко приложился к асфальту, но парень он был молодой и сильный, поэтому перекатился на живот, поднялся на четвереньки, а потом

кинулся на санитаря.

Тут в дело вступил Кори, он взмахнул дубинкой, целя в затылок Мердока. Удар пришелся по плечам, но его силы хватило, чтобы беглец отпустил Вона и повалился на асфальт.

Он уже собрался закричать, но Кори отреагировал наиболее эффективно, нанеся удар дубинкой по шее. Беглец попытался защитить шею руками, но Кори, стремясь не допустить криков, врезал от души, так что руки не спасли: с губ Мердока не сорвалось ни звука. Тут же другие коммунары окружили Мердока, и некоторые из них сдерживали Кори, хотя необходимости в этом не было. Кто-то попросил отдать дубинку, и, разумеется, Кори тут же ее отдал.

Только тут он понял, что Мердок мертв, и у него не только раздроблен кадык, но и разбито лицо. Кори Уэббер не помнил, что бил беглеца по лицу.

* * *

Дождаясь возвращения мистера Уокера, тревожась, что он может больше не увидеть старика, а если увидит, то уже ненастоящего мистера Уокера, Тревис Ахерн без устали кружил по палате. Время от времени снимал телефонную трубку, но связь так и не починили, или выглядывал в коридор, который оставался пустынным.

Он стоял у окна, когда мужчина выбежал из больницы, преследуемый двумя другими. Первый мужчина был в уличной одежде, тогда как один из преследователей – в униформе санитаря, а второй – в комбинезоне уборщика.

Двое сотрудников больницы напали на первого мужчину. Уборщик держал в руке что-то вроде дубинки. Одним ударом он свалил первого мужчину с ног, а потом принялся бить, бить, бить.

Тревис не хотел на это смотреть, но не мог оторвать глаз. Если человека били так сильно и так много, остаться в живых он не мог. Тревис никогда не видел, как человека убивали, и зрелище это, даже на расстоянии, было таким ужасным, что ему пришлось привалиться к подоконнику, поскольку ставшие ватными ноги больше его не держали.

Медсестры, охранник, другие сотрудники больницы выбежали на автомобильную стоянку. Они отобрали дубинку у уборщика, окружили избитого мужчину, словно их заботило его состояние, но на самом-то деле скрыли от глаз тех, кто, как и Тревис, мог стоять у окна.

Санитар и доктор уже катили тележку. В докторе Тревис узнал Кевина

Флинна, их семейного врача. С помощью охранника Флинн и санитар уложили покойника на тележку.

Уборщик никого не интересовал. Они не собирались сдавать его в полицию.

И тот, кто сейчас подошел бы к окну, подумал бы, будто человека свалил инфаркт, и ему крупно повезло, потому что произошло это у самой больницы. Преследование и избивание уложились менее чем в минуту. Возможно, видел все это только Тревис.

Одна из медсестер повернулась к зданию и подняла голову, оглядывая окна.

Тревис отпрянул, надеясь, что успел это сделать до того, как ее взгляд добрался до окна его палаты. Наткнулся на кресло, чуть не перевалился через него, но, к счастью, просто плюхнулся на сиденье.

Не знал, куда ему прятаться.

Ждал торопливых шагов в коридоре, доктора Флинна в белом халате, охранника, уборщика с дубинкой наперевес.

Но в коридоре третьего этажа царил тишина.

Сидя в кресле, в окне он видел только серое небо. Облака казались плоскими, как выглаженная простыня.

Тревис подумал о матери, попытался представить себе, как сейчас она работает в большой кухне начальной школы «Мериуитер Льюис». Но картинка эта никак не складывалась.

Он попытался представить ее за рулем автомобиля, семилетней «Хонды» с чуть помятым бампером, направляющейся в больницу, чтобы повидаться с ним. И опять воображение подвело его.

Закрыв глаза, поднеся руки к лицу, он попытался представить себе ее лицо, и ему это удалось. И когда она появилась перед его мысленным взором, ему захотелось увидеть ее улыбку, но лицо матери оставалось бесстрастным. А глаза плоскими, как выглаженные облака за окном.

Глава 39

Фрост сидел на скамье в Мемориальном парке и вроде бы наблюдал за голубями, склевывающими семена с травы, которая уже начала увядать, становясь золотисто-серой. Такой она и уходила под снег.

Птицы расхаживали по траве, покачивая головами. По большей части темно-серые, некоторые пестрые, совсем редко – грязно-бурые.

Фрост с удивлением узнал, что почти все голуби живут здесь круглый год, хотя какая-то часть и улетает на юг. Он-то думал, что зиму в Монтане могут пережить только совы, орлы, индюшки, фазаны и тетерева.

Он провел только три дня в Рейнбоу-Фоллс и окрестностях, но уже пришел к выводу, что даже в начале октября ночи здесь холодные.

Хотя светящееся табло на здании Первого национального банка показывало, что температура воздуха – пятьдесят шесть градусов^[18], Фросту казалось, что день гораздо холоднее. Одетый в джинсы, лыжную куртку и ботинки на толстой подошве, он сожалел об отсутствии кальсон. Несмотря на фамилию^[19], если б ему предложили на выбор мизерную пенсию и лачугу в теплых краях или большую в паре с дворцом в снежной стране, он бы без малейшего колебания остановился на первом варианте, соглашаясь на рис, бобы и жаркое солнце.

Но в свои тридцать пять лет он сомневался, что доживет до пенсии. И могло статься, что ему бы крупно повезло, если бы ближайшие дни не стали для него последними.

Но в любом случае преклонный возраст манил его не больше, чем жизнь в ледяном замке. Судя по тому, куда катилась эта страна, большинству людей ждать золотых лет в будущем не приходилось.

Фрост уже пять минут делал вид, что голуби заворачивают его, когда, наконец, на дорожке появился Даггет. Он ел мороженое на палочке.

Общего у них двоих было больше, чем различий, и обоим нравилось подкалывать друг друга. Даггет прекрасно себя чувствовал и в Монтане, и в Ки-Уэсте, и подчеркивал сей факт, шагая по парку в рубашке с короткими рукавами.

Рядом со скамейкой Фроста стояла урна, и Даггет остановился рядом с ней, чтобы, покончив с мороженым, которого оставалось не так уж и много, бросить в урну палочку и бумажную салфетку.

Рядом никого не было, поэтому Даггет спросил: «Ты не замерз?»

– Думаю, день становится теплее.

– Я тоже. Утреннее сканирование что-нибудь выявило?

– Активность выше, чем обычно, – ответил Фрост, имея в виду переговоры копов по радио.

– Да. И все только по делу, никакой болтовни. И что за код они теперь используют?

– Не знаю. Попытался разобраться с ним на моем ноутбуке. Расшифровать пока не удалось.

– Получается, что на этот раз сигнал поступил верный.

К сожалению, информация, на основании которой началось это расследование, ни в малейшей степени не подсказала им, что происходит в Рейнбоу-Фоллс. Речь шла лишь о том, что грядет что-то серьезное.

– Чиф Хармильо в постоянном движении. Больница. Начальная школа. Средняя школа. Ресторан и ночной клуб на выезде из города. Не понимаю, как это связано с его работой.

Они поставили на служебный автомобиль Хармильо транспондер, который через спутник передавал сведения о местонахождении машины на сервер компании, оберегающей автомобили от угона, а уж с сервера Фрост скачивал – если по-честному, крал – эти сведения в свой ноутбук.

По парковой дорожке катил на скейтборде мужчина средних лет. С нечесаной бородой и конским хвостом, перехваченным синим проводком. В штанах цвета хаки, в двух надетых одна на другую фланелевых рубашках, шапке-чулке. Даже не глянув на них, проехал мимо.

– Всего лишь лузер? – спросил Даггет.

– Определенно, всего лишь лузер.

– Я не могу отделаться от мысли, что нас вычислили.

– Почему? – спросил Фрост. – Твою комнату обыскали или что?

Даггет бросил в урну палочку от мороженого и салфетку.

– Причины вроде бы нет. Но какое-то неприятное чувство... Не могу объяснить.

Фрост и Даггет были агентами ФБР, но особыми агентами, о которых не знал даже Директор бюро. В официальных бумагах Бюро их фамилии нигде не упоминались.

– Лично я думаю, что нами никто не интересуется. И собирался предложить начать работать в паре, если ты, конечно, не против.

– Я только за, – ответил Даггет. – Чувствую, что вот-вот наступит момент, когда каждому из нас придется прикрывать спину другого.

И едва он произнес эти слова, как в яростном хлопанье крыльев стая голубей поднялась в небо.

Глава 40

Сидя рядом с Карсон, Майкл позвонил Эрике Сведенберг, чтобы сказать, что через несколько минут они подъедут к ее дому. Их столь быстрое прибытие удивило Эрику, поскольку после ее звонка в Сан-Франциско не прошло и часа.

– Наш пожилой друг знает короткий путь, – объяснил Майкл. – Мы повернули направо в нигде, а потом резко налево в никогда.

И едва Майкл закончил разговор, приятный женский голос навигатора выдал очередное указание: «Через двести ярдов поверните направо».

Они свернули на дорогу с гравийным покрытием, которую охраняли громадные сосны и перегораживали крепкие ворота. Карсон остановилась у столба с закрепленной на нем кнопкой вызова, опустила стекло, нажала на кнопку и посмотрела прямо в объектив камеры слежения. Ворота распахнулись.

На переднем крыльце, у верхней ступеньки, их ждала женщина.

Карсон встречалась с Эрикой Четвертой в Луизиане, и пятое издание, судя по всему, в мельчайших подробностях повторяло четвертое. Виктор, возможно, ненавидел человечество, но ценил женскую красоту и прекрасно в ней разбирался. Такой, вероятно, древние римляне представляли себе Диану, богиню луны и охоты: безупречная красота, удивительная грациозность, тело, вибрирующее от переполняющей его энергии.

Все познакомились друг с другом уже на крыльце, сразу решили перейти на ты, и Эрика сказала Девкалиону:

– Меня поражает наша встреча.

– Как и то, что мы живы, – добавил Девкалион.

– В те дни, давным-давно... он был таким же, каким стал?

– Заносчивость присутствовала, как и порочность, – ответил Девкалион. – Заносчивость может перерасти в гордыню. Гордыня – мать жестокости. Но поначалу был и идеализм, надежда, что он сможет изменить сущность человека.

– Утопические идеи. Они всегда ведут к разрушению... крови, смерти, ужасу. И ты... два столетия одиночества. Как ты выдержал?

– Первое время – благодаря ярости и жажде мести. Убийствам и жестокости. Но постепенно я осознал, что получил один дар, превосходящий все остальные. Дар реализации возможностей. Я мог стать, кем хотел, стать лучше, чем был раньше. Ярость можно считать видом

гордыни. Я отвернулся от нее, прежде чем навсегда стал монстром, по его образу и подобию.

Карсон увидела слезы в глазах Эрики. Подумала, что Виктору такое бы не понравилось. Как же, одно из его новоорлеанских созданий проявляло сочувствие, тронутое душевной болью другого. По мнению Виктора, сочувствие свидетельствовало о слабости, эту эмоцию он оставлял только смиренным и глупым.

Эрика пригласила их в дом, на кухню, где воздух был наполнен ароматом только что сваренного кофе. На столе стояло блюдо с печеньем.

Кофе и печенье в компании монстра и невесты Франкенштейна.

Карсон не удивила улыбка Майкла, а самоконтроль, проявляемый в молчании, произвел на нее должное впечатление.

Когда кофе наполнило кружки и все сели за стол, разговор начался не с обсуждения текущего кризиса. Гостям прежде всего захотелось узнать, каким образом здесь оказалась Эрика.

Звонок в Сан-Франциско окончательно убедил Эрику в смерти Виктора в ту ночь, когда она убежала от него. Она предполагала, что он мертв, но только его смерть могла освободить ее от абсолютного повиновения, заложенного в ее программу. И теперь она знала это наверняка.

Дождливой ночью, когда империя Виктора начала разваливаться, она открыла секретный сейф в особняке в Цветочном районе и, следуя телефонным инструкциям, набила саквояж пачками долларов, евро, акциями на предъявителя, мешочками серого бархата с драгоценными камнями, по большей части, бриллиантами. Как и требовал ее муж, ее создатель, она повезла это богатство на его тайную ферму-лабораторию, расположенную к северо-востоку от озера Поншатрен.

Но, прежде чем она успела встретиться с мужем и отдать ему саквояж, внезапно засверкавшие молнии превратили ночь в полдень. Они непроницаемым барьером окружили ее автомобиль, били в асфальт в таком огромном количестве, что полностью отрезали Эрику от окружающего мира. В какое бы окно она ни смотрела, ее глазам открывалась стена – или щит – света, такого яркого, что она закрыла глаза и опустила голову, ожидая смерти.

– Благодаря нашему телефонному разговору, – Эрика оглядела сидящих за столом, – теперь я знаю, что молнии окружили меня в тот самый момент, когда умер Виктор. Сигнал, выданный его умирающим телом, переданный через спутник всем Новым людям и убивший их, не смог дойти до меня, укрытой этим щитом из молний.

– Что привело тебя в Монтану? – спросил Майкл.

– Не знаю. В саквояже я везла целое состояние, с такими деньгами везде могла начать новую жизнь. Поэтому ехала и ехала, безо всякой цели, пока не нашла место, которое мне очень даже подошло.

Девкалион покачал головой.

– Нет. Ты просто не знала, какова твоя цель.

Этот намек на высшие силы заставил их помолчать. На них ложилась тяжелая обязанность. Огромная ответственность.

– Если нас привело сюда Проведение, – наконец нарушила тишину Эрика, – тогда мы, конечно же, не можем проиграть эту войну.

– Я бы на это не рассчитывал, – предупредил Девкалион. – Мы обладаем свободной волей поступать правильно и неправильно. Наша беда, и человечества тоже, в том, что наши сердца могут так легко нас обмануть, даже при совершенно ясной голове.

– А кроме того, – добавила Карсон, – в Новом Орлеане союзников у нас было больше. Здесь, в Рейнбоу-Фоллс, нас только четверо.

– Есть и пятый, – уточнила Эрика. – Мы с ним решили, что вы должны сначала выслушать мою историю, а уж потом встретиться с ним, его внешность может... отвлекать.

Заскрипели петли, и они все посмотрели на дверь в кладовку, приоткрывшуюся на дюйм.

Потом она распахнулась, и на кухню вышло что-то троллеподобное в детской одежде, Румпельштильцхен, демон и гоблин в одном флаконе, нечто, не имеющее названия, создание в шутовском колпаке со множеством крохотных колокольчиков. Странные желтые глаза ярко вспыхнули, и без того отвратительное лицо вдруг перекосило в такую маску ярости, что Карсон и Майкл... даже Девкалион, отодвинулись от стола и вскочили.

– Сладенький, – обратилась Эрика к уродцу, – я же просила тебя не улыбаться во весь рот. Людям, которые тебя не знают, становится не по себе даже от твоей маленькой улыбки.

Глава 41

Фрост и Даггет пришли в парк разными маршрутами, но уходили вместе, приняв решение работать в команде.

Даггет остановился в одном из четырех мотелей города – «Фоллс-инн» на Фоллс-роуд, чуть севернее Беатут^[20] – авеню. Мотель располагался рядом с рекой, и из окон открывался вид на чудо природы, давшее название городу^[21].

На участке протяженностью пятьсот футов русло реки шесть раз «падало вниз» по всей ширине. Самый высокий обрыв составлял двенадцать футов, самый низкий – семь. Суммарный эффект наполнял гордостью сердца членов городской Торговой палаты. Если человек приезжал в Рейнбоу-Фоллс по делам, его непременно знакомили с этой городской достопримечательностью. Многие даже проводили здесь уик-энд, чтобы уехать с картой памяти, заполненной великолепными фотографиями.

В номере мотеля Даггет слышал водопады двадцать четыре часа в сутки даже с закрытыми окнами. Он говорил, что звук этот его успокаивает, действительностью не уступая колыбельной.

– По-прежнему спишь крепко? – спросил Фрост, когда они направлялись к выходу из парка на Беапо-лейн^[22].

– Как младенец, только от этого звука встаю, чтобы отлить, шесть раз за ночь. Но я так хорошо выучил маршрут от кровати до унитаза, что мне даже не нужно просыпаться, откликаясь на зов природы.

Компания «21-й зеленый век», занимающаяся поисками эффективных альтернативных источников энергии, не загрязняющих окружающую среду, на три месяца арендовала небольшой домик, в котором и поселился Фрост. Существовала эта компания только на бумаге, и Фрост не подыскивал участки для последующей покупки, пусть и заявлял, что занимается именно этим, но хозяину дома заплатили вперед, а в современной Америке этого вполне хватало, чтобы отпали все излишние вопросы.

И лучшего камуфляжа, чем слово «зеленый», в эти дни просто не существовало. Если человек работал в компании, в название которой входило вышеуказанное слово, это характеризовало его как ответственного, сердобольного, дальновидного, высокоморального гражданина, автоматически причисляя его к хорошим парням. Ирония судьбы, но Фрост действительно принадлежал к хорошим парням, хотя его совершенно не

волновало, сколько углекислого газа попадает в атмосферу при каждом выдохе.

– Будь я сексуальным маньяком, – изрек Фрост, – то колесил бы по стране, прикидываясь борцом за сохранение окружающей среды, носил бы одежду, изготовленную из соевых бобов. Женщины не просто бросались бы в мои объятия, каждая вручала бы мне топор, чтобы я ее убил.

– Мне для этого одежда из соевых бобов не требуется, – ответил Даггет. – Перед моими естественными феромонами женщины устоять не могут.

– Да? Они у тебя в баллончике-спрее или во флаконе с шариком?

Дом, который арендовала компания «21-й зеленый век», располагался на Беапо-лейн, напротив парка.

– Пошли, – продолжил Фрост. – Проверим компьютер, поглядим, где сейчас чиф Хармильо, потом, возможно, последуем за ним.

Бунгало с двумя спальнями обставили со спартанской простотой, но, по крайней мере, в комнатах было чисто.

Когда они проходили по гостиной и столовой, направляясь на кухню, где стоял ноутбук Фроста, Даггет отметил: «Здесь даже мебель шейкеров ^[23] кажется декадентской. Кровать с гвоздями тоже имеется?»

– Нет. Зато есть плетки с шипами, если возникнет желание себя высечь.

– Может быть, позже. Пока ты будешь проверять Хармильо, я позвоню Мумо, чтобы узнать, сообщил ли информатор что-нибудь еще по этому делу. Я не возражаю против того, чтобы лететь спиной вперед или головой вниз, но вот полет вслепую мне совершенно не нравится.

В Бюро они подчинялись непосредственно Морису Мумо. Полностью его звали Сент Морис Мумо. Его отец, активист движения чернокожих, сменил фамилию Джонсон на Мумо, а мать, набожная католичка, настояла на том, чтобы сына назвали в честь одного из немногих чернокожих святых. У высоченного, как дерево, Мориса Мумо кожа, волосы и глаза цветом практически не отличались. Он закончил юридическую школу Йельского университета и в присутствии посторонних не сказал бы подчиненному ни единого грубого слова. Зато наедине поливал совсем другими словами, да так, что мало не казалось.

И пока Фрост сидел у ноутбука и проверял, где в последнее время успел побывать Хармильо, Даггет говорил с Мумо по спутниковому телефону, то и дело вставляя в разговор слово «сэр». Оборвав связь, он подошел к столу.

– Мумо говорит, что завтра сюда приезжает Казначей.

На лице Фроста отразилось удивление.

– Нет, не в твою келью, – уточнил Даггет, – но куда-то в окрестности Рейнбоу-Фоллс, хотя точного места они не знают. Он прилетит вертолетом из Биллингса^[24].

– Зачем?

– Они не знают. Возможно, для того чтобы посмотреть, на что потрачены его денежки.

– Это круто. Мумо думает, что это круто, не так ли?

– Не то слово.

– Это же какое-то грязное дело. Почему Казначей рискнул ввязаться в него? – спросил Фрост.

– Грязные дела он любит больше всего. Может быть, тебе выпадет шанс спросить у него почему.

– Так это ж здорово.

– С одной стороны, да, а с другой, можно не сомневаться, что ответом на твой вопрос будет пуля в лоб.

Глава 42

Стоя у окна палаты 318, Брюс наблюдал, как поливает уборщик водой из шланга ту часть автостоянки, где, по словам Тревиса, избили и, возможно, убили мужчину. Мальчик сказал, что именно этот уборщик и отделал дубинкой того несчастного.

Тревис сидел в кресле, прижав колени к груди.

– Это случилось. Я не выдумываю.

– Я знаю, что не выдумываешь, – заверил его Брюс.

Каждая половинка окна открывалась своей ручкой. Центральная стойка выглядела достаточно крепкой, чтобы выдержать вес спускающегося по веревке человека. Расстояние от подоконника до асфальта не превышало двадцати футов.

«Реальный вариант».

Брюс отошел от окна, опустился на одно колено рядом с креслом, положил руку на плечо мальчику.

– На этом этаже сотрудников практически нет, потому что они внизу. Думаю, помогают охранять все двери, ведущие в подвал, и все выходы из больницы на первом этаже.

– Почему они убили этого человека?

– Должно быть, он увидел что-то такое, чего ему видеть, по их разумению, не следовало.

– Что? Что он увидел?

– Послушай, Тревис, мы должны затаиться. Не дать им ни малейшего повода заподозрить, что нам что-то известно.

– Но все так, как я вам и говорил? Они не те, кем были раньше. Они больше не настоящие.

– Они настоящие, сынок, очень даже настоящие. Но теперь они другие.

– И что они делают с людьми в подвале?

– Что бы это ни было, мы не хотим, чтобы они сделали это с нами.

Голос Брюса ему самому казался чужим. Не по интонациям или тембру, они остались без изменений, а благодаря словам, которые приходилось произносить. Он оставался автором вестернов, но *его жизнь* сменила жанр.

– Мы можем кое-что сделать, – продолжил он, – но для этого потребуются крепкие нервы и предельная осторожность.

Он изложил свой план, и мальчик слушал, не прерывая.

Когда Брюс закончил, задал только один вопрос:

– А сработает?

– Должно, так ведь? – ответил старик.

Глава 43

В коридоре подвала больницы чиф Хармильо и доктор Генри Лайтнер стояли по обе стороны тележки, на которой лежал Брайан Мердок.

– Все лицо разmozжено, – указал Хармильо.

– Коди должен был его остановить.

– Разумеется.

– Ты или я сделали бы то же самое.

– Возможно, не столь агрессивно.

– Или более агрессивно.

Хармильо оторвал взгляд от покойника, посмотрел врачу в глаза.

– О любой одержимости велено докладывать.

– Это не одержимость.

– Сколько он нанес ударов дубинкой?

– На вскрытие у нас нет времени. Учитывая то, как много нам предстоит сделать до вечера, это нерациональная трата времени.

– Как ты думаешь, сколько ударов? Плюс-минус.

– Не так чтобы много.

– Правда?

– Да. Не так чтобы много, – повторил врач. – Он сделал то, что от него требовалось.

– И эффективно. Проблема в том, что он сделал это прилюдно.

– Никто не видел.

– В этом уверенности у нас быть не может.

– Если бы кто-то увидел, то сказал бы медсестре или санитару, попросил бы вызвать полицию.

– Не сказал бы, если б подозревал... нас всех.

– А с чего такие подозрения? Даже собаки не могут отличить нас от них.

– Возможно, мы не так хорошо имитируем их, как нам может казаться.

И некоторые, наиболее проницательные из них, могут почувствовать разницу.

– Если кто-то что-то и видел, скоро он все равно умрет.

Хармильо кивнул.

– Коди нужен тебе здесь.

– Чтобы это сделать, мне нужны все.

– И никто из присутствующих не подумал, что он одержим?

– Никто.

Хармильо на мгновение задумался. Никто из пациентов позвонить никому не мог. Телефоны в палатах не работали, мобильники и другие средства сотовой связи под тем или иным предлогом у всех отобрали. Любого, кто попытался бы покинуть больницу, вернули бы в палату или разобрались бы с ним, как Коди разобрался с Мердоком. Но если кто-то видел убийство и к нему придет посетитель, они бы сильно рисковали, позволив посетителю покинуть больницу.

– Дневные часы для посещения закончились? – спросил Хармильо.

– Да.

– Вечерние?..

– С пяти до восьми.

– Для нас это многое усложнит, но придется никого не выпускать из больницы. Всех посетителей надо тоже отправить к Строителям.

– Нам понадобится помощь.

– Я пришлю еще троих копов.

– Отлично.

Хармильо вновь перевел взгляд на лицо Мердока.

– Я думаю, создатель назвал бы Коди одержимым.

– А я думаю, что он одержим на предмет одержимости, – ответил

Лайтнер.

Чиф вновь встретился с врачом взглядом.

– За Коммуну, – сказал он после паузы.

– За Коммуну, – ответил доктор Лайтнер.

Глава 44

Великий момент Джоко. Первые люди, которых он встретил за два года. Он хотел произвести хорошее впечатление. Хотел им понравиться. Хотел, чтобы его приняли, как такого же американца. Хотел, чтобы Эрика им гордилась. Хотел не напортачить.

И сразу же испугал их. Ох, не самое лучшее начало.

«Перестань лыбиться. Допустима лишь самая маленькая улыбка. А может, подвигать ушами? Нет, нет и нет. Та старуха, в переулке, принялась колотить его мусорным ведром, когда Джоко задвигал ушами. И бросила в него кошку. Жуткую кошку. Нет, ушами двигать не надо!»

Протягивая в приветствии правую руку, Джоко направился к Девкалиону.

– Я Джоко. Джоко жонглирует. Джоко делает пируэты. Джоко – монстр, как и ты, но не такой красивый. Джоко безмерно рад нашему знакомству.

Рука Девкалиона была такой огромной, что ему хватило только большого и указательного пальцев, чтобы пожать руку Джоко. Но он ее пожал.

Чем очень порадовал Джоко.

Он направился к Карсон О'Коннор.

– Я Джоко. Джоко крутит сальто. Джоко пишет стихи. Джоко раньше ел мыло. Теперь не ест. Проблемы с кишечником. Но вкус Джоко нравится.

Карсон О'Коннор скорчила гримасу, пожимая руку Джоко. Но не отпрянула. Не плюнула в него. И он не думал, что она бросилась бы кошкой, если бы таковая была под рукой. Очень милая. Милая дама.

– Мисс Карсон О'Коннор, будьте любезны. Джоко извиняется за свою руку. Она холодная. Восковая. Липкая. Но Джоко заверяет, она чистая.

– Я в этом уверена, – ответила милая дама. – И, пожалуйста, зови меня Карсон.

Джоко и представить себе не мог, что все пойдет так хорошо. Джоко производил впечатление. Джоко почти заигрывал с дамой.

– Джоко очень рад видеть тебя вновь.

На лице Карсон отразилось недоумение.

– Вновь?

– Джоко встречался с тобой однажды. На ходу. В Новом Орлеане. На крыше склада. В грозу. У тебя был помповик. Кажется, в другой жизни.

Майкл Мэддисон пожал протянутую руку Джоко.

– Я Джоко. Джоко делает кувырок назад. Джоко может в один присест съесть большую булочку с корицей. Джоко коллекционирует шутовские колпаки с колокольчиками, – он покачал головой. Колокольчики зазвенели. – Джоко очень рад видеть тебя вновь.

– Ты уж прости, – ответил Майкл, – но я не помню...

– Давно, когда что-то пошло не так с людьми Виктора. Очень не так. С ними происходило что-то странное. Джоко – одна из странностей. Джоко вырос в Джонатане Харкере.

Харкер, один из Новых людей Виктора. Клон, подменивший полицейского детектива. Работал в отделе расследования убийств вместе с Майклом и Карсон.

– Джоко был чем-то вроде опухоли. Но с мозгом. И с надеждой. Надеждой на лучшую жизнь. Свободу. Может, на поездку в «Диснейленд». Это никогда не случится. Однако мечтать не вредно. В общем, Джоко вырвался из живота Харкера.

Они вспомнили. Глаза широко раскрылись. Джоко обрадовался тому, что они вспомнили.

– Джоко сохранил воспоминания Харкера. Но он не Харкер. Джоко какое-то время жил в канавах. Ел жуков, чтобы выжить. Так трагично. Но и вкусно. Потом Джоко встретил Эрику. Больше никаких жуков. Жизнь хороша.

Внезапно Джоко испугался, что его не так поймут. Что у них возникнут неправильные мысли. Джоко почувствовал, что краснеет.

Джоко сжал руку Майкла в своих.

– Пожалуйста, поймите, Джоко и Эрика не любовники. Нет, нет, нет!

Джоко отпустил руку Майкла. Повернулся к Карсон. Схватил ее руку в свои.

– Эрика добродетельна. Эрика – мама Джоко. Приемная мать. У Джоко нет половых органов. Отсутствуют полностью.

– Приятно это знать, – ответила Карсон.

– Джоко не нужны половые органы. Джоко единственный в своем роде. Ему нечем воспроизводиться. Джоко не хочет иметь половые органы. Фу! Бяка! Гадость! Джоко может стошнить!

Джоко подскочил к Девкалиону.

– У Джоко есть только штучка, из которой он писает. Джоко называет ее «мой шланг». Никакого другого предназначения у этой штучки нет. *Никакого другого предназначения!*

Джоко метнулся к Майклу, поставил правую ногу на левую Майкла,

чтобы привлечь его внимание.

– Шланг Джoko раскатывается и скатывается. После использования. Это мерзко! И колени у Джoko отвратительные. И зад.

Джoko схватился за рукав куртки Карсон.

– Джoko всегда моет руки. После раскатывания и скатывания. Для тебя Джoko может вымыть их спиртом. И стерилизовать на огне. Если ты хочешь.

– Мытья достаточно, – ответила Карсон.

– Джoko превратил себя в посмешище. Да? Нет? Да! Джoko продолжает превращать себя в посмешище. Джoko всегда будет посмешищем. Извините Джoko. Сейчас он уйдет и покончит с собой.

Джoko принялся крутить сальто в двери из кухни. По коридору. В прихожую.

Джoko посмотрел на себя в зеркало, что висело в прихожей. Сунул два пальца в ноздри. Оттянул нос ко лбу. Насколько он оттягивался. От боли из глаз Джoko брызнули слезы.

Джoko плюнул себе на левую ногу. Плюнул на правую. Вновь плюнул на обе.

Это был конец. Смерть через жертвоприношение. Джoko бросился в камин. Огонь не горел. Ничего не вышло.

Джoko не мог снова увидеть их. Джoko решил, что будет ходить с мешком на голове. Всегда.

Через какое-то время Джoko вернулся на кухню.

Эрика уже поставила у стола пятый стул. Рядом со своим. Положила на него подушку. Чтобы Джoko возвышался над столом. Она улыбнулась и похлопала по этой подушке.

Джoko сел рядом с Эрикой. Трое новых знакомых ему улыбнулись. Такие молодцы. Джoko тоже показал себя молодцом. Он не улыбнулся.

– Может Джoko взять печенье? – спросил он Эрику.

– Да, можешь.

– Может Джoko взять девять печений?

– Только по одному.

– Хорошо, – и Джoko взял с блюда печенье.

– Я как раз собиралась рассказать всем о том, каким образом Виктор мог не умереть на свалке... и объявиться живым в Монтане.

С печеньем в руке Джoko уставился на свою умнейшую мать.

– Ты знаешь как?

– Да, – кивнула Эрика. – И ты тоже знаешь. – Она продолжила, обращаясь к остальным: – В особняке Виктора в Цветочном районе, в

библиотеке, был потайной переключатель, при нажатии на который секция книжных полок поворачивалась и отрывала коридор.

– Коридор, – подтвердил Джоко.

– В конце коридора, за различными охранными системами и стальной сейфовой дверью, находилась комната.

– Комната, – согласился Джоко.

– В этой комнате, среди прочего, стоял большой стеклянный ящик длиной в девять, шириной в пять и высотой более чем в три фута. Стоял на изогнутых бронзовых ножках.

– Ножках, – кивнул Джоко.

– Стеклянные панели, закрепленные в каркасе из позолоченной бронзы, были очень холодными. Ящик напоминал огромную шкатулку для драгоценностей. Его наполняла полупрозрачная красновато-золотистая субстанция, которая иногда казалась жидкостью, а иногда газом.

– Газом, – повторил Джоко и содрогнулся.

– И в этой субстанции что-то плавало, какая-то бесформенная тень, вроде бы что-то живое, но как бы с приостановленными жизненными функциями. Не знаю почему, из прихоти, я обратилась к существу в ящике. И оно мне ответило. Угрожающим голосом. Я услышала: «Ты Эрика Пятая, и ты моя!»

– Угрожающим, – Джоко не откусил от печенья ни кусочка. Больше не хотел печенья. Джоко мутило.

– Я не видела, что находилось в ящике, – продолжила Эрика, – но теперь я думаю, что это был другой Виктор, его клон.

Вернуть печенье на блюдо? Нет. Неприлично. Джоко к нему прикоснулся. Своей мерзкой рукой. Одной из своих мерзких рук. Мерзкими были обе.

– И возможно, когда Виктор умер, спутниковый сигнал, убивший всех Новых людей, одновременно освободил его клон из стеклянного ящика.

Джоко снял колпак. Положил печенье на голову. Надел колпак.

Глава 45

Тревиса Ахерна привезли в больницу в джинсах, пуловере и куртке с несколькими карманами, набитыми всякими разными вещицами, без которых никак не может обойтись девятилетний мальчик. Среди них был перочинный ножик, отделанный перламутром, который Брюс Уокер одолжил у него, прежде чем вернуться в свою палату.

Оставшись один, Тревис снял наволочку с одной из подушек. Снял с плечиков в стенном шкафу уличную одежду и засунул в наволочку. Торопился, боясь, что кто-нибудь войдет и увидит, что он пакуется. Оставил чемодан-наволочку в стенном шкафу и вернулся в кровать.

Если бы медсестра принесла ему таблетки и предложила выпить их в ее присутствии, он бы сделал вид, что глотает таблетки, но на самом деле задвинул бы к щеке или подержал под языком, а потом выплюнул бы, как только за медсестрой закрылась бы дверь. Мистер Уокер сказал, что очень уж много пациентов спят. Может, они с мистером Уокером поступили правильно, практически не прикоснувшись к ленчу.

Если бы доктор Флинн или кто-то еще пришел, чтобы отвести Тревиса вниз на какие-то обследования или для чего-то еще, а он притворился бы спящим, это могло и не помочь. Они могли не уйти. Могли привязать его к инвалидному креслу и увезти вниз, спящего или бодрствующего.

Из окна он видел, что произошло с тем, кто попытался им не подчиниться, и Тревис чувствовал себя таким маленьким. Насколько он себя помнил, он спешил вырасти, стать высоким, сильным, научиться всему, что позволяло взрослым бороться с неудачами и неприятностями. Некоторые люди, казалось, шагали по жизни легко и непринужденно, преодолевая все трудности, не задаваясь, как школьные хулиганы, но уверенные в себе, как Брюс Уокер.

Отец Тревиса таким не был. Мейс Ахерн бросил их восемью годами раньше. Тревис не помнил отца, для него он остался только на фотографиях. Уже с год он решил на них больше не смотреть. Они доставляли слишком сильную боль.

Он мечтал побыстрее вырасти, потому что хотел заботиться о своей матери. Она не заслуживала такой тяжелой жизни. Мейс оставил ей множество долгов, о которых она и не подозревала до того, как он ушел из семьи, и она посчитала себя обязанной их отдать. Но ей приходилось много работать, и Тревис видел, как мама устает, хотя она никогда не жаловалась.

Грейс готовила в «Мериуитер Льюис», убирала дома для четырех семей, продавала домашнее печенье в «Хеггенхагелс маркет», да еще и шила. Он не хотел, чтобы жизнь измотала ее и еще молодой превратила в старуху.

Теперь Тревис волновался о ней по более ужасной причине. Если контролирующие разум инопланетные паразиты или похитители тел – или кто бы они ни были – захватили персонал больницы, они могли проделать то же самое и в других местах. Скажем, в начальной школе «Мериуитер Льюис». Они могли захватить весь город, и с каждым часом настоящих людей в Рейнбоу-Фоллс, возможно, оставалось все меньше и меньше. Ему требовалось сбежать из больницы и для того, чтобы предупредить мать об опасности.

Пятнадцать минут спустя Тревис выбрался из кровати и подошел к открытой двери в коридор. Чуть высунулся и посмотрел на север, где на сестринском посту вновь восседала медсестра Мейкпис. По коридору от своей палаты к ней шел мистер Уокер, в точном соответствии с разработанным планом, с бумажным стаканчиком, в каких раздавали таблетки. Лицо у него такое кислое, будто его накормили чем-то совсем уж несъедобным.

Тревис поспешил к стенному шкафу, вытащил подушку, вернулся к двери в коридор.

У сестринского поста Брюс Уокер уже заявил, что таблетка, которую ему дали, отличалась от принятой им прошлым вечером, тогда как в карте указано, что ему не надо давать никаких новых лекарств. Должно быть, ему дали не то лекарство, и он боялся, как бы оно ему не навредило. Таблетку ему принесла другая медсестра, сейчас он ее не видел, но еще с тех пор, как в больницу попала Ренни, знал, что Дорис Мейкпис – прекрасный специалист, и на нее всегда можно положиться.

Лесть медсестру не очаровала, но она и не прогнала мистера Уокера. Взяла бумажный стаканчик с таблеткой, поднялась с вращающегося стула и скрылась за дверью, что находилась позади сестринского поста. Дверь вела в комнатку, где хранились все лекарства, которые выдавались пациентам. Вероятно, собиралась посмотреть, что прописано Уокеру и, возможно, поменять таблетку.

Как только медсестра Мейкпис исчезла за дверью, Тревис посмотрел в обе стороны, чтобы убедиться, что, кроме Брюса Уокера, в коридоре никого нет, а потом вышел из палаты. С наволочкой в руке направился на север, не бежал, а шел быстро и бесшумно.

Брюс Уокер взглянул на него, кивнул и вновь повернулся к открытой двери в комнатку с лекарствами.

В северном конце коридора Тревис повернул направо, в другой коридор, восток-запад, тоже пустынный. Мистер Уокер сказал ему, что первой он увидит дверь палаты 331, и Тревис увидел табличку с этим номером на двери. Жена старика, Ренни, умерла в этой палате.

Палату 331 и следующую по этой стене разделяли две двери без табличек. Тревис открыл вторую, как и велел мистер Уокер, ступил в темноту и закрыл дверь за собой.

Нащупал выключатель. Вспыхнул свет, и Тревис увидел, что находится в чулане площадью в шесть квадратных футов. Деревянные ступеньки с резиновыми ковриками на каждой вели наверх.

Тревис скинул шлепанцы и снял пижаму. Быстренько переоделся в одежду, в которой его привезли в больницу, а пижаму и шлепанцы затолкал в наволочку.

Помня о злобном уборщике с дубинкой, Тревис думал, что его будет трясти от страха, пока он будет добираться из палаты в этот чулан. Однако страх он испытывал лишь в самом начале, а потом чувство это уступило место предвкушению удивительного приключения.

Теперь ему снова предстояло ждать.

И пока Тревис ждал, страх вернулся. Он гадал, как выглядят инопланетяне, если содрать с них человеческое обличье. Он прочитал множество комиксов и посмотрел множество фильмов, которые подпитывали его воображение. И скоро на шее и ладонях выступил пот, а сердце билось куда быстрее, чем чуть раньше, когда он крался по коридорам.

Глава 46

Когда сестра Мейкпис вернулась из комнатки, где хранились лекарства, в бумажном стаканчике Брюса лежала точно такая же таблетка, как полученная им прошлым вечером.

– Вам следовало подойти ко мне раньше, – укорила его Дорис Мейкпис, – как только вы заметили разницу. Вы должны были принять это лекарство утром.

– Я ее приму, как только вернусь в палату, – пообещал Брюс.

– Да. Обязательно.

Она пробыла в комнатке много времени, гораздо больше, чем требовалось для того, чтобы достать из бумажного стаканчика одну таблетку и положить в нее другую. И теперь в стаканчике лежала таблетка успокоительного, которую он, само собой, принимать не собирался.

В палате Брюс первым делом спустил таблетку в унитаз, а смятый бумажный стаканчик бросил в контейнер для мусора.

Еще раньше он снял с кровати нижнюю простыню и застелил постель так, чтобы это скрыть. В ванной, воспользовавшись перочинным ножиком Тревиса, разрезал простыню на полосы и заплел в веревку с разнесенными на равные расстояния узлами, чтобы хвататься за них при спуске. Веревки до земли не хватало, но конец завис бы футах в трех-четырёх, так что, возможно, ни ему, ни мальчику не пришлось бы даже прыгать.

Теперь Брюс снял одеяло с кровати, сложил в длину и скрутил, чтобы облегчить переноску. Он пожалел, что не привез в больницу уличную одежду. Пижама и тонкий халат не уберегали от холода даже этим достаточно прохладным днем. А уж ночью он продрог бы до костей. Но одеяло могло его спасти.

Его сосед по палате, наладить общение с которым так и не удалось, какое-то время бодрствовал, читал журнал на испанском языке, но теперь снова заснул.

Брюс подошел к окну, открыл его, выглянул. Не увидел ни души на автомобильной стоянке, которую с трех сторон обнимали больничные корпуса. Он привязал конец самодельной веревки к центральной стойке и сбросил веревку вниз. Ее могли увидеть из окна палаты первого этажа. Оставалось только надеяться, что палата эта пустует или занимавшие ее пациенты появления веревки не заметят.

Схватив свернутое одеяло, Брюс подошел к двери и оглядел коридор,

такой же тихий и безлюдный, как прежде.

Сестринский пост находился левее, у той же стены коридора. Поскольку он утапливался в стену на пару футов, Брюс не видел медсестру Мейкпис, сидевшую на стуле, только стойку сестринского поста.

Соответственно, и она не могла его видеть, если он оставался у самой стены, продвигаясь к северному холлу. Брюс добирался до угла, каждое мгновение ожидая, что медсестра Мейкпис или кто-то еще окликнет его, но никто не окликнул.

Подойдя к двери, за которой находилась лестница на крышу, он дважды постучал, прежде чем открыть дверь, так они и уговаривались.

Тревис сидел на лестнице, сжимая в руках наволочку с пижамой и шлепанцами.

– Все идет по плану, – прошептал он.

– Во всяком случае, пока, – ответил Брюс.

Глава 47

Мистер Лисс вышел на кухню миссис Труды Лапьер в ботинках и чистой одежде Бедного Фреда. Он побрился бритвой Бедного Фреда. Седые волосы, чуть влажные и вьющиеся, уже не торчали в разные стороны. Уши остались такими же большими, но, отмытые, стали скорее розовыми, чем коричневыми.

Он оставался сутулым и худым, с черными зубами, желтыми и потрескавшимися ногтями, поэтому не мог выглядеть другим человеком, но все равно выглядел новым мистером Лиссом.

– Ваша кожа уже не покрыта трещинами, как старое седло, – Намми попытался сделать ему комплимент.

– У твоего Бедного Фреда несколько видов лосьона для кожи и не меньше десятка лосьонов после бритья. Возможно, он неженка, тут ничего сказать не могу, но некоторые лосьоны творят чудеса, снимая жжение после бритья.

– Борода у меня практически не растет. Однажды я видел усы, которые хотел бы носить, но верхняя губа у меня остается гладкой.

– Считаю себя счастливым, – сказал ему мистер Лисс. – Побриться – это сложнее, чем почистить зубы или принять ванну. Люди попусту тратят жизнь, будучи рабами нелепых гигиенических стандартов. Каждый среднестатистический дурак тратит десять минут на чистку зубов ежедневно, пять утром и пять вечером, и за семьдесят лет жизни эти минуты складываются в четыре тысячи двести часов. Столько времени уходит на эту чертову чистку зубов. Сто семьдесят семь дней. Знаешь, что можно сделать со ста семьюдесятью семью днями, Персиковое варенье?

– Что можно сделать, сэр?

– То, что я с ними и делаю, – прожить! – тут мистер Лисс посмотрел за плечо Намми и увидел накрытый кухонный стол. – Что это ты тут устроил, парень?

Намми накрыл стол на двоих, поставил тарелки, кружки, положил салфетки и столовые приборы, а между тарелками у противоположных сторон стола стояло блюдо с еще дымящейся яичницей, на другом лежали поджаренные гренки, на третьем – вафли. Намми порезал ветчину, сыр, апельсины, поставил на стол пакет шоколадного молока, масло, яблочное масло, виноградный конфитюр, клубничный конфитюр и кетчуп.

– Мы же не позавтракали в тюрьме, – напомнил Намми.

– Мы сами едва не стали завтраком. Нам не съесть и десятой части всего этого.

– Я не знал, что вы любите, а что – нет, и решил предоставить вам выбор. Вы мылись долго, поэтому у меня было время, чтобы обо всем подумать дважды и ничего не упустить.

Мистер Лисс сел за стол и принялся наваливать еду на свою тарелку, хватая все руками, хотя мог бы воспользоваться вилкой. Не вызывало сомнений, что у него никогда не было бабушки.

Надеясь, что мистер Лисс не сможет есть так же быстро, и издавая такие отвратительные звуки, если ему придется участвовать в разговоре, Намми спросил:

– Вы сможете потратить на что-нибудь другое эти лишние дни, если не будете чистить зубы, но разве они не выпадут?

– Несколько, – признал мистер Лисс. – Это компромисс. Вся жизнь – компромисс. Ты знаешь, сколько времени среднестатистический дурак проводит в душе? За семьдесят лет – двести шестьдесят два дня! Какая-то одержимость чистотой. Это болезнь, вот что это такое. Ты знаешь, что я могу сделать с двумястами шестьдесятю двумя днями?

– Что вы можете сделать, сэр?

– *Что угодно!* – воскликнул мистер Лисс, намазывая на вафлю масло.

– Ну и ну, – покачал Намми. – Что угодно.

– Ты знаешь, сколько времени среднестатистический дурак проводит, бреясь или сидя в кресле парикмахера?

– Сколько, сэр?

– Ты не захочешь этого знать. Просто уму непостижимо.

– Я хочу знать, сэр. Действительно хочу.

– А я не хочу этого слышать. Я впадаю в депрессию, когда слышу, как об этом говорит мой собственный голос. Жизнь коротка, парень. Не растрачивай свою жизнь попусту.

– Не буду, сэр.

– Увы, будешь. Все растрачивают. Так или иначе. Хотя, раз уж ты тупица, растрачивать тебе особенного нечего. И в этом тебе повезло.

К тому времени, когда они закончили завтрак-ленч, мистер Лисс съел гораздо больше, чем мог предположить Намми. И как все это поместилось в старом, костлявом теле, он не имел ни малейшего понятия.

– Я полагаю, нечего нам ждать до темноты, – мистер Лисс шумно втянул в себя воздух, не разжимая зубов, чтобы вытащить то, что могло между ними застрять. – Мы должны кое-что раздобыть, и лучше сделать это до сумерек, потому что потом все может стать только хуже.

– А что мы должны раздобыть?

– Во-первых, оружие.

– Я не люблю оружия.

– Тебе и не нужно его любить. Какой смысл спасать сотни дней жизни, не тратя их на поддержание ненужных гигиенических стандартов... а потом дать в руки недоумка помповик, чтобы он мог случайно снести мне голову?

– Не знаю, – ответил Намми. – И какой в этом смысл?

Лицо мистера Лисса начало наливаясь кровью, казалось, что сейчас его хватит удар, а потом вдруг кровь отлила от лица. Он покачал головой и рассмеялся.

– Не знаю, что в тебе такое, Персиковое варенье.

– А что во мне такое?

– Я же только что сказал, не знаю. Конечно же, интеллектом ты не блещешь, но с тобой не так уж и плохо.

– С вами тоже не так уж и плохо, сэр. Особенно, когда вы лучше пахнете, как сейчас.

Намми хотел помыть тарелки и убрать все со стола, но мистер Лисс сказал, что избьет его до смерти лопатой, если он попытается это сделать.

Они ушли через окно, прикрываясь домом миссис Труди Лапьер от двоих копов-которые-не-были-копами, затаившихся в доме Намми, где остался Норман, его собака, и Намми не решался даже подумать о том, что они могли делать с беднягой.

Серое небо низко нависало над ними. Стало холоднее. У Намми появилось ощущение, что ничего хорошего из их похода не выйдет.

Они покинули район, где жил Намми, и вскоре нашли дом, к которому подводила узкая улица. Мистер Лисс сказал, что именно такой дом им и нужен. Он захотел позвонить в дверной звонок, но Намми полагал, что делать этого не следует. Однако мистер Лисс был умным человеком, а умные всегда добиваются, чего хотят.

Глава 48

Девкалион решил, что дом Эрики идеальная оперативная база. После того, как Джоко гордо продемонстрировал свои сокровища, – коллекцию колпаков с колокольчиками, четыре постера с Кувалдой и ди-ви-ди со всеми отснятыми версиями «Маленьких женщин»^[25], – он предложил татуированному гиганту поселиться в его комнате. Но Девкалион спал редко и предполагал, что в ближайшие дни ему не придется спать вовсе. Поэтому он выбрал кабинет, где стоял подходящий по размерам диван, на который он мог при необходимости прилечь, а компьютер, связанный с Интернетом через спутниковую тарелку, обеспечивал получение необходимой информации в режиме реального времени.

Карсон и Майкл предпочли поселиться в одном из мотелей города, в которых в это время года (если на то пошло, и в любое другое) хватало пустых номеров. Детективы отдела расследования убийств в Новом Орлеане, частные детективы в Сан-Франциско, наиболее уютно они чувствовали себя в бурлящем котле большого города.

Рейнбоу-Фоллс бурлением не сильно отличался от кладбища, и тем не менее за два часа, проведенных в доме Эрики, среди природы, у Карсон сложилось ощущение, что ее заточили в тюрьму. А Майкл пожаловался, что, случись конец света, они узнали бы об этом, лишь когда у них закончилось бы молоко и за ним пришлось бы ехать в городской магазин. Не хотели они узнавать весть об Армагеддоне последними, предпочитали сидеть в одном из первых рядов.

Прежде чем снять номер в мотеле, они покружили по улицам, привыкая к обстановке: Карсон вела машину, Майкл, как исторически сложилось, сидел рядом. Городок с населением почти десять тысяч человек не был точкой на карте, но любого приезжего тут наверняка замечали сразу. На улицах Карсон не увидела ни одного автомобиля, за исключением их собственного, с калифорнийскими номерными знаками.

– Я не уверена, что нам стоит маскироваться под местных жителей, – сказал Карсон. – Люди, которые прожили здесь всю жизнь, учуют чужака за минуту, если не вычислят с первого взгляда. Чем сильнее мы будем пытаться слиться с городом, тем явственнее будем выделяться на его фоне.

– Да, конечно, и я не хочу ходить в ковбойской шляпе.

– Оглядысь. Тут не все ходят в ковбойских шляпах.

– Я не хочу носить и шапку-чулок. И никогда не надену шутовской

колпак с колокольчиками.

– Жаль. Я-то думала, что с рождественским подарком у меня проблем уже нет.

– А кроме того, Виктор наверняка не высовывается. Человек со стороны, ему по-другому нельзя. Где-нибудь затаился, причем наверняка почище Эрики. Может, выкурить его будет легче, если он узнает, что мы здесь и ищем его.

Прежде чем магазины успели закрыться, и с учетом прогноза, обещающего снег, они заглянули в магазин спортивной одежды. Купили черные костюмы из гортекса^[26] с убирающимися капюшонами и слоем термолайта^[27], жилетки, утепленные термолотом^[28], перчатки, лыжные ботинки и – после некоторого раздумья – поначалу отвергнутые шапки-чулки.

По пути к «Фоллс-инн», где они намеревались снять номер и разгрузить «Чероки», они проехали редакцию «Рейнбоу-Фоллс газетт», расположенную на Беатут-авеню. Тут же поняли, что туда-то им и нужно. Карсон развернулась и припарковалась перед трехэтажным зданием.

Как и многие дома в городе, этот построили более ста лет назад, с плоской крышей, по периметру которой тянулся парапет. Здание напоминало гостиницу в фильмах-вестернах. На крыше такого вот здания, за парапетом, обычно прятался плохиш с винтовкой в руках, чтобы пристрелить шерифа, когда тот будет перебегать от одного укрытия к другому. В фильмах здания эти были деревянные, но это сложили из кирпича, с учетом студеных зим.

Когда Карсон и Майкл вошли в приемную, деревянные панели стен, лепной потолок и бронзовые светильники – правда, газовые рожки уступили место электрическим лампочкам – создавали ощущение декораций.

Секретарша, блондинка сорока с небольшим лет, сидела за столом в ковбойских сапогах, джинсовой юбке, белой накрахмаленной блузе и галстук-боло с ползунком из панциря черепахи. Надпись на прямоугольной табличке на ее столе указывала, что зовут даму Кейти. После того, как Майкл и Карсон представились частными детективами из Калифорнии, ведущими расследование, и спросили, может ли редактор или издатель их принять, Кейти ответила: «Думаю, они оба смогут вас принять, потому что они – один и тот же человек».

Из кабинета вышел высокий красивый мужчина, который выглядел скорее шерифом, чем редактором, и ничуть не уступал Джимми Стюарту^[29]

в его самых обаятельных ролях. Звали его Эддисон Хок, и, внимательно изучив лицензии частных детективов Карсон и Майкла, он пригласил их в кабинет со словами: «Последний раз, когда к нам в город приезжал частный детектив, и, насколько мне известно, это был единственный раз, он получил заряд дроби в ягодицы, даже не один, а два».

– Именно этого мы пытаемся избежать любой ценой, – ответил Майкл.

Хок сел за заваленный бумагами стол, Карсон и Майкл – на стулья перед ним.

– И что вы расследуете? – спросил редактор.

– Даже если бы вы не были газетчиком, мы бы не смогли дать вам исчерпывающий ответ, – сказала Карсон. – Могу только сказать, что расследование связано с наследством.

– Кто-нибудь из местных может разбогатеть... так?

– Возможно, – ответила Карсон.

– Для меня это звучит очень уж лживо, и мне не остается ничего другого, как подумать, что, возможно, вы говорите правду.

– Мы предположили, что человек, издающий единственную газету маленького городка, знает практически всех и всё, что происходит вокруг него.

– Это мой родной город, и я безо всякого смущения говорю, что очень люблю и сам город, и его историю. Поэтому каждое утро для меня – это первое утро медового месяца. Некоторых людей я не знаю, но только потому, что они предпочитают не знать меня.

Карсон открыла клапан конверта из плотной бумаги и достала фотографию Виктора, сделанную в Новом Орлеане, которую она привезла из Сан-Франциско. Положила перед Хоком.

– Вы видели этого человека в Рейнбоу-Фоллс? Он мог переехать сюда в последние два года.

Хок ответил не сразу, какое-то время изучал фотографию.

– Есть у меня ощущение, что я видел его раз или два, но не могу сказать вам, где и когда. Как его зовут?

– Мы не знаем, под каким именем он живет здесь, – ответил Майкл, – а назвав его настоящее имя, мы можем косвенно раскрыть имя нашего клиента.

– Очень уж вы его оберегаете, – на губах Хока играла ироническая улыбка.

– Стараемся, – согласился Майкл.

Когда Хок вернул фотографию, Карсон передала ему компьютерную распечатку карты округа, которую получила от Эрики. На ней пометила

красным дорогу, с которой Виктор исчез на своем «Мерседесе».

– Эта дорога длиной в двадцать четыре мили проходит как по равнине, так и по предгорьям, и начинается и заканчивается на автостраде. Судя по тому, что мы видим по «Картам Гугла» и на других сайтах, она не обслуживает ни ранчо, ни отдельные дома, ни какой-нибудь городок. Она проложена по территории, где никто не живет, а ведь строительство такой дороги стоит огромных денег.

Хок долго смотрел на нее, потом перевел взгляд на Майкла. Наконец, заговорил:

– У дороги есть номер. Он указан на столбе, который установлен при съезде на дорогу, и на другом столбе, при выезде с нее. Но никто не называет ее по официальному номеру. Для местных жителей это Шоссе конца света. И теперь я действительно задаюсь вопросом, а кто же вы такие?

Глава 49

После встречи с членами городского совета Беном Шэнли и Томом Зеллом в «Пикинг энд Грининг» мэр Эрскин Поттер собирался заехать еще в пару-тройку мест, а потом вернуться домой, где Нэнси и Ариэль занимались переделкой амбара. В ресторан он рассчитывал прибыть в половине шестого, с Беном и Томом, чтобы подготовиться к встрече семей Рыцарей небес, назначенной на шесть вечера. В семь часов за дело должны были взяться Строители.

После того, как члены Городского совета отбыли, Эрскин заметил, что часы над стойкой старшей официантки, которая разводила гостей по столикам (стойка находилась на мезонинном уровне, рядом с центральным входом), показывают неправильное время. Часы и календарь на тысячу лет являлись частью программы Эрскина, поэтому правильное время он знал с точностью до секунды. И настаивал на том, что все часы должны показывать правильное время. Все зависело от синхронизации, однако часы над стойкой отставали на четыре минуты.

Исправив эту ошибку, Эрскин посмотрел на светящиеся часы над стойкой бара и остался крайне недоволен: они спешили на две минуты. Он подошел к дверце в дальнем конце стойки, прошел за нее, вытянулся во весь рост, поднял руку, исправил и эту ошибку.

Воспоминаний о ресторане настоящего мэра Поттера, которые он загрузил в свой мозг, хватило для того, чтобы вспомнить о часах в кабинете менеджера, в каждой из двух гримерных и на кухне. Озабоченный тем, что все здание должно жить по единому времени, Эрскин переходил от часов к часам, и озабоченность перерастала в тревогу по мере того, как он снова и снова сталкивался с неправильно установленным временем.

Недовольство первым Эрскином Поттером нарастало. Этот человек так небрежно относился ко времени, словно не понимал, что время – смазка механизма вселенной, что без времени – без абсолютно правильного времени – все остальное существовать не сможет. Не будет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего, ни материального мира, ни массы или энергии любого вида, ни света или темноты, ни звука или тишины, останется только ничто и ничего больше.

К тому времени, когда Эрскин добрался до последних часов на кухне, отсутствие синхронизации в ресторане просто выбило его из колеи. Руки тряслись, когда он пытался подвести последние часы, а они отставали на

целых пять минут! С первой попытки поставил часы на минуту вперед, со второй – на минуту назад, и, стремясь установить минутную стрелку в положенное место, тяжело дыша и кляня на все лады непослушный механизм, Эрскин вдруг ощутил дикий страх: если тотчас же не установить точное время, случится что-то ужасное, рассогласованность часов в разных частях ресторана взорвет его, и он перестанет существовать, более того, выяснится, что он никогда не существовал.

И когда с третьего раза он привел часы в гармонию с истинным временем, огромная волна облегчения прокатилась по его телу, тревога уже сходила на нет... пока он не обратил внимание на состояние стальных разделочных столиков, плиты, гриля, фритюрниц, пола. Везде крошки и брызги жира, совсем как на кухне в доме мэра. Возможно, не кулинарная катастрофа, и нет в этом ничего плохого, если не считать, что и крошки, и жир как магнитом притягивали тараканов и крыс, но это так далеко от совершенства, а совершенство – стандарт чистоты для всех машин, инструментов и устройств, если они должны обеспечивать максимальную эффективность на протяжении долгого времени.

Если исходный мэр Эрскин Поттер являл собой пример среднестатистического человеческого существа, если они все с таким пренебрежением относились к мелочам, тогда они должны уступить место коммунарам даже быстрее, чем рассчитывал Создатель. Смерть, которую они заслуживали, заберет их всех, со всех континентов, с такой быстротой, что слово *blitzkrieg* обретет новое значение.

Новый мэр не располагал временем для уборки кухни, особенно в первый день войны, но не смог удержаться и не войти в большую холодильную камеру, чтобы проверить ее состояние. Тут тоже следовало прибраться, но и без этого хватало забот. Как и в холодильнике в доме мэра, порядком здесь не пахло. Этим вечером в ресторане предстояло убить более ста человек, поэтому Эрскин не мог протереть все эти проволочные и стеклянные полки, но он переставил все, что стояло на них, чтобы повара и их помощники могли готовить с максимальной эффективностью, не рыская по холодильной камере в поисках нужных продуктов, как они делали это ранее.

Он не помнил, как вернулся к длинной стойке бара в главном зале. Возможно, пришел туда, чтобы проверить, правильно ли идут светящиеся часы. А когда осознал, где стоит и чем занят, оказалось, что он уже переставил половину из сотен бутылок, миксеры, шейкеры и ликеры на полках под зеркалом. Прежнее отсутствие порядка не позволяло бармену работать с максимальной эффективностью.

Не без удивления Эрскин Поттер отметил, что большая часть второй половины дня уже миновала.

Глава 50

Карсон не знала, принял ли Эддисон Хок их за агентов иностранного государства или за террористов, но, чтобы развеять вдруг возникшие у него подозрения, дала ему телефонный номер детектива, с которым они когда-то работали в Новом Орлеане. Теперь в Управления полиции Нового Орлеана он возглавлял отдел расследования убийств.

Занимаясь поиском этого номера, она вытащила из сумочки фотографии немецкой овчарки Герцога, брата Арни и Скаут, такой милой, как могла быть только Скаут. Собственно, Карсон достала из сумочки одиннадцать фотографий Скаут, и каждая последующая вызывала у нее еще более широкую улыбку, чем предыдущая.

То ли Карсон преувеличила степень подозрительности Хока, то ли ее материнская гордость показалась ему совершенно искренней, и он уже не мог не поверить, что в ее интересе нет никакой коварной подоплеки. Доставая шестую из одиннадцати фотографий, Карсон осознала, что она бесстыдно сентиментальна, а взгляд на Майкла – он сидел, разинув рот, словно у него на глазах Грязный Гарри превратился в матушку Хаббард^[30] – подсказал Карсон, что ее болтовня о Скаут превратилась в лепетание Скаут. Хока фотографии определенно заинтересовали, и к тому времени, когда Карсон показала ему последнюю из одиннадцати, он уже не видел необходимости в звонке начальнику отдела расследования убийств в Новом Орлеане.

Заговорил Хок, когда Карсон вновь села на стул.

– Рассказывая вам о Шоссе конца света, я не смогу выдать никакого государственного секрета, потому что не знаю ни одного. Известно мне следующее – дорогу построили с невероятной быстротой, всего за два года, с 1964-го по 1966-й, до моего появления на свет. Строительство вело федеральное правительство, а столь сжатые сроки говорят о том, что с затратами не считались. Строителей дороги набирали, главным образом, из местных. Параллельно в тех местах велось и другое строительство, очень большое, и там работали только приезжие. По большей части военные, а остальные, думаю, проходили очень серьезную проверку. Все строительные площадки располагались вдоль нового шоссе, и работы там велись с 1964 по 1968 год.

– Тот самый период, когда «холодная война» начала переходить в «ледяную»?

– Именно, – кивнул Хок. – Так вот, приезжие строили все, кроме самой дороги. У них был свой временный городок, на пару тысяч человек. И никто из них не приезжал в Рейнбоу-Фоллс, чтобы поразвлечься или за чем-то еще. Мы думаем, этот пункт оговаривался в их рабочем контракте. Они соглашались на полную изоляцию. Само шоссе открыли для проезда в 1969 году, и, когда это произошло, это была дорога в никуда, без единого съезда. Что там настроили, так и осталось тайной. Многие местные следопыты провели немало часов, бродя по тамошним лесам и лугам, вроде бы охотились, а на самом деле пытались хоть что-то найти, но не обнаружили никаких следов того, что располагалось под землей.

– Шахтные пусковые установки? – предположил Майкл.

– В том числе, – подтвердил Хок, – потому что вскоре после развала Советского Союза федеральное правительство демонтировало все оборудование и объявило о выводе из эксплуатации трех шахтных комплексов. Их выставили на продажу, предложив корпорациям, которые могли бы эти комплексы использовать для хранения важных архивов. Я уверен, что все три комплекса продали, но не знаю, все ли они используются. Я слышал, что в одном комплексе мормонская церковь держит дубликаты их национального генеалогического проекта, но подтверждений у меня нет.

На кухне Эрики Девкалион рассказал им о стае летучих мышей, об интуитивной догадке, которую эти мыши вызвали, об уверенности, что на этот раз Виктора они найдут не в наземном здании, вроде бывшей больницы «Руки милосердия», а глубоко под землей.

– Большинство местных жителей не верят, что строили здесь только шахтные пусковые установки, – продолжил Хок. – Они думают, что вдоль Шоссе конца света есть и кое-что еще.

– Что именно? – спросил Майкл.

Эддисон Хок пожал плечами.

– Все это домыслы, и многие из них даже менее реальны, чем научно-фантастические телефильмы. Не стоит повторять их, потому что на самом деле никто ничего не знает. Возможно, кроме шахтных комплексов, ничего тут и не было, – он наклонился вперед. – Какое отношение Шоссе конца света имеет к этому безымянному мужчине, фотографию которого вы мне показали? Нет, подождите, простите мне любопытство газетчика. Я уверен, что забота о вашем клиенте не позволяет вам раскрыть эту связь.

– Если придет день, когда мы сможем рассказать об этом расследовании, мистер Хок, вы станете одним из первых, кто все услышит. Вы нам очень помогли.

Когда она и Майкл поднялись, издатель последовал их примеру.

– Сколько времени вы намерены пробыть в городе? – спросил он.

– Честно говоря, не знаем, – ответил Майкл. – Скорее всего, несколько дней.

– Можете сказать, где остановились... на случай, если я увижу интересующего вас человека?

– Отсюда мы собираемся поехать в «Фоллс-инн», чтобы снять номер.

Хок проводил их в приемную.

– Я знаю Рейфа и Марцию Либби. Если хотите, могу позвонить им, чтобы они предоставили вам лучшее, что у них есть, по разумной цене.

– Будем вам очень признательны, мистер Хок.

– Сделаю это с радостью. Обязательно покажите Марции фотографии Скаут и Герцога. Она без ума от детей и собак.

У двери издатель поднес руку к голове, чтобы снять ковбойскую шляпу, и улыбнулся, осознав, что оставил ее в кабинете.

Хотя до сумерек оставался еще час, температура воздуха заметно упала. Из-за облаков, затемнивших небо, медленно надвигалась новая темнота.

Глава 51

Под опущенными веками его глаза пребывают в непрерывном движении.

Интеллект его столь велик, что никакие наслаждения этого мира не могут его соблазнить. Вселенная разума куда интереснее и влечет его гораздо сильнее, чем все то, что может предложить внешняя реальность.

Комната, в которой он сидит, просторна и без единого окна. Освещение мягкое. Стены – голый бетон. Пол под стать стенам.

Произведения искусства ему ни к чему, ибо его воображение заполнено прекрасными образами, создать которые не под силу ни мужчинам, ни женщинам.

Почти в центре комнаты стоит кресло, пустующее. Перед креслом – диван-кровать. Другой мебели в комнате нет.

Он сидит на диване, скрестив ноги, руки, ладонями вверх, лежат на коленях. Хотя веки опущены, его внутренние глаза широко раскрыты.

Он – Виктор Франкенштейн и не Виктор Франкенштейн. Он – не просто клон великого человека, а скорее улучшенный клон.

В течение восьми лет, которые этот Виктор провел с приостановленными жизненными функциями, почти в анабиозе, дожидаясь полного оживления, исходный Виктор ежедневно загружал в него свои воспоминания, чтобы клон мог заменить его. Этот Виктор знает все, что знал другой Виктор... и больше.

В том квазикоматозном состоянии мозг его функционировал на полную мощь. Восемь лет практически без информации, поступающей от пяти органов чувств, восемь лет исключительно внутреннего существования предоставили ему уникальную возможность сосредоточиться исключительно на проблемах создания новых живых существ.

Этот длительный период изоляции гарантировал, что он не станет просто Виктором в новом теле. Он – квинтэссенция Виктора, очищенная от посторонних примесей. В нем целенаправленность Виктора трансформировалась в абсолютную решимость.

В этих стенах не играет музыка. Никогда не играла. Для него музыка – неэффективный вид математики. Он слышит удивительные математические симфонии у себя в голове.

Насколько это возможно, он живет в тишине, сравнимой с тишиной

безвоздушного пространства между двумя галактиками. Он не любит отвлекаться от чудес своего внутреннего мира.

Он знает, почему Виктор, при всем его блестящем интеллекте, потерпел неудачу. И он знает, почему он потерпеть неудачу не может.

Прежде всего Виктор был слишком человеческим. Человеком во плоти. И при всем его презрении к человечеству он хотел того же самого, чего хотели обычные люди. И хотел в избытке.

Этот Виктор, который думает о себе, как о Викторе Безупречном, не жаждет всего того, к чему стремятся обычные людишки.

Первый Виктор полагал себя гурманом и знатоком вин. Он так гордился собственным вкусом.

Новый Виктор не терпит обеденных ритуалов. Ест самую простую пищу, быстро и без лишней суеты, только из необходимости поддерживать работоспособность машины из мяса, каковой является его тело. У него нет времени для вина или других алкогольных напитков.

Первый Виктор обожал статусные символы: огромные особняки, автомобили лучших марок, наручные часы по сто тысяч долларов, костюмы, сшитые на заказ лучшими английскими портными...

Клону Виктора статус и роскошь без разницы. Его гардероб состоит из одежды, купленной секретаршей человека, который финансирует этот проект. Вкус ее оставляет желать лучшего, а иногда просто вызывает отвращение. Но Виктору Безупречному все равно; он носит то, что ему присылают.

Первый Виктор частенько предавался похоти, даже проявлял садистские наклонности. Проводил много времени, выращивая Эрик в резервуарах сотворения, а потом жестоко используя их. Его страсть не только мешала работе, но иной раз не позволяла ясно мыслить.

Покинув Новый Орлеан с целым состоянием в брифкейсе, той ночью, когда умер первый Виктор, этот Виктор очень скоро оказался в медицинской клинике в той стране, где за хорошую цену могли провести любую медицинскую процедуру, включая и пересадку органов от идеально подходящих доноров, даже если доноры эти не имели ни малейшего желания с ними расставаться. Там его и кастрировали за очень приличные деньги.

И после этого похоть и связанные с ней фантазии более не отвлекали от текущей работы.

Власть. Вот что являлось главной целью первого Виктора. Командовать, доминировать, править. Он хотел, чтобы каждое колено сгибалось перед ним, каждое сердце боялось его.

Виктор Безупречный не хочет создавать мир рабов, тут же повинующихся каждому взмаху его руки.

Одно и только одно имеет для него первостепенное значение: выполнение миссии. Абсолютную власть он своей целью не считает. Хочет обрести ее лишь для того, чтобы реализовать одну за другой две главные цели: первую – уничтожить все человечество и его историю; вторую, после достижения первой, – навсегда уничтожить саму власть, тем самым отрицая ценность как власти, так и сотворения мира.

Он исходного Виктора он унаследовал видение мира без человечества. Но Виктор Безупречный понимает, что его видение более полное, чем было у тезки.

Исходный Виктор стремился создать Новую расу, более сильную версию человечества, лишенную суеверий и свободной воли, покорных солдат материализма, которые безжалостно ликвидировали бы всех, рожденных от мужчины и женщины, объединили планету и рванули бы к звездам, чтобы захватить всю вселенную.

Реализации именно этой миссии посвятил себя первый Виктор. Но Виктор Безупречный понимал, что речь шла о замене одного человеческого животного другим. Тем самым предполагалось, что сотворение человечества нельзя считать неудачным экспериментом, что человечество потенциально может рассчитывать на успех. Надо только подправить созданное ранее.

Уничтожение всех людей на Земле – великое достижение только при одном условии: если не заменять прежних людей новыми. После того, как его коммунары выследили бы всех, до последнего, мужчин, женщин и детей, Виктор Безупречный намеревается одномоментно убить всех, кого он создал.

И в одиночестве пожить на Земле несколько дней, возможно, семь, чтобы засвидетельствовать пустоту мира. Потом он покончит с собой, и его смерть уменьшит «Бытие» до одной главы из двадцати пяти абзацев^[31]. То есть вся так называемая святая книга сократится до одной страницы.

Он – абсолютный аннигилятор, который не только остановит историю, но и уничтожит ее.

В этот момент откуда-то сверху раздается механический, бесстрастный голос компьютера:

– *Сумерки.*

Виктор открывает глаза.

Скоро начнется первый вечер первого дня войны.

Он встает.

Глава 52

В вестибюле больницы, около центрального входа, чиф Рафаэль Хармильо давал последние указания четверем своим подчиненным, которым предстояло заняться друзьями и родственниками пациентов, решившими этим вечером прийти в больницу.

Он уже закончил инструктаж, когда к ним подошел Нед Гронски, руководитель малочисленной службы безопасности больницы, клон настоящего Гронски, которого чуть раньше скормили Строителям в подвале.

В руке Гронски держал веревку, сделанную из свернутой простыни.

– Медсестра нашла это привязанным к центральной стойке окна в палате.

– Когда?

– Полчаса тому назад. Мы обыскивали территорию.

Никто не стал бы покидать больницу через окно и по веревке, если б не знал, что через дверь выйти невозможно.

– Кто лежал в той палате? – спросил Хармильо.

– Брюс Уокер, автор вестернов.

– Что он знает? Откуда он знает?

Гронски покачал головой.

– Понятия не имею. Еще пропал и ребенок. Тревис Ахерн. Медсестра говорит, что сегодня Уокер несколько раз заходил к нему в палату.

Узнав ранее, что Намми О'Бэннон и бродяга, Конузэй Лисс, сбежали из тюрьмы после того, как повидали Строителя за работой, Хармильо решил, что эта утечка информации не повод для немедленной блокады всего города. Намми все любили, но едва ли кто поверил бы столь фантастической истории, если расскажет ее человек, который относился к набивной игрушке, как к настоящей собаке. Лисс, посаженный под замок днем раньше по обвинению в краже со взломом, разыскивался за совершенные им преступления в Неваде и Айдахо. Поэтому, скорее всего, ему хотелось только одного: оказаться как можно дальше от Рейнбоу-Фоллс. Учитывая внешность Лисса, манеру его поведения и идущую от него вонь, люди, в большинстве своем, не пожелали бы иметь с ним никаких дел. Даже если бы выслушали его, решили бы, что у него глюки. Конечно, он не был законченным алкоголиком, но выглядел именно таковым.

Чем дольше удавалось избежать блокады дорог и отключения телефонной сети, кроме нескольких объектов (пока ее отключили только в больнице), тем меньшей была вероятность того, что жители города встревожатся. Спокойная обстановка в городе повышала шансы коммунаров на успешное завершение операции: уничтожение всех обитателей Рейнбоу-Фоллс и превращение города в первую твердыню Коммуны к утру пятницы.

Девятилетний Ахерн вызывал у Хармильо не больше опасений, чем Намми О'Бэннон, но про Брюса Уокера он такого сказать не мог. Брюс прожил в городе всю жизнь, пользовался заслуженным авторитетом, ему доверяли и поверили бы каждому его слову.

Нед Гронски придерживался того же мнения.

– Кто меня тревожит, так это Уокер. В городе он личность известная.

С другой стороны, если бы у Брюса Уокера возникли какие-то подозрения относительно происходящего в больнице, скорее всего, он пришел бы с этим в полицию... а там они бы с ним разобрались. Даже если у него были причины не доверять полиции, во что Хармильо не верил, что он мог сделать еще? Собрать группу горожан, чтобы проверить больницу на предмет творящихся там злодеяний? Им никто бы не стал мешать. Всех проводили бы в подвал, где они смогли бы поближе познакомиться со Строителями.

И Хармильо решил, что нет необходимости прибегать к каким-либо радикальным мерам.

– Я дам команду всем патрульным и двойникам, которые уже находятся в городе, начать поиски Уокера и Ахерна. Их фотографии разошлю на мобильники. Как только они попадутся кому-то на глаза, их схватят и вернут в больницу для казни и переработки.

Едва он закончил, Гронски указал на стеклянную парадную дверь.

– Раз уж мы заговорили об экзекуции и переработке. Вот и первые вечерние посетители.

Глава 53

Лестница вела к незапертой двери, за которой находилась каморка в десять квадратных футов. Брюс щелкнул выключателем, вспыхнули флуоресцентные лампы под потолком и погас свет на лестнице. Вторая дверь находилась напротив первой. На стенах висели лопаты, швабры, другие инструменты для уборки крыши.

Брюс осмотрел дверь, через которую они вошли, чтобы убедиться, что она по-прежнему не снабжена автоматическим замком, и закрыл ее за собой.

Они находились уже на крыше. Снаружи это помещение выглядело, как сторожка.

Брюс открыл шкафчик, засунул на верхнюю полку наволочку с пижамой и шлепанцами Тревиса.

– Подождем здесь до темноты, – сказал он мальчику.

– Они действительно подумают, что мы спустились из вашего окна? А если сообразят, что веревка из простыни – обманка?

– Этими «что если» мы можем довести себя до паралича, сынок. В любом случае, в данной ситуации запасного плана у нас нет. Из больницы мы можем выбраться только одним путем.

Комнатка с инструментом не обогревалась, но в ней все равно было теплее, чем на открытой крыше. Однако уже через минуту Брюса начал пробирать озноб. Он оставался на ногах, потому что подошвы шлепанцев обеспечивали лучшую теплоизоляцию, чем материя пижамных штанов.

В шкафчике он нашел шпагат. Связал концы свернутого одеяла, чтобы иметь возможность нести его на плече.

– Как вы узнали обо всем этом? – Тревис обвел рукой комнатушку.

– Когда Ренни, мою жену, госпитализировали, в последние несколько дней мне разрешили оставаться при ней круглосуточно. Иногда, когда она спала, я поднимался на крышу, особенно ночью, со всеми этими звездами. Если стоишь здесь с запрокинутой головой, поначалу возникает ощущение, что все звезды расположены на одной плоскости, некоторые ярче, чем остальные, но расстояние до всех одинаковое. Потом, очень медленно, глаза твои приспособляются, и ты видишь, что одни звезды ближе, другие дальше, третьи очень далеко. Ты видишь, что звезды светят вечно, и там, у тебя над головой, вечность, и ты понимаешь, даже если когда-то в этом и сомневался, что так будет всегда.

– В эту ночь звезд нет, – указал Тревис.

– Звезды есть, независимо от того, видим мы их или нет, – заверил его Брюс.

Мальчик волновался о матери, о ее безопасности на улицах родного города, которые вдруг стали чужими. Несмотря на предупреждение Брюса о «что если», Тревис Ахерн продолжал их перебирать, дожидаясь наступления ночи.

Через какое-то время Брюс оторвал мальчика от тревог, начав задавать вопросы о матери. Мать была героем Тревиса. Когда он вспоминал о счастливых моментах их жизни, его глаза светились любовью, голос переполняла нежность.

* * *

Джин-Энн Шуто пришла в больницу, чтобы навестить свою сестру, Мэри-Джейн Верджил. Ее сопровождал Джулиан, муж Мэри-Джейн.

Президент местного отделения «Женщин-помощниц ветеранов зарубежных войн»^[32], церковная староста и основательница местного отделения «Общества красных шляпок»^[33], Джин-Энн бывала в больнице как минимум раз в неделю, навещая одну из заболевших подруг.

В руках Джин-Энн держала пластиковый контейнер с миниатюрными булочками с начинкой из грецких орехов с морковью и орехов-пекан с кабачками. Джулиан нес букет и книжку в обложке, завернутую в подарочную бумагу с кошечками.

Еще не открыв стеклянную дверь, Джин-Энн увидела чифа Хармильо и его четырех полицейских и повернулась к Джулиану: «Дорогой, наверное, какого-то беднягу застрелили».

– Появление полиции не всегда означает стрельбу, – ответил Джулиан, когда створки автоматической двери разошлись, пропуская их.

Тремя годами раньше, когда Джин-Энн уходила из больницы, где навещала подругу, которая попала в автомобильную аварию (в ее автомобиль врезался пикап, управляемый пьяным водителем), ко входу в приемное отделение подлетела «Скорая», сопровождаемая тремя патрульными автомобилями: Дона Скоуби (владельца «Стейкхауса Дона Скоуби») застрелил налетчик. И с тех пор, если Джин-Энн видела в больнице полицейского, а такое время от времени случалось, она ожидала услышать, что в городе опять кого-нибудь подстрелили.

Едва они вошли в вестибюль, к ним, улыбаясь, направился патрульный Джон Марц, муж красношляпницы Аниты, который ежегодно проводил благотворительный аукцион на нужды больницы.

– Кого застрелили? – спросила Джин-Энн, невзирая на улыбку Джона.

– Застрелили? Ну что вы, Джин-Энн. Никаких выстрелов. Проблема с заражением. Ничего серьезного, но...

– Каким заражением? – спросил Джулиан.

– Ничего серьезного, – повторил он, – но все, кто побывал в больнице в последние несколько дней, и все, у кого здесь находится друг или родственник... нам нужно, чтобы вы сдали анализ крови.

– С Мэри-Джейн все в порядке? – спросила Джин-Энн.

– Да, да, у нее все хорошо.

– Она чем-то заразилась, после того что ей пришлось пережить?

– Нет, Джин-Энн, – ответил Джон Марц. – Ей уже сделали анализ крови, никакого заражения. Много крови нам не надо. Всего капельку. Из пальца. Если вы пройдете со мной...

Следом за патрульным они пересекли вестибюль, направляясь к лифтам.

– Ее желчный пузырь не просто воспалился, – сообщила Джин-Энн Марцу. – По телефону она мне сказала, что на нем образовался абсцесс.

– Я надеюсь, это заразное заболевание ей не повредит, – вставил Джулиан.

– Нет, нет, – заверил их Марц. – Как я и сказал, анализ крови показал, что она здорова.

– А какое отношение к заражению имеет полиция? – спросила Джин-Энн. – Где врачи и медсестры?

– У них полно работы. Они попросили о помощи. По закону мы обязаны помогать, если возникает чрезвычайная ситуация.

– Чрезвычайная? – нахмурилась Джин-Энн. – Но вы говорите, что ничего серьезного.

– Действительно, ничего серьезного, – они уже вошли в кабину. – Очень многие сотрудники больницы заболели гриппом, и они обратились к нам за помощью, потому что рук катастрофически не хватает.

– И что это за заражение? – спросил Джулиан, когда двери кабины захлопнулись. – Вы так и не сказали.

– Я же не специалист, Джулиан. Если попытаюсь объяснить, покажусь вам полным идиотом. Доктор Лайтнер все вам расскажет.

Кабина уже спускалась, когда Джин-Энн спросила:

– Джон, я думала, что лаборатория по забору крови на первом этаже.

– Да, на первом. Но доктор Лайтнер распорядился развернуть вторую лабораторию в подвале, чтобы ускорить процесс.

Двери кабины разошлись, они вышли в коридор. Джон Марц повернул направо. Джин-Энн шла рядом с ним, Джулиан – на шаг позади.

Потрясающе красивый молодой мужчина вышел из комнаты по левую руку. Увидев такого красавца, Джин-Энн подумала, что это какая-нибудь знаменитость, возможно, из тех, кого она видела по телевизору.

А в комнате, из которой вышел мужчина, она углядела какие-то странные предметы – мешки из серебристой ткани, подвешенные к потолку. Формой они напоминали грушу, их наполняло что-то тяжелое.

Потом молодой мужчина закрыл за собой дверь, а Джон Марц повел их дальше, говоря: «На получение результатов уйдет лишь несколько минут. И колют они очень осторожно, – он поднял большой палец. – Даже не видно, где они меня укололи».

Джин-Энн подумала, что видела этого молодого человека в программе «Американский кумир»^[34]. Она оглянулась, но молодой человек уже исчез.

Джон Марц привел их в комнату, где в инвалидных креслах сидели пять пациентов. Закрыл дверь, оставшись рядом с ними.

– Это займет не больше минуты, – пообещал он.

Из пяти пациентов троих Джин-Энн не знала. Компанию им составляли Лорейн Полсон и Сюзан Карпентер.

Лорейн работала официанткой в «Кафе Энди Эндрюса». В больницу ее привезли в понедельник с выпадением матки. Этим утром ей собирались удалить матку. Джин-Энн навещала ее прошлым вечером, принесла ей сборник кроссвордов, которые Лорейн обожала, и маленькую корзинку с фруктами.

– Дорогая, тебе не сделали операцию?

Лорейн скорчила гримаску.

– Нет, но винить тут некого. Из-за гриппа не хватает операционных медсестер. Операцию перенесли на завтра.

– До этого вечера я ничего о гриппе не слышал, – заметил Джулиан.

– У нас тоже заболели несколько парней, – подал голос Джон Марц.

Сюзан Карпентер, парикмахерша из салона «Волосы и ногти», указала на полупрозрачный пластиковый контейнер в руках Джин-Энн.

– Это ваши знаменитые булочки, Джин-Энн, вроде тех, что вы приносили в наш салон на прошлое Рождество? Обычно я булочки не ем, но ваши были фантастическими.

– Они для моей сестры, дорогая. Она выздоравливает после удаления желчного пузыря. Ей вводят в кровь антибиотики, потому что на желчном

пузыре обнаружили абсцесс. Я не знала, что ты здесь, иначе принесла бы булочки и тебе.

– Меня привезли только сегодня после полудня, – Сюзан указала на книжку, завернутую в подарочную бумагу, которую держал в руке Джулиан. – Какие очаровательные кошечки.

– Мэри-Джейн обожает кошек, – ответил Джулиан.

– Я знаю, – кивнула Сюзан. – Не думала, что она переживет потерю Мейбел.

– По-моему, она и не пережила, – Джулиан вздохнул.

Дверь открылась, в комнату вошел другой молодой мужчина, не тот, которого Джин-Энн видела в коридоре минутой раньше. Что удивительно, еще более красивый, и вновь у Джин-Энн сложилось ощущение, что он – какая-то знаменитость.

* * *

В комнатухе на крыше больницы, куда привела лестница из чулана, Тревис посмотрел на часы.

– Я думаю, уже стемнело.

Брюс Уокер еще не продрог до костей, но подмерз основательно, и ему не хотелось задерживаться в больнице.

С крюка на стене снял швабру. Прежде чем открыть дверь на крышу, выключил свет.

Затянутое облаками октябрьское небо казалось таким же темным, как и часом раньше. Не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка. Неподвижный слой облаков словно нарисовали.

Тревис вышел на крышу первым. Брюс последовал за ним, положил черенок швабры поперек порога, чтобы дверь не захлопнулась.

Эта дверь закрывалась автоматически. И хотя больница являла собой вражескую территорию, Брюс хотел оставить за собой возможность отступления.

На большой плоской крыше стояли несколько таких сторожек, некоторые с сетчатыми или решетчатыми стенами, другие – с капитальными. В двух находились лифтовые механизмы и, соответственно, с третьего этажа туда вели лестницы. Назначения других сторожек Брюс не знал.

На один-два фута над крышей выступали накрытые колпаками вентиляционные трубы. В меркнувшем свете они напоминали грибы.

Каждый из трех корпусов Мемориальной больницы, образующих букву «П» с широкой поперечиной, снабдили крепкой стальной лестницей, намертво скрепленной с кирпичной стеной. Лестницы эти обеспечивали пожарным доступ на крышу, помимо их гидравлического трапа. Так уж вышло, что пожарные лестницы на северной стойке и на поперечине были у всех на виду, но третья лестница, которая находилась от Брюса и Ахерна дальше других, позволяла спуститься по ней, не привлекая особого внимания.

И если они шли по крыше, держась на равном расстоянии от краев, ее ширина и трехфутовый парапет по периметру не позволяли увидеть их ни с территории больницы, ни с улицы.

Брюс повернулся к мальчику.

– Под нами технический этаж, никто нас не услышит, но все равно лучше не топтать. Держись ближе ко мне.

– Хорошо.

– Не зацепись за вентиляционные трубы.

– Хорошо.

* * *

Молодой красавец двигался с грацией танцора и самоуверенностью кинозвезды. Он остановился в центре комнаты. Пятеро пациентов на инвалидных колясках, Джин-Энн Шуто и Джулиан Верджил, дожидаясь, когда у них возьмут кровь на анализ, образовывали полукруг.

Потом он им улыбнулся, и красота его стала просто неземной. Джин-Энн видела, что это не только ее реакция. Даже Джулиан смотрел на молодого человека, как зачарованный.

И хотя Джин-Энн его совсем не знала, ей захотелось подарить ему контейнер с ее знаменитыми маленькими булочками, пусть она и понимала, что этим огорчит Мэри-Джейн.

Но не успела, потому что молодой мужчина сказал:

– Я ваш строитель.

Джин-Энн понятия не имела, о чем речь, но мелодичный и приятный тембр голоса настолько ее потряс, что ей захотелось услышать, как этот молодой человек поет.

А он повернулся к Лорейн Полсон и шагнул к ней.

Когда протянул правую руку к официантке, сидевшей в инвалидном

кресле, она нерешительно улыбнулась, потом потянулась к нему, словно он пригласил ее на танец, а она не собиралась ему отказывать.

Что-то случилось с этой рукой молодого человека, прежде чем Лорейн смогла прикоснуться к ней. Сначала пальцы, а потом вся кисть начала распадаться, словно состояла из тысяч, может, и из миллионов мошек, которые, слепились вместе, имитируя кисть, но более не могли делать это столь убедительно. Форму они еще поддерживали, но кожа исчезла, вместе с ногтями и морщинками на костяшках пальцев. Кисть стала гладкой и серебристой, состоящей из роящейся массы крошечных насекомых, мириады их крылышек поблескивали, когда они яростно бились, бились, бились о воздух и друг о друга, хотя, конечно же, вряд ли кто-нибудь сказал бы, что это обычные и безобидные насекомые.

Лорейн отпрянула, но молодой человек наклонился вперед и положил руку ей на макушку, словно она – молящая о помощи, а он – духовный целитель, призывающий силу Господа, чтобы избавить ее от всех хворей.

Но тут его кисть ушла в ее голову, провалилась сквозь череп, превратив кость в масло, утонула в ее мозгу, тогда как сама Лорейн сучила ногами и отчаянно размахивала руками, но лишь мгновение, потому что потом разом обмякла. Ее глаза утонули в глазницах, исчезли из виду, на их месте появился серебристый рой, челюсть отпала, изо рта выплеснулась не горячая кровь, как ожидала Джин-Энн, но все те же миниатюрные и не жужжащие осы, только, конечно, не осы, и это множество псевдонасекомых принялось поглощать лицо Лорейн, без жужжания и не расплескивая ни единой капли крови.

Джин-Энн не отдавала себе отчета, что двигается, пока не уперлась спиной в стену и не ударилась о нее локтем, вскрикнув от острой боли, пронзившей руку.

Джулиан бросил цветы, книжку, завернутую в подарочную бумагу с кошечками, и метнулся мимо Джин-Энн к двери.

Ей хотелось убежать вместе с ним, но боль в локте, казалось, пришила ее к стене, пригвоздила к полу каблуками туфель.

Джон Марц держал в руке дубинку и опустил ее на голову Джулиану, нанеся удар такой силы, что звуком он напоминал удар бейсбольной биты по мячу, после которого последний улетал за пределы стадиона, а бэттер преспокойно совершал круговую пробежку. Джулиан рухнул на пол, словно куль с картошкой, а Джон Марц наклонился над ним, продолжая молотить по голове дубинкой. Джон Марц, жена которого состояла в Обществе красных шляпок, Джон Марц, который так забавно проводил ежегодные благотворительные аукционы, где собирались деньги для нужд больницы,

теперь с невероятной жестокостью молотил и молотил дубинкой по голове Джулиана.

Лицо красивого молодого человека превратилось в маску экстаза, когда он запустил руку в шею Лорейн, совсем как фокусник запускает руку в высокий цилиндр, чтобы достать из него кролика. Когда рука ушла по локоть, тело Лорейн начало сжиматься, словно шарик, из которого выходит воздух, а молодой человек начал раздуваться по мере того, как внутреннее содержимое тела Лорейн перекачивалось в его тело. Голова теряла форму, на лице появилась демоническая ухмылка. Теперь все его тело клубилось серебристым туманом, расплывалось, как это ранее произошло с кистью, будто он целиком состоял из миллиардов маленьких крылатых пираний, которые имитировали форму человеческого тела.

Один из пациентов, которого Джин-Энн не знала, лысый мужчина с рыжими усами, вскочил с инвалидного кресла и метнулся к двери. Попытался оттолкнуть Джона Марца, но дубинка раздробила ему пальцы, сломала нос, проломила череп. Оторвав взгляд от мертвого или умирающего мужчины, Джон Марц посмотрел на Джин-Энн, широко улыбнулся, потряс дубинкой.

– Хочешь с ней познакомиться? Подходи. Я вас познакомлю.

Соскочив с инвалидного кресла, Сюзан Карпентер забилась в один угол, еще два пациента – в другой, все кричали и звали на помощь.

Джин-Энн тоже хотела закричать, пыталась закричать, но не могла издать ни звука, не могла шевельнуться, могла только стоять, держа в руках пластиковый контейнер с маленькими булочками, держа его перед собой, сжимая с такой силой, что пальцы продавливали пластик, предлагая булочки в жертву языческому богу, в которого у нее на глазах превращался красивый молодой человек, но это злобное божество не желало удовлетвориться булочками, столько раз бравшими призы на кулинарных конкурсах, оно жаждало большего, оно желало заполучить *ее* всю.

Словно в насмешку над криками жертв молодой человек, деформировавшийся, теперь совсем и не красивый, широко раскрыл рот, и из него вырвались толстые серебристые ленты. Они упали на лицо Джин-Энн, и та мгновенно ослепла. В последний миг жизни она вспомнила свисающие с потолка мешки из серебристой ткани, формой напоминавшие грушу, наполненные чем-то тяжелым, и успела подумать: «*Не мешки. Коконь*».

Приближаясь к южному торцу крыши корпуса-поперечины, Брюс услышал слабые крики, похожие на те, что доносились из вентиляционной решетки в ванной комнате его палаты.

Услышал их и Тревис. Схватился за рукав халата Брюса.

– Подождите. Что это?

– То, что я слышал раньше.

– Они доносятся отовсюду.

– На крыше нет никого, кроме нас.

– Тогда откуда крики?

– Не бери в голову, сынок. Пошли.

– Нет, подождите. Подождите.

Мальчик покружил между вентиляционными трубами, которые выходили на крышу, склоняя голову то в одну, то в другую сторону, пока не нашел трубу, из которой доносились крики. Упал рядом с трубой на колени. Прислушался.

Голоса доносились издалека, через волокнистые фильтры и медленно вращающиеся лопасти вентиляторов, пройдя по длинному извилистому вентиляционному тракту. Но ужас и отчаяние звучали в них так явственно, что Брюса затрясло скорее от этих криков, чем от холодного воздуха.

– Это не телик, – вырвалось у мальчика.

– Нет.

– Кричат люди. Настоящие люди.

– Не слушай. Пошли.

– Их убивают? – спросил Тревис.

– Не слушай. Слушая, крики не остановишь.

– Мы должны им помочь. Разве мы не можем им помочь?

– Мы не знаем, где они, – ответил Брюс. – Разве что в подвале.

– Должен же быть какой-то путь вниз. Мимо охранников.

– Его нет.

– Должен быть путь, – настаивал мальчик.

– Я знаю, о чем ты. Но бывают ситуации, когда ничего сделать нельзя.

– Мне дурно только от того, что я слышу эти крики.

– Если мы каким-то образом доберемся до них, то окажемся в таком же положении, что и они. И тогда в вентиляционном коробе зазвучат наши голоса.

– Но это ужасно, не помочь им.

– Да. Теперь пошли.

– А что с ними происходит?

– Не знаю. И незачем нам это выяснять, сынок. Пошли. Возможно,

отпущенное нам время истекает.

С неохотой Тревис поднялся и присоединился к старику.

Когда Брюс положил руку мальчику на плечо, тот почувствовал, как сильно она дрожит.

– Мне нравится твой порыв, Тревис. Это правильный порыв. Мы не можем спасти этих людей. Они уже умирают. Но, если мы сумеем найти подмогу и узнать, что тут происходит, тогда, возможно, мы сможем спасти других.

– Мы должны.

– Мы попытаемся.

Крыша корпуса-поперечины перешла в крышу южной стойки. Пожарная лестница поднималась над парапетом в том самом месте, где Брюс и ожидал ее найти.

Небо напоминало поле фосфоресцирующего пепла, на востоке чуть более темное, чем на западе, но темное от горизонта до горизонта.

Наклонившись через парапет вместе с Тревисом, Брюс увидел мощеную дорогу, проложенную вдоль здания, освещенную разнесенными на одинаковые расстояния фонарями. Он не мог разглядеть заросшего травой пологого склона, который начинался на некотором удалении от дороги, обеспечивающей подъезд пожарной машины, но помнил его по прежним прогулкам по крыше. Склон вел к сосновой роце. Контуров деревьев чуть виднелись в отсветах фонарей.

– С каждой стороны лестницы окна, – объяснил Брюс. – О них не тревожься. Спускаться придется футов на тридцать, может, чуть больше. Справишься?

– Конечно. Без проблем.

– Это пожарная дорога. Она не используется сотрудниками или для доставки чего бы то ни было. Вероятность, что нас увидят, очень мала, поэтому спускаться можно без особой спешки.

– Хорошо. Я готов.

– Ты идешь первым. Когда спустишься, пересеки дорогу, отойди футов на двадцать в траву и ложись. Темнота и склон скроют тебя.

– Вы спуститесь сразу за мной?

– Я подожду, пока ты не доберешься до травы. Нам обоим нет смысла светиться на открытой местности. Потом мы обратимся за помощью к моему другу.

Быстро и уверенно мальчик спустился вниз и пересек пожарную дорогу. Когда улегся в траве и посмотрел вверх, его лицо казалось маленьким белым овалом.

Перекладыны лестницы больше напоминали кольца, чем ступеньки. Тонкие, гибкие подошвы шлепанцев Брюса то и дело грозили с них соскользнуть, но все-таки старик добрался до земли без происшествий.

Уже на склоне мальчик поднялся, когда Брюс подходил к нему.

– Сначала мы должны пойти ко мне домой. Мама вернется туда после работы, перед тем как навестить меня. Возможно, она уже дома. Мы должны остановить ее до того, как мама поедет в больницу.

– Возможно, они следят за домом.

– Но мы должны остановить ее. Эти кричащие люди. Такого не должно случиться с ней. Не должно.

– Хорошо. Сначала пойдем к твоему дому. Но, даже не будь я в таком одеянии, нам следовало бы избегать центральных улиц.

– Я знаю эти сосны, – Тревис указал на рощу. – По другую их сторону Низина.

Низиной назывался бедный район Рейнбоу-Фоллс, расположенный ниже остальных. Убогие коттеджи чередовались там со старыми домами на колесах, и мало кто из тамошних жителей помнил, что лужайки положено регулярно выкашивать.

– Наш дом в Низине, – продолжил Тревис. – Мы доберемся туда незамеченными.

Мальчик направился вниз по склону к соснам, Брюс последовал за ним.

Вечерняя роса еще не сконденсировалась на высокой траве. Холодные зубы ночи кусали голые лодыжки Брюса.

Глава 54

Сумерки только-только начали сгущаться, когда мистер Лисс поднялся на парадное крыльцо и позвонил в дверь дома, стоящего в конце узкой улицы. Никто не отозвался. Он воспользовался отмычками, чтобы открыть замок.

– Теперь мы беглецы из тюрьмы, дважды взломщики домов и воры, – вздохнул Намми.

– Мы пока ничего не украли, – возразил мистер Лисс, переступая порог. – И это я беглец из тюрьмы и взломщик, а ты всего лишь надоедливый entourage^[35].

– Что это за слово?

В доме мистер Лисс огляделся.

– Неважно. Тебе это слово никогда не понадобится.

Намми последовал за ним.

– Кое-что мы украли. Еду миссис Труди Лапьер.

– Ты помнишь... она пыталась организовать убийство своего мужа и повесить его на тебя?

– От этого ее еда не стала нашей. Вы хотите оставить эту дверь открытой?

– Закрой ее, – ответил мистер Лисс. – И, чтоб ты знал, я собираюсь заплатить за еду.

– Это будет правильно. И когда вы собираетесь за нее заплатить?

Мистер Лисс включил свет в прихожей.

– Когда выиграю в лотерею.

– Вы собираетесь выиграть в лотерею?

– Билет у меня уже в бумажнике. Осталось только забрать деньги после того, как выигравший номер объявят.

Мистер Лисс включил свет и в гостиной. Обои в больших цветах, обивка мебели – в маленьких.

– Когда вы выиграете в лотерею, тогда и отдадите мне ссуду в три пятерки, десять купюр по одному доллару, еще десять купюр по одному доллару и еще три купюры по одному доллару?

– Именно тогда, – мистер Лисс медленно поворачивался, оглядывая комнату.

– А если кто-то придет домой? – беспокоился Намми.

– Мы здесь надолго не задержимся. Никто не придет до того, как мы

уйдем, – они перешли в столовую. – Ты только посмотри!

Внимание мистера Лисса привлекла картина, изображающая Иисуса Христа, скачущего на лошади. Как обычно, в белых одеждах, но в ковбойских сапогах вместо сандалий и в шляпе вместо нимба.

– Это ж надо! – воскликнул мистер Лисс.

Намми не понимал, чему тут удивляться. Разумеется, Христос мог скакать на лошади. Христос мог делать что угодно.

Намми услышал, как скрипнуло дерево, вроде бы половица, в другой части дома.

– Что это? – спросил он.

– Что – что?

– Этот скрип.

– Старые дома скрипят. Никого здесь нет.

– Возможно, вы ошиблись в том, что никто не придет, – сомневался Намми.

– Персиковое варенье, ты помнишь почтовый ящик в конце дороги, которая ведет к дому, так красиво разрисованный?

– Мне понравился тот разрисованный ящик.

– Среди прочего, на нем написали: «Скачи вместе с Иисусом».

– Я не могу читать, – напомнил Намми. – Бабушка всегда читала мне хорошие истории. А перед тем, как бабушка умерла, она надиктовала их на пленку, чтобы я мог слушать мои любимые истории, когда мне этого захочется.

– Тебе не понравилось, что я достал из этого ящика почту и просмотрел ее. Но я проглядывал их почту раньше и узнал кое-что важное.

– Узнали что? – спросил Намми, уже на кухне.

– Во-первых, первый раз заглянув в ящик, я выяснил, что почта адресована преподобному Келси Фортису и его жене, и окончательно убедился, что здесь живут именно они.

– Вы хотите сказать, что мы забрались в дом священника?

Мистер Лисс открыл одну из дверей.

– В подвал, – он закрыл дверь. – Приехав в город, я купил местную газетенку и пролистал ее, обращая внимание на грядущие события светской жизни в этом жалком захолустье. Плохиши, вроде меня, должны знать о планах хороших людей, чтобы выбрать наилучшее время для визита к ним.

– И какое лучшее время для визита? – спросил Намми.

– Когда их нет дома, разумеется, – мистер Лисс открыл другую дверь, оглядел полки в просторной кладовой. – В местной газете я прочел, что в

первый вторник каждого месяца церковь преподобного Фортиса проводит встречу семей прихожан в каком-то говенном ресторане. Извини, Персиковое варенье.

– Это хорошо.

– Что, хорошо?

– Извиняться за нехорошее слово. Извиняться – шаг в правильном направлении.

– Да, конечно. Поэтому я выяснил адрес Фортиса и принялся дожидаться вечера первого вторника, то есть сегодняшнего вечера. А заглянув в почтовый ящик, предлагающий скакать с Иисусом, я увидел, что сегодняшнюю почту не доставали, и понял, что домой еще никто не возвращался. Учитывая, что встреча эта начнется только через полчаса, я готов поставить на кон все свои деньги, а это три пятерки, десять купюр по одному доллару, еще десять купюр по одному доллару и еще три купюры по одному доллару, что до ее завершения в дом никто не вернется.

– Спорить на деньги нехорошо.

Мистер Лисс закрыл дверь в кладовую.

– Он, вероятно, держит их в кабинете, если тут есть кабинет.

– Держит что? – спросил Намми.

– Священнику нужен кабинет, чтобы писать проповеди, – изрек мистер Лисс и нашел дверь в кабинет в коридоре, который отходил от кухни.

В кабинете стояла обитая кожей мебель и большой стол. Украшали кабинет статуэтки и фотографии лошадей.

Намми подумал, что мистера Лисса заинтересует стол, на котором тот мог найти проповеди священника и прочитать их, но ошибся. Одну стену занимал высокий шкаф с четырьмя стеклянными дверцами. В шкафу хранилось оружие, которое несказанно обрадовало мистера Лисса.

– Неделю назад, когда я впервые просматривал почту преподобного, в ящике лежал журнал «Национальной стрелковой ассоциации»^[36]. И еще в лачуге Лапьеров мне пришла мысль о том, что здесь я смогу вооружиться, чтобы защищаться от марсиан.

Попытавшись открыть дверцы, мистер Лисс обнаружил, что они заперты. Вместо того чтобы достать из кармана отмычки, взял со стола большую чугунную статуэтку лошади и разбил ею все четыре стеклянных панели.

– Вам придется заплатить за это из лотерейного выигрыша, – указал Намми.

– Нет проблем. Выигрыш будет большим.

Наблюдая, как мистер Лисс достает из шкафа разное оружие и коробки

с патронами, Намми занервничал.

Перестал наблюдать, прошелся по кабинету, разглядывая фотографии лошадей. Некоторые запечатлели только лошадей, на других люди стояли рядом с лошадьми, люди сидели на лошадях, но Иисуса среди них Намми не нашел.

Вновь услышал скрип.

– Вот оно.

– Что – оно?

– Вы слышали.

– Ты слишком легко пугаешься.

– Теперь перестало.

Из дома Лапьеров мистер Лисс вышел в длинном теплом пальто, которое он одолжил у Бедного Фреда. Зарядив оружие, он положил по одному в два больших кармана пальто. В другие рассовал патроны, словно карамельки, которые хотел съесть позже. Еще он взял длинное оружие, которое не умещалось в кармане, и чувствовалось, что оружие это мистеру Лиссу нравилось, он улыбался, когда смотрел на него.

– Я боюсь, – признался Намми.

– Если не пугаться так легко, как пугаешься ты, страх – это хорошо. По городу сейчас бродит что-то более страшное, чем сопля Сатаны. Если бы ты не боялся, то был бы самым тупым тупицей в мире, а ты не самый тупой. Если на то пошло, в мире полным-полно людей, которые не тупицы, но намного тупее тебя. Высокоинтеллектуальных, хорошо образованных идиотов хоть пруд пруди.

– Я этого не знаю, – ответил Намми.

– Зато знаю я. Пошли, тебе нужно пальто.

– Какое пальто? – спросил Намми, выходя следом за мистером Лиссом из кабинета.

– Теплое и подходящее по размеру.

В стенном шкафу у парадной двери мистер Лисс нашел синее пальто, стеганое, как покрывало. С капюшоном, отороченным мехом, который можно было поднимать и опускать, и Намми насчитал шесть карманов на молнии.

– Это хорошее пальто.

– И подходит по размеру.

– Но я не могу украсть пальто священника.

– Может, перестанешь обвинять меня в воровстве? Я собираюсь написать расписку за разбитые стекла, оружие, патроны, пальто и пользование туалетом до того, как мы уйдем, за то, что мы дышали

воздухом этого дома и за все прочее, и положить ее на стол преподобного, с обещанием заплатить из моего лотерейного выигрыша.

– И вы действительно заплатите?

– С каждой минутой я все больше боюсь, что так оно и будет.

– Спасибо, сэ. Мне нравится мое пальто. Оно мне нравится больше любого пальто, которое я когда-нибудь надевал.

– Ты в нем выглядишь симпатягой.

Намми уставился в пол.

– Нет, не выгляжу.

– Не говори мне, что нет, потому что выглядишь. И пальто на тебе выглядит лучше. А теперь пошли.

Мистер Лисс начал подниматься по лестнице.

– Куда вы идете? – спросил Намми.

– Хочу посмотреть, что наверху.

Намми не хотел подниматься на второй этаж дома священника в его отсутствие. Но ему не хотелось и оставаться одному внизу, среди мебели с обивкой в цветочек и у картины с ангелами-ковбоями, которые вязали какие-то странные узлы, с разбитым стеклом в кабинете и с громко тикающими напольными часами. С неохотой он последовал за мистером Лиссом.

– А на что вы хотите посмотреть?

– Прежде всего на то, что я, возможно, захочу купить у преподобного и внести в расписку.

– Наверху только кровати и вещи.

– Может, я захочу купить кровать.

– Мы не сможем унести кровать, сэ.

– Тогда, может, я захочу купить вещи.

– Какие вещи?

– Которые находятся наверху рядом с кроватью.

– Я не знаю, какие там вещи.

– Тогда чего ты морочишь мне голову? Мы поднимаемся именно для того, чтобы посмотреть. Возможно, я буду разочарован.

– Вы уж извините меня, но иногда я не могу понять, что вы такое говорите.

Мистер Лисс включил свет в коридоре второго этажа.

– Иногда я сам себя не понимаю. Но меня это не останавливает. Знаешь, сколько дней среднестатистический человек тратит на то, что не имеет ровно никакого смысла?

– Сколько?

– Чуть ли не все.

Мистер Лисс вошел в спальню, включил свет и вновь произнес плохое слово, на этот раз забыв за него извиниться.

Когда Намми переступил порог, он увидел три больших серых мешка, свисающих с потолка. Они напоминали коконы, из которых вылезали мотыльки и бабочки, только мотыльки и бабочки, которые могли вылезти из этих коконов, размером не уступали бы людям.

Глава 55

Из кухни Эрики Девкалион вышел в парк в центре города. С наступлением темноты он мог провести разведку, не привлекая к себе внимания.

Он изучил карту Рейнбоу-Фоллс с нанесенной на ней сеткой секунд долготы и широты, которую Эрика скачала ему из Интернета. И хотя никогда не был в этом городе, ему не составляло труда уверенно перемещаться от одного ориентира к другому. Как и обычно, чем чаще он путешествовал по какой-то конкретной территории, тем легче и точнее становились его переходы с места на место. Он быстро обретал все необходимые знания о каждом квадратном футе Рейнбоу-Фоллс.

Начал Девкалион с парка, потому что вечер выдался холодным, и он мог не сомневаться, что там не будет ни души. И действительно, фонари освещали только пустынные дорожки, и никто не сидел на скамейках, мимо которых проходил Девкалион.

В центре парка высилась статуя солдата, прижимающего каску к груди, с откинутой назад головой и устремленными к небу глазами. К гранитному пьедесталу крепились бронзовые таблички с именами и фамилиями молодых мужчин и женщин, которые родились в этом городе, ушли отсюда на войну и не вернулись домой.

Такие монументы всегда трогали оба сердца Девкалиона. Он чувствовал, что эти люди ему близки, они *знали*, как знал он, что зло – не просто слово и его нельзя, походя, переформулировать в угоду изменяющимся стандартам, они знали, что зло бродит по миру, и ему необходимо сопротивляться любой ценой. Отказ от сопротивления, любой компромисс со злом рано или поздно привел бы к тому, что на шее человечества затянулся бы смертельный узел, все невинные погибли бы и солнечный свет уже не смог бы разогнать вечную тьму.

Используя свои уникальные способности, Девкалион перемещался по парку. От монумента к пруду, к выходу на авеню святого Игнатия, к детской площадке с качелями и досками-качалками. Там и тут он просто шагал под деревьями, на которых голуби издавали звуки, напоминающие кошачье мурлыканье, и в конце концов вышел к Беапо-лейн, где постоял в густой тени сосен, наблюдая за проезжающими по улице автомобилями.

Сознательно он ничего не искал. Не мешал городу произвести на него впечатление, какое тому и хотелось. Будь Рейнбоу-Фоллс духовно

здоровым городом, где надежда брала вверх над безысходностью, где процветала свобода, где добродетель заметно перевешивала греховность, Девкалион бы понял, что попал в хороший город. Но, если бы основание города начало гнить, он бы понял и это и интуитивно начал бы замечать следы, ведущие к источнику болезни.

Из парка он перебрался на берег реки, рядом со знаменитыми водопадами, над которыми постоянно клубился туман, а в солнечный день вились радуги. Но ночью туман обесцвечивался, превращался в легион белесых призраков, поднимающихся с каждого из шести каскадов и дрейфующих на восток, вниз по течению.

Отвернувшись от реки, он шагнул на колокольню церкви Святой Елены. Какое-то время смотрел на поток транспорта по Коди-стрит, на тепло одетых пешеходов, идущих домой или на обед в какой-нибудь ресторан, на покупателей за сверкающими витринами магазинов... потом оказался в тихом спальном районе, где жили представители среднего класса, в переулке за кинотеатром «Радуга», на плоской крыше, огороженной парапетом, с которой открывался вид на Беатут-авеню...

Автофургоны – только они вызвали у него недоумение. Он увидел их пять, в разных частях города: большие автофургоны с небесно-синими кабинами и белыми кузовами. Новенькие, чисто вымытые, сверкающие, без названия компании на бортах или дверцах кабины. Ни разу он не видел, чтобы их разгружали или в них что-то загружали. Они всегда проезжали мимо. В кабине всякий раз сидели двое мужчин, и Девкалион, наблюдая за ними, отметил, что в одном водители едины: выказывали абсолютное уважение к светофорам, знакам «Стоп», другим правилам дорожного движения.

Пользуясь своим даром, переносясь с крыши на крышу, к углу тихой улочки, в переулок, на темную автостоянку, вдоль которой проходила улица, снова на крыши, Девкалион шаг за шагом следовал за одним таким автофургоном, пока тот не прибыл к складу около железнодорожных путей. Большие ворота склада поднялись, фургон заехал в здание, ворота тут же опустились.

Девкалион обошел склад в поисках окна, но не нашел. Как и на автофургоне, на стенах он не увидел названия компании, которой этот склад принадлежал.

Он мог пройти сквозь стену так же легко, как и через открытую дверь, но не знал внутреннего устройства склада или того, что там происходило, поэтому его могли увидеть. Если бы автофургоны имели отношение к Виктору, Девкалиона бы засекли, его приметы передали бы Виктору, он

лишился бы элемента внезапности, а ему не хотелось расставаться со столь крупным козырем.

Присев за большим мусорным контейнером, Девкалион не отрывал глаз от ворот, дожидаясь, когда они поднимутся вновь.

Глава 56

Эрика Пятая пробыла женой Виктора только два дня, пусть и насыщенных бурными событиями, поэтому на ее долю выпало меньше страданий в сравнении с теми Эриками, что были до нее. Она не успела узнать его так же хорошо, как знали они, но и двух дней хватило, чтобы она порадовалась тому, что он умер, и смерть его была мучительной, и принял он ее от рук собственных созданий. Но теперь, когда выяснилось, что он жив, – пусть не он сам, а его клон – ее охватило предчувствие дурного.

Она с готовностью согласилась во всем помогать Девкалиону, Карсон и Майклу, но, пока они оценивали ситуацию и составляли план действий, полагала, что может следовать привычному порядку. Больше всего она любила читать, посвящала этому занятию все вечера. Читала не для удовольствия: через книги пыталась понять, каково это – быть человеком.

Созданная в лаборатории, пусть из плоти и крови, она не могла считаться человеческим существом, несмотря на абсолютное – внешнее – сходство. Насколько она знала, ей не было места в этом упорядоченном мире. Она не была невинной, как вся живность, населяющая леса и поля, но и не была падшей, потому что ниоткуда не падала. Тем не менее во всем, кроме одного, самого важного, она не отличалась от человека, и с хорошей книгой, особенно с романом, могла полностью погрузиться в перипетии человеческих жизней и, страница за страницей, все лучше понимать их. Она не была человеком, но стремилась им стать.

За последние два года Джоко привык сидеть рядом с ней в гостиной или, в хорошую погоду, на крыльце, погрузившись в свою книгу. Время от времени он восклицал: «Ой-ей! Нет, нет! Кошмар! Катастрофа!» – если в книге происходило что-нибудь неожиданное, или что-то бормотал, или вздыхал, или смеялся. Но, сидя в кресле и держа книгу в руках (или в ногах, которые справлялись с этим ничуть не хуже), ее маленький друг никогда не проявлял гиперактивности, не начинал крутить пируэты или вертеть сальто. Книги служили для него риталином^[37].

В этот вечер Джоко не захотел читать и вообще вести себя так, будто ничего не изменилось. Виктор Франкенштейн жив! Клон Виктора! Продолжает обдελывать свои делишки в Рейнбоу-Фоллс или неподалеку! Кошмар! Катастрофа! На кону стояло все самое дорогое: их счастье, свобода, жизнь, булочки с корицей Джима Джеймса!

Но переживал он не столько из-за угроз, внезапно нависших со всех

сторон, как из-за собственной неспособности что-то с этим сделать. Девкалион, Карсон и Майкл находились в городе, оценивали обстановку, собирали информацию, отыскивали ниточки, выслеживали змея в его гнезде или где там выслеживают змеев, если знать об их жизни больше, чем знал Джоко. Но из-за своей экстраординарной внешности он не мог мчаться в город, чтобы выискивать и вынюхивать, нарывать и визнавать. Он знал, что у него должна быть своя роль в битве с Виктором, но понятия не имел, какой эта роль будет.

И, пока Эрика сидела в гостиной в кресле, положив ноги на скамеечку, читала книгу, поставив рядом высокий стакан сливок со льдом, Джоко то и дело проходил мимо кресла, уходя в коридор и возвращаясь из него, жестикулируя, что-то бормоча себе под нос. Иногда вдруг начинал волочить ноги, или они у него заплетались, или он наступал одной на другую, пребывая в слишком мрачном настроении, чтобы делать пируэты или кувыряться. Клял себя за никчемность, некомпетентность, бесполезность. Страдал из-за собственного уродства, которое так ограничивало его возможности, сожалел о том дне, когда перестал быть безмянной и безмозглой опухолью.

Когда Девкалион позвонил из города с поручением для Эрики, она почувствовала облегчение, поняв, что с этим поручением Джоко, обладающий соответствующими навыками и темпераментом, справится лучше нее. Понимая, что Эрика стала хакером, Девкалион продиктовал ей фирму-изготовителя, модель и номерные знаки автофургона, который заинтересовал его, и спросил, сумеет ли она залезть в базу данных департамента транспортных средств, чтобы выяснить, кто владелец автофургона и по какому зарегистрирован адресу.

Эрика скорее не жаловала Интернет, чем любила. По ее мнению, Сеть выкачивала больше информации, чем выдавала, медленно, но верно подминая под себя все. Она взламывала только те сайты, что сеяли ненависть или распространяли опасные утопические идеи, и лишь для того, чтобы устроить хаос в их базах данных и доставить им лишние хлопоты.

С другой стороны, Джоко обожал взламывать коды, находить обходные пути, бороться с вирусами, добывать глубоко запрятанные данные. Он напоминал киберковбоя, который мог куда угодно примчаться на виртуальном коне. Он был намного умнее, чем иногда казался, но его самое большое преимущество, как хакера, состояло не в уме, а в привычке не пасовать перед трудностями, рваться и рваться к поставленной цели, в сочетании с необычным образом мышления и способностью не спать месяцами, если возникала такая необходимость. К этому следовало

добавить потрясающую гибкость его странных рук и еще более странных ног – он мог пускать в ход руки и ноги одновременно, нажимая сразу на множество клавиш – и стремление сделать все возможное и невозможное, чтобы приемная мать им гордилась.

После разговора с Девкалионом Эрика вышла из гостиной в коридор, но Джоко уже исчез на кухне, по-прежнему пребывая в тревоге и ругая себя. Она услышала его злое бормотание где-то рядом с кухонным столом, его шаги, и через мгновение он появился в дверном проеме, тряся кулаком перед своим лицом, будто собирался дать себе тумака.

Он не надел ни один из четырнадцати шутовских колпаков с колокольчиками. Это время никак не подходило для веселых головных уборов. В такое время следовало надевать власяницу, только власяницы у Джоко не было, Эрика наотрез отказалась шить ему власяницу, как он ни просил ее купить рулон волосяной ткани и сесть за швейную машинку.

Приближаясь к Эрике, он фыркал на себя, высмеивал себя, ругал, уничижительно тыкал себе в грудь пальцем, то и дело наступал себе на ноги, презрительно приговаривая: «Ты этого заслужил! Так тебе и надо! Дурачина!»

Когда Джоко подошел к Эрике и попытался ее обойти, она загородила ему дорогу.

– Позвонил Девкалион. У него срочное дело, которое он может доверить только тебе.

Джоко посмотрел налево, направо, за плечо. Снова на Эрику.

– Какому тебе? – спросил он.

– Тебе, малыш.

– Мне?

– Да.

– Мне, Джоко, мне?

– Совершенно верно.

И такой восторг отразился на его лице, что зеркало, будь оно перед ним, наверняка бы разлетелось на мелкие осколки. Но тут же восторженное сияние затуманилось подозрительностью.

– Какой Девкалион? – спросил он.

– Я знакома только с одним.

Джоко склонил голову, сощурился, изучая лицо Эрики в поисках подвоха.

– Высокий парень, с большими ногами, огромными кулачищами, татуированным лицом и странным светом, иногда пульсирующим в глазах?

– Да. Он самый.

– У него есть поручение для Джоко? Важное поручение? Это удивительно. Это потрясающе. Это прекрасно. Так приятно, когда ты нужен. Но, разумеется, Джоко не справится.

Эрика протянула ему листок из блокнота, на котором она записала название фирмы-изготовителя, модель и номерной знак автофургона.

– Он хочет, чтобы ты проник в компьютер департамента транспортных средств и узнал имя и адрес человека, которому принадлежит этот автомобиль.

Джоко смотрел на листок из блокнота, как на священную реликвию. Его язык облизал периметр рта, заменяющий ему губы.

– Знаменательный день, – прошептал он.

– Возьми, сладенький.

– Сегодня Джоко стал членом команды. Соратником. Бойцом. Воином. Одним из хороших парней.

– Бери, – настаивала Эрика.

Джоко выхватил листок из ее руки, развернулся, крикнул: «Банзай!» – и побежал по коридору к кабинету, где стоял компьютер.

Глава 57

Пропустив завтрак из-за Чанга, пропустив ленч из-за необходимости телепортироваться в Монтану и начать охоту на монстра, выпив только по чашечке кофе и съев по одному печенью в доме Эрики, отделенные тысячью миль от несравненных клеток с яблоками Мэри Маргарет, Карсон и Майкл решили, что они устроят себе ранний обед, как только зарегистрируются в «Фоллс-инн».

По-прежнему в калифорнийской одежде – понимая, что негоже появляться в ресторане в водонепроницаемых, утепленных спортивных костюмах и лыжных ботинках – они, дрожа на осеннем ветру, отшагали два квартала, отделяющих отель от «Кафе Энди Эндрюса». Их встретил выложенный медными пластинами потолок, стены, отделанные сосновыми панелями, скатерти в красно-белую клетку. Чистое и уютное местечко, тихая гавань в безумном мире.

Полицейские в Новом Орлеане, потом детективы отдела расследования убийств и, наконец, частные детективы в Сан-Франциско, они всегда добивались наилучших результатов, когда работали на полный желудок. В голове Карсон – и Майка тоже – полицейская работа и сытная еда составляли единое целое. Вкусная, с аппетитом съеденная пища помогала им легко и непринужденно ловить самых опасных преступников. Соответственно, если ты не ловил преступников, скажем, заполнял за столом бесконечные отчеты или, прости Господи, тебя отправили в отпуск, даже самые изысканные блюда утрачивали вкус.

Прежде чем они сели за столик, Карсон поняла, что у «Кафе Энди Эндрюса» немало плюсов. Рот наполнился слюной от ароматов, пропитавших воздух и вида еды на тарелках других посетителей. Желудок затрепыхался, колени подогнулись.

Они заказали бутылку превосходного калифорнийского «каберне»: что бы ни задумал Виктор-клон, едва ли он собирался в этот вечер, только чуть позже, взорвать атомную бомбу на перекрестке Беатут-авеню и Коди-стрит или совершить другую пакость такого же масштаба, а потому они могли немного расслабиться. Исходили из того, что клон так же обуюн гордыней, как и его создатель, и эксперименты клона будут вновь и вновь заканчиваться неудачей, хотя он по-прежнему будет стремиться к господству над миром.

– Мне нравится Рейнбоу-Фоллс, – поделился своими первыми

впечатлениями Майкл.

– Приятный городок, – согласилась Карсон.

Майкл указал на две пары, которые сидели за разными столиками.

– Мы могли бы надеть наши водонепроницаемые, утепленные спортивные костюмы.

– Или ковбойские шляпы, – Карсон говорила о других посетителях.

– Мода на готику здесь не прижилась.

– И мотоциклетные банды, похоже, не в почете.

– И украшения для носа – тоже.

– Это меня как раз не волнует, – заметила Карсон.

– Если б мы жили здесь, Скаут могла бы стать участницей родео.

– Меня это устроило бы. Участники родео иной раз становятся президентами^[38].

– Она будет вести предвыборную кампанию под слоганом: «Ни один бык не сбросит меня, и я не сброшу быка».

– Если, конечно, страна доживет до того времени, когда она сможет баллотироваться в президенты.

Заказали они одно и то же: мясной рулет с зелеными перчиками чили и сырным соусом, подающийся с горой жареного картофеля, нашинкованным перцем, кукурузным хлебом и таким количеством взбитого масла, что его хватило бы для смазки восемнадцатиколесного трейлера.

Все было такое вкусное, что несколько минут оба молчали. Потом Майкл спросил:

– Ты не помнишь, в меню они указали фамилию и адрес кардиолога?

– В таких маленьких городках кардиологов нет. Здесь сразу звонят в «Рото-рутер»^[39].

Когда тарелки унесли и Карсон с Майклом допивали вино, в кафе вошла молодая женщина. Она пересекла зал, направляясь к столику у стены, не дождавшись, пока старшая официантка найдет ей место. Возможно, она относилась к завсегдатаям, которые имели определенные льготы, но что-то в ее поведении говорило об обратном.

– Симпатичная девушка, – отметил Майк.

– Что еще, Казанова?

– Какая-то она напряженная.

– Ты не подразумеваешь – пьяная?

– Я подразумеваю – деревянная... судя по тому, как эта симпатия движется.

Женщина села, сложив руки на коленях. Застыла, уставившись в

никуда.

– Майкл, с ней что-то не так.

– Может, выдался неудачный день.

– Посмотри, какая она бледная.

– И что это за украшение для лица? – спросил Майкл.

– Где? На виске?

Официантка подошла к столику женщины.

– Такого украшения я еще не видел, – Майкл не отрывал глаз от женщины.

– Каким образом оно держится? – задала Карсон логичный вопрос.

– Люди уже начали приклеивать вещи к лицам?

– Жизнь становится для меня слишком уж странной, – и слова Карсон прозвучали, как заклинание, открывшее доступ в мир новым странностям.

Глава 58

Потолок между сосновыми балками оштукатурили, а серые коконы свешивались с балок на толстых, бугорчатых серых веревках. Поначалу коконы казались влажными, поблескивали жирноватой влажностью, как подгнивающие листья капусты или салата, но потом Намми увидел, что они совсем и не влажные. Они выглядели влажными именно из-за того, что поблескивали, но поблескивали не ярко, как лампочки на рождественской ели, а тускло, зловеще, как... ничего подобного раньше он не видел.

Намми остался в дверях, но мистер Лисс шагнул к зловещепоблескивающим мешкам.

– Здесь у нас что-то особенное, парень. Что-то серьезное.

– Можете взять их все, – ответил Намми. – Мне они не нужны.

Кокон висел на расстоянии друг от друга, поэтому, когда мистер Лисс обходил первый по кругу, ему приходилось поворачиваться спиной к остальным, и Намми это нервировало.

– Они выглядят влажными, но они не влажные, – сообщил ему мистер Лисс. – Что-то еще происходит на поверхности.

– Я люблю фильмы, где люди много смеются и происходит что-то хорошее, – сказал Намми.

– Перестань пороть чушь, Персиковое варенье, я пытаюсь все это обдумать.

– Я хочу сказать, – Намми сунул руки в карманы нового синего пальто и сжал пальцы в кулаки, чтобы унять дрожь, – что я не люблю фильмы, где людей что-то ест. Я их выключаю или меняю канал.

– Это реальность, парень. У нас только один канал, и единственный способ его поменять – умереть.

– Это же несправедливо. Близо не подходите.

Мистер Лисс тем не менее приблизился к кокону, наклонился, чтобы получше его рассмотреть.

– Я могу сказать плохое слово, – добавил Намми. – Все шесть. Мне хочется их сказать.

– Поверхность все время шевелится, – поделился мистер Лисс своими наблюдениями. – Пребывает в непрерывном движении, словно это шар из самых крохотных муравьев, какие только бывают, но это не муравьи.

– Внутри что-то есть.

– Блестящий вывод, Шерлок.

– И что это значит? – спросил Намми.
– Это значит, да, внутри что-то есть.
– Я вам так и сказал.
– Любопытно. Что произойдет, если я его ткну? – и мистер Лисс приблизил конец длинного оружия к кокону.
– Не трогайте его, – предупредил Намми.
– Всю жизнь трогал все, что хотелось потрогать.
– Пожалуйста, не трогайте, сэр, – взмолился Намми.
– С другой стороны, это не какая-то чертова пиньята^[40].
Потолок скрипнул, словно балки с трудом выдерживали вес коконов.
– Вот это я слышал внизу. А вы мне сказали... вы мне сказали, что это старый дом, а они скрипят.
– Они скрипят. Просто у нас другой случай.
Когда мистер Лисс отступил от кокона, не ткнув его стволом оружия, Намми с облегчением вздохнул, но настроение у него не улучшилось.
– Как жаль, что здесь нет Нормана.
– Да, конечно, набивная игрушечная собака в полной мере обеспечила бы нашу безопасность.
Чем больше Намми смотрел на коконы, тем сильнее крепло его убеждение в том, что они выглядят... зрелыми. Раздутыми от зрелости и готовыми лопнуть.
– Странное дело, – мистер Лисс тоже смотрел на коконы. – У преподобного и его жены было четверо детей, так почему коконов только три, а не шесть?
На мгновение Намми не понял, но потом до него дошло, и он об этом пожалел.
– Может, в другой комнате еще три мешка, – предположил мистер Лисс.
– Нам пора уходить.
– Еще нет, Персиковое варенье. Я должен осмотреть остальные комнаты. Ты следи за этими кулями и кричи, как только что-то начнет происходить.
Мистер Лисс проскользнул мимо Намми в коридор, прежде чем Намми понял, что делает старик.
– Нет, подождите, я не могу остаться здесь один.
– Ты будешь стоять здесь на страже, Персиковое варенье, и не отрывать от них глаз, а не то, клянусь Богом, я пущу в ход этот помповик. Я оторву тебе голову, и она заскачет по ступеням, как баскетбольный мяч. Я проделывал это больше раз, чем могу сосчитать. Ты хочешь, чтобы я

поиграл в баскетбол твоей головой, парень?

– Нет, – ответил Намми, но не смог заставить себя добавить «сэр».

Мистер Лисс двинулся по коридору второго этажа, заглядывая в другие комнаты.

За этот день Намми не раз и не два хотелось, чтобы мистер Лисс оставил его одного и ушел, но теперь, когда это произошло, ему очень, очень не доставало старика.

Потолок в спальне вновь заскрипел, казалось бы, что скрипы эти должны были вызывать появление трещинок на штукатурке между балками, но никаких трещинок Намми не видел.

Что бы ни случилось в любой из дней после ухода бабушки, с какими бы ужасными сложностями ни приходилось ему сталкиваться, если Намми хорошенько думал о том, что должен сделать, он обязательно вспоминал нужные слова бабушки, которые помогали ему без проблем решить любую проблему. Но бабушка никогда ничего не говорила об инопланетных монстрах, которые оставляли после себя гигантские коконы.

В других комнатах мистер Лисс открывал и закрывал двери. Ни разу не издал внезапный крик, и это следовало расценивать как добрый знак.

Наконец старик вернулся.

– Только эти три. Ты подожди здесь, а я схожу вниз, поищу, чем их можно сжечь.

– Пожалуйста, пожалуйста, я не хочу здесь оставаться.

– Мы несем ответственность перед человечеством, парень. Не можем мы просто уйти и позволить какой-то хрени вылупиться из этих яиц.

– Им не понравится, что их сжигают.

– Меня совершенно не волнуют предпочтения инопланетных жуков, и тебя они не должны волновать.

– Вы думаете, они жуки?

– Я не знаю, кто они, но точно знаю, что они мне не нравятся. И помни – немедленно кричи, если что-то начнет происходить.

– А что может начать происходить?

– Что угодно.

– И что мне кричать?

– «На помощь». По-моему, дельная мысль.

Мистер Лисс вновь поспешил в коридор и сбежал по лестнице, оставив Намми в одиночестве на втором этаже. Ну, не совсем в одиночестве. У него складывалось впечатление, что существа в коконах слушают его.

Потолок скрипнул.

Глава 59

Бледная брюнетка с серебряным украшением на лице сидела через два столика от Карсон и Майкла. Тот столик обслуживала та же веселая, рыжеволосая официантка. Звали ее Тори.

Карсон услышала ее вопрос, обращенный к женщине.

– Рада видеть тебя, Дениз. Как жизнь этим вечером?

Дениз не ответила. Сидела, как и прежде, с прямой спиной, положив руки на колени, глядя в никуда.

– Дениз? Ларри придет? Дорогая? Что не так?

Когда Тори осторожно коснулась плеча брюнетки, Дениз отреагировала мгновенно. Ее правая рука поднялась с колена,хватила Тори за запястье.

В удивлении Тори попыталась вырваться.

Но Дениз крепко держала официантку.

– Помоги мне, – говорила она сипло, растягивая слова.

– Господи! Дорогая, что с тобой случилось?

Карсон увидела тонкую струйку крови, появившуюся из-под серебряной пуговицы на виске брюнетки.

Едва только Тори возвысила голос, спросив, знает ли кто из посетителей кафе, как следует оказывать первую помощь, Карсон и Майкл поднялись и подошли к ней.

– Все хорошо, Дениз, – заверил ее Майкл, мягко отрывая пальцы брюнетки от запястья официантки. – Мы здесь, мы вам поможем.

Но она, похоже, чувствовала, что ее куда-то уносит, и хотела за что-то зацепиться, потому что теперь схватилась за руку Майкла так же крепко, как только что держалась за руку Тори.

– Что с ней такое? – голос официантки дрогнул.

– Вызовите «Скорую».

– Да. Конечно, – согласилась Тори, но не двинулась с места, охваченная ужасом, и только повторная команда Майкла заставила ее броситься к телефону.

Отодвинув стул от стола, сев на краешек, чтобы оказаться лицом к лицу с брюнеткой, Карсон взяла обмякшую левую руку женщины в свои, прижала два пальца к лучевой артерии на запястье.

– Дениз? Поговорите со мной, Дениз?

Майкл разглядывал серебристую полусферу, из-под которой сочилась

темная кровь.

– Не знаю, что лучше, положить ее или пусть сидит? И что это за хреновина?

– Пульс учащенный, – сообщила Карсон.

Несколько человек поднялись из-за столиков. Видя, что Майкл и Карсон знают, что делают, подойти не решались.

Глаза женщины оставались остекленевшими.

– Дениз? Вы меня слышите?

Взгляд Дениз сфокусировался на Карсон. Темные глаза наполняло отчаяние, начисто лишенное хоть какой-то надежды, и от этого взгляда Карсон прошиб холодный пот.

– Она взяла меня, – просипела Дениз.

– «Скорая» уже едет, – заверила ее Карсон.

– Она стала мной.

– Прибудет с минуты на минуту.

– Но это не я.

Пузырь крови надулся на левой ноздре.

– Держитесь, Дениз.

– Скажите моей малышке.

– Малышке?

– Моей малышке, – в голосе прибавилось эмоций.

– Хорошо. Конечно.

– Я – это не я.

Пузырь надулся и лопнул. Из носа хлынула кровь.

Шум привлек внимание Карсон ко входной двери ресторана. Вошли трое мужчин. Двое – в полицейской форме.

«Скорая» не могла приехать так быстро. Мужчина в гражданском не выглядел фельдшером.

Он остался у двери, словно охраняя ее, тогда как копы направились к Дениз. «Банди» и «Уотсон», прочитала Карсон под их полицейскими бляхами.

– Она ранена, – объяснил им Майкл. – Гвоздь или что-то такое. Не знаю, как далеко он проник в мозг.

– Мы знаем Дениз, – ответил Банди.

– Очень сильная тахикардия, – добавила Карсон. – Пульс невероятно частый.

– Мы отвезем ее в больницу. – Уотсон потянул за спинку стула Карсон, побуждая ее встать и не загораживать дорогу.

– «Скорая» уже едет, – сообщил копам Майкл.

– Пожалуйста, возвращайтесь к своему столику, – вежливо предложил им Банди.

Но Дениз не отпускала руку Майкла, поэтому он не сдвинулся с места.

– Она испугана, мы можем побыть с ней.

Банди посмотрел на Дениз.

– Отпусти руку.

Она тут же отпустила руку Майкла.

– А теперь, пожалуйста, возвращайтесь к своему столику, – услышали они уже от Уотсона. – Мы ею займемся.

Встревоженная холодным безразличием копов, Карсон не уходила от столика Дениз.

– Пора идти, Дениз. – Уотсон взял ее за руку. – Пойдем с нами.

– Но у нее идет кровь, – запротестовала Карсон. – Это же повреждение мозга. Ей нужен врач.

– Мы доставим ее в больницу до того, как «Скорая» приедет сюда, – ответил Уотсон.

Дениз встала.

– Ее надо везти очень осторожно, – поддержал жену Майкл.

Светло-серые глаза Уотсона напоминали полированные камни. И губы были совсем бледными.

– Она ушла, не так ли?

– Ушла?

– Она пришла сюда сама. Она сможет и уйти. Мы знаем, что делаем.

– Вы вмешиваетесь в работу полиции, – предупредил Банди, – а эта женщина получит помощь, которая ей необходима.

Карсон видела, что правая рука Банди сжимает баллончик с перечным газом, который висел на его ремне. Знала она, что Майкл тоже это видит.

В своем номере в «Фоллс-инн» они распаковали и зарядили пару пистолетов. Сейчас пистолеты лежали в плечевых кобурах, у нее под блейзером, у Майкла – под пиджаком спортивного покроя.

Они находились в Монтане, и местные правоохранные органы, скорее всего, уважали лицензии на право ношения оружия, выданные в других штатах, но полной уверенности у нее не было. Прежде чем вооружаться на территории, находящейся под другой юрисдикцией, им следовало побывать в местном полицейском участке, показать свои документы и все согласовать.

Если бы их вывели из строя перечным газом и заковали в наручники, они попали бы за решетку, как минимум на двадцать четыре часа. Пистолеты у них изъяли бы. А в мотеле полиция нашла бы и конфисковала

помповики «Городской снайпер» и многое другое запрещенное оружие.

И даже если бы их освободили под залог, то они остались бы обезоруженными, причем клон Виктора знал бы об их присутствии в городе. Учитывая отношение Уотсона и Банди и их необычное поведение, Карсон заподозрила, что полиция или куплена Виктором, или целиком состоит из его созданий.

Майкл поднял руки, словно сдаваясь.

– Извините. Извините. Мы только тревожились из-за этой женщины.

– Тревожиться предоставьте нам, – отчеканил Уотсон.

– Возвращайтесь к столику, – повторил Банди.

– Пошли, Дениз, – скомандовал Уотсон.

Уже сдвинувшись с места, Дениз встретила взглядом с Карсон и прохрипела: «Моя малышка».

– Конечно, – пообещала Карсон.

Пока они с Майклом возвращались к столику, Уотсон и Банди вели Дениз через ресторан. Дениз шла с прямой, как доска, спиной, вскинув голову, на прямых ногах, словно канатоходец, глядя прямо перед собой.

У двери мужчина в штатском взял Дениз за свободную руку. Он и Уотсон вывели ее из ресторана в темную и теперь ставшую угрожающей октябрьскую ночь.

Банди посмотрел на Карсон и Майкла, когда они с неохотой садились за столик. На мгновение задержал на них взгляд, словно хотел зафиксировать в памяти их лица, потом вышел за дверь.

Глава 60

Ахерны жили в Низине, в коттедже, который стоял посреди достаточно большого участка и не производил впечатления развалюхи. Краска со стен не облезала, ступени парадного крыльца не проваливались. Лужайку вовремя выкашивали, кусты подстригали, а забор из штакетника не зиял дырами. Наличники и резной узор по свесу крыши крыльца придавали очарование маленькому домику.

Управляемый таймером, на крыльце горел фонарь. В остальном дом стоял темным.

Напротив коттеджа, на другой стороне улицы, заросли сорняков окружали почерневший от копоти бетонный фундамент дома, сгоревшего пятью годами раньше. Там же стоял дощатый сарай под крышей из ржавого железа, с сорванной дверью.

Подозревая, что сотрудники больницы, поняв, что Тревис сбежал, могли приехать сюда на его поиски, он и Брюс Уокер спрятались в пустом сарае.

Когда Грейс Ахерн подъехала бы на своей «Хонде», они перехватили бы ее на улице, до того, как мать Тревиса успела бы припарковаться под навесом у дома. И она отвезла бы их к другу Брюса, где они могли получить столь необходимую помощь.

В сарае пахло ржавчиной, гниющим деревом и мочой, а также чем-то еще. Похоже, какое-то животное умерло здесь и практически полностью разложилось. Ветерок, очищающий воздух от запахов, определенно не помешал бы, но ночь замерла без единого дуновения.

Завернутый в больничное одеяло, которое определенно стало тоньше с тех пор, как он снял его с кровати, Брюс не очень мерз, но и не мог согреться. Ночной воздух покусывал его за голые лодыжки, и холод поднимался по икрам.

Пока они ждали, истории Тревиса о матери показывали, что женщина она уникальная, решительная и неукротимая, скромная и жертвенная, с неиссякаемой способностью любить. Хотя мальчик, как и все мальчики, не говорил, что любит ее всем сердцем, обожание проступало в каждом его слове.

Но чем дольше они ждали, тем меньше говорил Тревис. Вероятно, вопрос, *когда Грейс Ахерн придет домой*, сменился другим: *а придет ли она вообще?*

– Она не могла сразу поехать в больницу, – настаивал мальчик. – Она считает, что от нее дурно пахнет после целого дня, проведенного на кухне. Так она сама и говорит – *дурно пахнет*. Она принимает душ, а в больницу едет после шести.

Грейс уже намного выбилась из расписания, составленного для нее мальчиком, но когда он предложил подождать еще десять минут, Брюс ответил:

– Мы можем ждать, сколько ты захочешь. Если скажешь, всю ночь.

После этого они замолчали, словно Тревис боялся, что разговоры о матери отпугивают ее, и только его молчание гарантировало, что он увидит мать вновь.

Тревога мальчика нарастала вместе с ночным холодом.

Минуту за минутой Брюс проникался все большим сочувствием к Тревису Ахерну, которое грозило перерасти в жалость, а он не хотел жалеть мальчика, потому что жалость могла означать только одно: его мать ушла из этого мира навсегда, как те кричавшие в подвале больницы люди.

Глава 61

В тишине Намми ждал, когда же вновь затрещит потолок, но прислушивался и к любому звуку, который мог донестись снизу, где мистер Лисс искал что-то такое, чем он мог сжечь коконы. Мистер Лисс обычно издавал много звуков, но теперь все проделывал тихо, словно крадущийся кот. Намми не слышал ни шагов, ни шума открывающихся и захлопывающихся дверей, никаких плохих слов, которые могли прозвучать, если бы мистер Лисс не находил то, что искал...

Может, проблема заключалась не в том, что мистер Лисс не мог что-то найти. Может, возникла другая проблема: мистера Лисса нашло нечто такое, что его искало. Может, внизу висел кокон, который пахнул, как гниющие зубы мистера Лисса.

Может, эти три существа из дальнего космоса вращали гигантские коконы вокруг себя, как гусеницы вращаются внутри своих коконов, чтобы стать бабочками. А может, тварь, которая вращала коконы, не сидела ни в каком из них, а ползала по дому и вращала коконы со своими детенышами, и ни один красотой не мог тягаться с бабочкой.

Конечно, бабушка имела в виду именно такой случай, когда говорила, что от избытка мыслей только прибавляется тревог.

И хотя мистер Лисс отсутствовал уже достаточно долго, снизу по-прежнему не раздавалось ни звука, зато внезапно какой-то шум донесся из одного из коконов, а может, из всех сразу. Поначалу Намми подумал, что существа в коконе шепчутся друг с другом, но потом до него дошло, что это скользяще-шуршащие звуки, будто множество змей ползало в коконах.

Казалось бы, от таких звуков мешки должны выпирать в разных местах или идти рябью, но этого не происходило. Они просто висели и выглядели влажными, хотя мистер Лисс сказал, что совсем они не влажные.

Намми стоял у самой двери, и ему хотелось переступить порог и выйти в коридор, чтобы чуть увеличить расстояние между собой и коконами. Но он знал, если выйдет в коридор, сразу побежит к лестнице. А если побежит к лестнице, то столкнется с поднимающимся по ней мистером Лиссом, с длинным оружием в руках. Намми очень не хотелось, чтобы у него отстрелили голову и принялись играть ею в баскетбол.

Наконец он больше не мог выносить эти скользяще-шуршащие звуки и обратился к коконам: «Перестаньте меня пугать. Я не хочу быть здесь, я должен быть здесь, поэтому просто перестаньте».

К его удивлению, звуки прекратились.

На мгновение Намми ощутил облегчение. Вероятно, они перестали шуршать и ползать, когда он их об этом попросил, потому что не хотели его пугать и сожалели об этом. Но потом осознал: если они перестали шуршать и ползать после его слов, тогда они *слушали* его, то есть знали, что он в одной комнате с ними. Он-то, наблюдая за ними, говорил себе, что они всего лишь коконы, что они не знают о его присутствии. А они *знали*.

На лестнице слышались шаги, которые принадлежали мистеру Лиссу, чего Намми совсем не ожидал.

– Штаны у тебя до сих пор сухие? – спросил мистер Лисс.

– Да, сэр. Но они шуршали.

– Твои штаны шуршали?

– Твари в коконах. Множество скользяще-шуршащих звуков, но мешки не выпучивались или что-то такое.

Мистер Лисс принес красную канистру объемом в два галлона, в каких люди держали бензин для газонокосилки, и корзину с несколькими пластиковыми контейнерами поменьше.

– А где ваше длинное оружие? – спросил Намми.

– У входной двери. Я не думаю, что это правильно, стрелять в них дробью. Мешок прорвется, и кто знает, как много тварей вылезет из него. Может, так много, что всех перестрелять не удастся, – он поставил корзину на пол рядом с Намми. – Только ничего не пей.

– А что это? – спросил Намми.

– Два растворителя для краски, ламповое масло и жидкость для разжигания угля, – он протянул Намми коробок спичек. – Держи.

– А зачем мне это пить? – спросил Намми.

– Не знаю, – мистер Лисс уже скручивал крышку с носика канистры. – Может, ты конченный алкоголик, и пьешь все, что угодно, лишь бы словить кайф, а я еще слишком мало знаю тебя, и ни разу не видел, как ты это делаешь.

– Я не алкоголик. Это оскорбление.

– Я не собирался тебя обижать, – мистер Лисс уже петлял между коконами, высоко подняв канистру, выливал на них бензин, а уж с коконов тот капал на пол. – Просто не хотел, чтобы ты попал в беду.

Тут же вновь слышались скользяще-шуршащие звуки.

– Им не нравится, что вы делаете.

– Ты этого знать не можешь. Может, они – конченные алкоголики, к которым ты не относишься, и сейчас ловят кайф от запаха, думают, что началась коктейль-пати.

Коконь висели вокруг мистера Лисса, а он поворачивался от одного к другому и со словами: «За ваше здоровье», – выплескивал на них бензин.

Вот теперь мешки начали выпучиваться и идти рябью, чего раньше не было.

– Я думаю, вам лучше оттуда отойти, – сказал Намми.

– Подозреваю, что ты прав, – но мистер Лисс не отошел, пока не вылил из канистры весь бензин.

Потолок заскрипел громче, и теперь не вызывало сомнений, что трещало дерево.

В полной уверенности, что это один из фильмов, где людей пожирали заживо и не происходило ничего хорошего, Намми закрыл глаза. Но через мгновение открыл их, потому что с закрытыми глазами не мог увидеть, а вдруг что-то подбирается к нему, чтобы съесть.

Воздух наполнили пары бензина. Намми отвернулся от коконов к двери, иначе не мог дышать.

Мистер Лисс проблем с дыханием не испытывал. Одну за другой он скручивал крышки с контейнеров поменьше и бросал контейнеры на ковер под коконы, где из них выливалось содержимое.

Паров в воздухе только прибавлялось.

– У меня руки в бензине, Персиковое варенье. Боюсь зажигать спичку. Доверяю это тебе.

– Вы хотите, чтобы я зажег спичку?

– Ты знаешь, как это делается, да?

– Конечно, я знаю.

– Тогда сделай это, пока паров не стало слишком много, а то все взорвется, как бомба.

Намми открыл коробок, достал деревянную спичку. Закрыл – всегда закрывай перед тем, как чиркнуть – и провел черной головкой по шершавой полоске. Со второго раза спичка вспыхнула.

– Вот, – он показал горящую спичку мистеру Лиссу.

– Хорошая работа.

– Спасибо.

На трещащем потолке между балками начала трескаться штукатурка.

– А теперь брось спичку туда, где ковер мокрый.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Бросай.

– Как только я брошу, сделанного нам уже не вернуть.

– Да, не вернуть, – согласился мистер Лисс. – Так уж устроена жизнь. А теперь бросай, а не то обожжешь пальцы.

Намми бросил спичку, она приземлилась на ковер, и – вш-ш-ш-шик – языки пламени взметнулись от пола к мешкам. Внезапно в спальне стало ярко и жарко, а твари в коконах взбесились.

Штукатурка с потолка посыпалась вниз, Намми увидел, как один из горящих коконов начал разлезаться, а потом мистер Лисс схватил его за пальто и потянул в коридор, говоря, что надо бежать.

Он мог бы и не говорить Намми, что надо бежать (насчет спички – другое дело, тут следовало сказать, что ее надо бросить), поскольку Намми хотелось убежать с того самого момента, как только они увидели коконы. Он спускался вниз по лестнице так быстро, что чуть не упал, но, споткнувшись, стукнулся о стену, отлетел от нее, и этот удар о стену каким-то образом вернул ему равновесие, поэтому оставшийся путь он проделал на ногах.

Посмотрев вверх, Намми увидел приближающегося к нему мистера Лисса, а на втором этаже что-то большое и объётое пламенем вывалилось из двери спальни. Намми не мог сказать, жук ли, как думал мистер Лисс, или ходячая змея, потому что это существо не провело в коконе достаточно времени, чтобы окончательно оформиться, поэтому в огне корчилось что-то неопределенное.

Ходячая змея вызвала бы у Намми больший интерес, чем жук, но в любом случае мистера Лисса несколько не интересовало, что появилось из спальни у него за спиной. Его занимало только одно – побыстрее выбраться из дома. «Пошли, пошли, пошли!» – прокричал он, хватая длинное оружие, приставленное к стене.

Намми выбежал через парадную дверь в ночь, пересек крыльцо. Спустился по ступеням на лужайку, где и остановился, повернулся, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Мистер Лисс остановился рядом с Намми и тоже посмотрел на дом, держа длинное оружие обеими руками.

На втором этаже всюду полыхал огонь. Взорвалось окно, осколки стекла полетели на крышу крыльца, и Намми подумал, что кто-то вылезает из окна, чтобы прыгнуть на них. Но взорвалось второе окно, и он подумал, что стекла рвутся от жары. Огонь уже взобрался на крышу дома и спускался на первый этаж, вместе с густым дымом.

Мистер Лисс опустил оружие.

– Туда им и дорога. Пошли, Персиковое варенье.

Бок о бок они вернулись к почтовому ящику, красиво разрисованному, с надписью «Скачи вместе с Иисусом», хотя Намми не мог ее прочитать, и ему приходилось верить на слово мистеру Лиссу – насчет того, что на

ящике написано именно это.

Мистер Лисс держал длинное оружие по правую сторону от себя, стволом в землю, чтобы люди в проезжающих автомобилях не могли его видеть. Они повернули направо и пошли по тротуару под кронами сосен, которые пахли гораздо лучше, чем дым.

Намми открыл рот и полной грудью вдыхал этот чистый и холодный воздух, пока окончательно не избавился от привкуса паров бензина.

– Я не слышу сирен, – удивился он.

– Если пожарные в этом Мухосранске такие же, как копы, они не помешают дому сгореть дотла.

Намми потряс коробок спичек.

– Спички все еще у меня. Вы хотите, чтобы я оставил их себе?

– Дай лучше мне, – мистер Лисс взял коробок и сунул в карман пальто Бедного Фреда.

Пару минут они шли молча, потом паузу нарушил Намми:

– Мы сожгли дом священника.

– Да, сожгли.

– Можем мы за это попасть в ад?

– С учетом сложившихся обстоятельств, за это ты не попадешь даже в тюрьму.

По улице проезжали автомобили, но ни одной патрульной машины Намми не заметил. Кроме того, в этом квартале уличные фонари не горели, так что под кронами сосен царил темнота.

– Тот еще день, а? – молчать у Намми не получалось.

– Есть такое, – согласился мистер Лисс.

– Я больше никогда не пойду в тюрьму ради собственного блага.

– Чертовски правильная мысль.

– Я тут подумал.

– Подумал о чем?

– Мы не оставили расписки.

– В горящем доме негде было ее оставить.

– Вы могли бы положить ее на подъездную дорогу и прижать камнем.

– Сегодня я туда возвращаться не собираюсь.

– Пожалуй, не стоит.

– И у меня нет ни ручки, ни бумаги.

– Мы могли бы их купить.

– Включу эту покупку в список дел на завтра.

– Что теперь? – спросил Намми через какое-то время.

– Мы уедем из этого города и ни разу не оглянемся.

- Как мы уедем?
- На чем-нибудь движущемся.
- И как мы это сделаем?
- Украдем автомобиль.
- Опять двадцать пять, – сорвалось с губ Намми.

Глава 62

Ворота склада, на стенах которого Девкалион не обнаружил названия компании, поднялись, и из них выехал один из сине-белых автофургонов. Миновав автомобильную стоянку у склада, повернул налево.

По-прежнему находясь на другой стороне улицы, Девкалион отступил на шаг от мусорного контейнера. Второй шаг привел его в закрытый кузов движущегося автофургона, где какое-то время Девкалион стоял, покачиваясь вместе с кузовом.

Для других глаз в кузове царила чернильная тьма, для Девкалиона – густой сумрак. И он сразу разглядел, что кузов пуст. Отсюда следовал логичный вывод: автофургон где-то загружался и привозил что-то на склад.

Увидел Девкалион и скамьи, намертво прикрученные к полу у левого и правого борта. Тут же возникла тревожная мысль, что автофургон использовался для перевозки людей.

Он сел на скамью и замер в ожидании. Если бы люди в кабине заговорили, до него донеслись бы их приглушенные голоса, но они молчали. В отличие от других, кому по роду деятельности приходилось проводить много времени за рулем, эти не слушали музыку, не включали радио. Создавалось полное ощущение, что в кабине сидели глухонемые.

Несколько раз автофургон останавливался, но водитель не глушил двигатель, и после каждой паузы трогался с места. То есть остановки вызывались светофорами и знаками «Стоп».

Когда же после очередной остановки водитель заглушил двигатель, Девкалион поднялся. Протянул руку к потолку и в следующее мгновение, спасибо его дару, уже лежал на спине на крыше кузова, ногами к кабине.

Над головой нависало темное небо, с облаками, набитыми снегом.

Водитель и его напарник вылезли из кабины. Один захлопнул дверцу, второй оставил свою открытой.

Через мгновение они уже открывали дверцы в заднем борту.

Девкалион перевернулся на живот и увидел, что автофургон стоит рядом с трехэтажным зданием. У одного угла столб с подсвеченным логотипом: здание занимала телефонная компания.

Он прислушался к трем тихим голосам, из которых один принадлежал водителю. Они определенно не хотели, чтобы их подслушали, так что слов Девкалиону разобрать не удалось.

Он услышал, как в здании открылась, закрылась и снова открылась

дверь. До Девкалиона донеслись еще какие-то звуки, которые он не смог истолковать... а потом их сменили шаркающие шаги, будто к автофургону подходили уставшие люди.

Послышалась короткая команда, отданная ледяным тоном: «Залезайте».

По раздавшимся звукам Девкалион понял, что люди забираются в кузов и продвигаются по нему к кабине, чтобы освободить место для следующих.

Плач женщины заставил Девкалиона сжать кулаки. Пощечина, потом вторая заставили ее замолчать.

Теперь он уже не сомневался, что новый Виктор в своих замыслах, касающихся Рейнбоу-Фоллс, продвинулся гораздо дальше, чем они могли предположить. И двое мужчин, приехавших на автофургоне, не очень отличались от Новой расы, созданной в Луизиане.

Возникла мысль спуститься с крыши, убить их обоих и освободить тех, кого загружали в кузов. Эти двое были не людьми, а созданиями, лишенными души, так же и деяние это не стало бы убийством.

Но Девкалион сдержался, потому что не знал, сможет ли он их убить. Новые люди были сильными и живучими, но с ними он справлялся без труда. Эти создания Виктора могли оказаться еще сильнее и живучее, возможно, сразились бы с ним на равных, а то и вообще оказались бы ему не по зубам.

Кроме того, пока он еще не понимал, что происходит. А переходить к действиям следовало, лишь обладая всей необходимой информацией.

Девкалион вновь улегся на спину и оглядел небо, будто ожидал увидеть, как с него начнут падать первые снежинки.

Глава 63

В 18.40 на автомобильной стоянке у «Пикинг энд грининг» припарковались более тридцати пикапов и внедорожников, но ни одной легковушки. За пятнадцать последующих минут автомобилей не прибавилось.

Ежемесячная семейная встреча прихожан Церкви рыцарей небес шла своим чередом. Все Рыцари работали, им требовалось время, чтобы переодеться и собрать детей, но никто никогда не приезжал после семи вечера.

В зале музыкальный автомат гремел песнями кантри в исполнении как легенд жанра, так и новых звезд. Живую музыку церковь себе позволить не могла. Да и потом, никто из тех, кто когда-либо выступал в Рейнбоу-Фоллс, не шли ни в какое сравнение с Хэнком Уильямсом, Лореттой Линн, Джонни Кэшем, Гартом Бруксом, Аланом Джексоном, Клинтом Блэком и другими звездами Нэшвилла^[41].

Столы ломились от домашней еды. Ее хватило бы, чтобы наесться здесь и питаться еще два дня дома. Умение вкусно готовить не являлось неизменным условием для желающих стать прихожанином Церкви рыцарей небес, но те, кто ранее не имел необходимых навыков, учились у мастеров своего дела и примерно через год могли похвастаться отменным тортом, пристойным пирогом и приемлемым печеньем нескольких видов; а уж через два года некоторые возвращались домой с призами с кулинарных конкурсов.

Для детей столы накрыли отдельно. Они не только ели, но играли в карты и настольные игры и собирали пазлы. Дурманящие мозг видеоигры не допускались, и никто не тяготился их отсутствием.

Пили по большей части пиво, отдавали должное и виски, потому что Рыцари не считали выпивку грехом. Даже Спаситель пил вино, о чем однозначно указывалось в Библии. Просто следовало знать меру, но на этих встречах редко кто перебирал, учитывая присутствие женщин и детей.

В сравнении с поколениями родителей или бабушек и дедушек, курильщиков среди Рыцарей было меньше, но они не считали необходимым разорять фермеров, выращивающих табак. Впрочем, тот, кто обычно курил, на этих встречах обходился без сигарет или сигар.

Простые люди, не слишком богатые, они тем не менее к этому вечеру старались приодеться, хотя для мужчин это означало, что они начищали

сапоги и к джинсам надевали пиджак спортивного покроя.

Они заполняли ресторан шумом и гамом, смеялись, делились семейными новостями, а также теми новостями, что зовутся сплетнями, по большей части беззлобными, но некоторые как минимум тянули на недоброжелательные. Они же, в конце концов, были не святыми, а обычными душами, отправившимися в долгое и зачастую нелегкое путешествие от греха ко спасению души.

Ровно в семь вечера мэр Эрскин Поттер запер парадную дверь снаружи, соединив створки цепью и повесив на нее замок.

Одновременно Том Зел запер запасной выход из коридора, ведущего к туалетам, а Бен Шэнли – кухонную дверь.

Запасной выход из банкетного зала заперли раньше.

Теперь мэр и оба члена городского совета встретились, как и планировалось, у двери, которая вела за кулисы, и через нее вошли в ресторан. Отделенные от Рыцарей синим бархатным задником, заперли и этот последний остававшийся выход.

В главном зале, где все приветствовали друг друга и обнимались, трое мужчин прошли за стойку бара. Зелл и Шэнли сделали вид, будто занимаются чем-то важным, но на самом деле своими телами прикрывали мэра, который запирает на два врезных замка дверь, ведущую из-за стойки в служебный коридор.

Эрскину не терпелось посмотреть, как будут работать Строители. Он еще не видел этого зрелища. Но, разумеется, главным событием этой ночи должно было стать убийство детей.

Никто из коммунаров не родился младенцем. Все пришли в этот мир взрослыми, выращенными за считанные месяцы. Они были не просто бесплодными, но и неспособными к сексуальной активности, а потому не могли произвести на свет детей.

Деторождение являлось неэффективным способом размножения. Разум коммунаров воспринимал детей не просто неэффективными, но и чужеродными созданиями. Не только чужеродными, но еще и вызывающими отвращение.

Они мечтали о том дне, когда во всем мире не останется ни детских голосов, ни детского смеха, ни смеха вообще.

Глава 64

Комплекс представляется невероятно огромным тем, кто предпочитает жить с иллюзиями, а не с истиной, они могут поверить, что он уходит в бесконечность: коридор за коридором, с бессчетными пересечениями, комната за комнатой, с комнатами над и под, напоминая железобетонную ипостась уравнения, которым Эйнштейн определил неопределяемое.

Виктор Безупречный не живет с иллюзиями. Нет ничего бесконечного или вечного, все когда-нибудь да закончится: и мир, и история человечества, и вселенная, и время.

Из комнаты с креслом и диваном он идет по двум коридорам, спускается в лифте, идет еще по одному коридору, проходит через две комнаты в третью, где стул с прямой, высокой спинкой стоит перед голой стеной.

За время этой прогулки он никого не видит. Не слышны голоса или шаги, кроме его собственных, нигде не хлопают двери, никаких посторонних звуков, только те, источник которых он сам.

Двести двадцать два индивидуума работают здесь, но Виктор видит ключевых сотрудников, лишь когда возникает такая необходимость. Остальных не видит никогда. Главный компьютер комплекса постоянно контролирует местоположение Виктора. Он также контролирует местоположение всех сотрудников, и на чип, встроенный в мозг каждого, поступает сигнал о приближении Виктора, давая сотрудникам возможность укрыться и не попасться на глаза – а также не увидеть его – хозяина этого лабиринта.

Ненужные встречи лицом к лицу – потеря времени. Они отвлекают и снижают эффективность.

Вначале Виктор работал с десятками лучших ученых этого, да, пожалуй, и любого века. Они все мертвы.

Теперь в комплексе только коммунары. Они называют его Улей, и в слове этом нет никакого негативного подтекста. Они все восторгаются организацией, трудолюбием и эффективностью пчел.

В комнате, где стоит единственный стул с прямой спинкой, Виктор садится. Рядом со стулом маленький столик. На нем холодная бутылка воды. Около бутылки – белое блюдце. На блюдце лежит светло-синяя капсула. Виктор открывает бутылку, отправляет капсулу в рот, запивает водой.

И ждет появления на голой стене, которая на самом деле плазменная панель, «картинки» из ресторана, где проводят семейную встречу Рыцари небес.

Пока Виктор ждет, он думает.

Думает он всегда. Его разум постоянно заполнен мыслями – они гудят, они роятся – идеями, теориями, экстраполяциями. Идеи такие глубокие, и их так много. Величайший ум, какого никогда не знал этот мир, и второго такого уже не будет.

Одна из лучших его идей – создание существ, которых он назвал Строителями. Пока он видел их в действии только на лабораторных испытаниях, и с нетерпением хочет посмотреть, как проявят они себя в реальных условиях, когда будут убивать и перерабатывать людей в ресторане.

Исходный Виктор, будучи человеком во плоти и заложником своего человеческого происхождения, мыслил, по большей части, архетипами^[42] и клише. Он хотел создать Новую расу исключительно сильных и практически неуничтожимых людей, заселить мир бессмертными, стать их живым богом, то есть богом богов.

Виктор Безупречный – абсолютный материалист, стать таким исходный Виктор не мог и мечтать.

Он не собирался создавать расу бессмертных суперменов. Коммунары ничем никогда не болеют, но такой иммунитет – следствие биологических особенностей их организма, уникальности их плоти, а не цель, которую он ставил перед собой. И хотя раны коммунаров заживают быстрее, чем у людей, чтобы их убить, требовалось приложить лишь чуть больше усилий в сравнении с человеческими существами.

Чтобы стать богом, необходимо признавать идею существования Бога, и Виктор Безупречный, в отличие от исходного Виктора, на такое признание не пошел. Он не хотел создавать ничего вечного. Он желал только одного: стать связующим звеном между миром, какой он теперь, и миром без единого *думающего* существа. Он создавал, чтобы уничтожить. Его видение мира – мир без видения, без идеалов, без цели.

Для Виктора Безупречного нижеприведенный вопрос не стоит и задавать: если в лесу падает дерево, и никто этого не слышит, сопровождается ли его падение каким-либо звуком?

Виктор Безупречный отдает предпочтение другому вопросу: если человечество больше не существует на Земле, чтобы видеть, слышать, обонять, ощущать на вкус и ощупывать богатство природы, будет ли Земля продолжать существовать при отсутствии человечества? Его ответ – *нет*.

Разум постигает материю и наполняет ее смыслом. Без разума, воспринимающего материю, она становится бессмысленной. То, что нельзя постигнуть пятью органами чувств, не существует.

Он создал два связанных между собой, но и отличных одно от другого существа, призванных помочь ему в уничтожении этого мира. Коммунары – двойники реальных людей, но не клоны в общепринятом значении этого слова, потому что биологически они не человеческие существа. Внешне они неотличимы от людей и представляют собой пятую колонну, которая оказывает содействие Строителям.

Строители на самом деле истребители, так что ирония налицо. Они и биологические машины, и механические. Как и коммунары, они тоже могут сойти за людей, но каждый Строитель сам по себе коммуна, колония из миллиардов наноживотных, существ размером с микроба, запрограммированных, как машины: каждое наноживотное – на специфическую задачу. Соединенные воедино, они могут обрести внешность мужчины или женщины, но действуют, как рой индивидуальностей. Каждое наноживотное разумно в широком смысле этого понятия и обладает минимальной памятью – но их объединенные интеллект и память сравнимы с человеческими. Каждое наноживотное может учиться на опыте и делиться полученными знаниями с миллиардами других наноживотных, входящих в Строителя.

Каждое наноживотное может воспроизвести себя безо всякого секса. Для этого требуются лишь подходящие строительные материалы. Все необходимое можно найти в человеческом теле.

Строители не строят коммунаров, которые создаются в Улье. Они строят только других Строителей из плоти и костей людей, которыми кормятся. Для Строителей живые и мертвые люди обладают одинаковой ценностью, служат материалом и топливом для их строительной работы.

План исходного Виктора – заменить одно население Земли другим – оказался с изъяном. Он целиком и полностью зависел от огромных фабрик по производству Новых людей, которые Виктор называл «фермами сотворения». Десятки миллионов Новых людей требовались для успешной войны с человечеством. Такие масштабы гарантировали, что Старые люди выяснят смысл происходящего и уничтожат тех, кто собирался стереть их с лица земли до того, как Новая раса нарастит мускулы.

Виктору Безупречному нужно создать лишь несколько коммунаров для поддержки каждого Строителя. Строители (не коммунары) – настоящая армия, штурмовые войска. Они кормятся и уничтожают тела настоящих людей, которых заменяют коммунары, но в день каждый Строитель может

убивать и потреблять еще сотни людей. И поскольку Строители воспроизводят себя сами, Виктору Безупречному не нужны фермы сотворения. Он децентрализовал процесс создания, а поскольку размножаются Строители быстро, предполагает, что последнее человеческое существо погибнет через четырнадцать месяцев.

Новый Строитель выходит из кокона не раньше, чем через двенадцать часов и не позже, чем через тридцать шесть.

С бурлящими в мозгу, как и всегда, идеями, теориями, экстраполяциями, Виктор Безупречный делает еще один глоток бутилированной воды.

Гигантская плазменная панель вспыхивает красками. Двойник преподобного Келси Фортиса установил в главном зале ресторана четыре видеокамеры. Семейная встреча еще не перетекла в семейное убийство.

Глава 65

По словам Тори, официантки «Кафе Энди Эндрюса», Дениз и Ларри Бенедетто жили в двух кварталах отсюда, на Перселл-стрит, отходящей от Беатут-авеню. Тори этого утверждать не могла, но вроде бы Дениз вела третий класс в начальной школе «Мериуитер Льюис».

Карсон и Майкл уже точно знали, что новая лаборатория Виктора находится где-то на Шоссе конца света. Ранее возникали подозрения, что он использует Райнбоу-Фоллс, как испытательный полигон, точно так же, как прежде использовал Новый Орлеан. Но теперь для Карсон подозрения эти считались доказанными.

– «Скажите моей малышке», – повторил Майкл слова Дениз, когда они спешили по адресу, названному Тори. – Но это не означает, что ее малышка совсем малышка.

– А какая еще есть малышка, помимо совсем малышки?

– Знаешь, иногда я называю тебя малышкой. У этого слова значений много [\[43\]](#).

– Она имела в виду совсем малышку.

– Если она имела в виду *совсем малышку*, как мы будем с ней говорить? Такие малышки понимают только га-га-ва-ва-ба-ба.

– Совсем малышка не означает младенца. Возможно, она уже умеет говорить, но все равно Дениз зовет ее малышкой. Скаут всегда будет нашей малышкой, даже когда ей будет семьдесят, а нам сто, и мы снова будем носить подгузники.

– Но что мы собираемся сказать малышке? Поправь меня, если я что-то понял неправильно, но Дениз сказала: «Она взяла меня. Она стала мной. Но это не я». И что это должно означать?

Карсон шумно выдохнула от нетерпения. Теплый воздух белым паром за клубился в холодной ночи.

– Она также сказала: «Я – это не я». Яснее и быть не может.

– «Я – это не я», мне непонятно, – не согласился Майкл.

– Ты не хочешь признавать очевидного.

– Ничего подобного.

– Ты не хочешь признавать даже то, что не хочешь признавать очевидного. Та же история. Двойники, как и в Новом Орлеане. В ресторан пришла настоящая Дениз, а где-то есть ее двойник.

– А эта штуковина на ее виске, лицевое украшение? Ничего такого мы

в Новом Орлеане не видели.

– Я не знаю, что это такое, но вполне в духе Виктора.

– В духе Виктора?

– Мы теперь имеем дело с клоном Виктора, и он, конечно, набит тем же дерьмом, что и сам Виктор, но, возможно, у него есть и собственные идеи. Он может делать то же самое, но иначе. Нам предстоит увидеть многое из того, чего мы не видели в Новом Орлеане.

Дом Бенедетто, построенный в стиле «греческое возрождение»^[44], с галереей за колоннами, которые поддерживали балкон второго этажа, стоял под сенью огромного дерева с алыми листьями.

Войдя в галерею, они заглянули в высокие узкие окна по обе стороны двери, но никого не увидели.

– Давай об этом подумаем.

Карсон нажала на кнопку звонка.

– Зря я заказал мясной рулет, – вздохнул Майкл. – Судя по тому, какая нас ждет ночь, меня ждет заброс желчи.

Карсон вновь нажала на кнопку.

Трели звонка еще не стихли, когда дверь открылась, и перед ними появилась Дениз Бенедетто.

– Да? Что такое?

У этой Дениз Бенедетто они не увидели ни серебряного украшения на виске, ни текущей из-под него крови. И говорила она нормальным голосом, не сипела.

– Здесь живет Ларри Бенедетто? – спросила Карсон.

– Он мой муж.

– Видите ли, мой муж и ваш вместе учились в колледже. Мы случайно оказались в этом городе, и Майкл – это Майкл – сказал, что нам стоит заглянуть к Ларри, он был таким славным парнем. Скажи сам, Майкл.

– Ларри был славным парнем, – подхватил Майкл. – Находчивым, остроумным, заботливым, настоящим другом. А как он умел смешить! Честно скажу, никому не удавалось так меня рассмешить, как Ларри. Иной раз я даже боялся, что надорву живот.

– Моего мужа нет дома, – ответила Дениз. – Он занят... на работе.

– Так он работает по вечерам? – переспросил Майкл. – Черт! Мы уезжаем завтра утром. Вас не затруднит сообщить ему, что заходил Майкл Макмайклс и его жена, Миртл. Через несколько месяцев мы, возможно, опять приедем сюда. В следующий раз я позволю ему заранее, если вы не будете против.

– Да, так будет лучше. Спокойной ночи, – и она закрыла дверь.

Уходя от дома, небрежно отбрасывая опавшие алые листья, Карсон сказала:

– Какая она обаятельная. Не оглядывайся. На случай, если она смотрит в окно. Незачем ей думать, что нам интересно узнать, смотрит она на нас или нет. Лучше Миртл ты ничего придумать не мог?

– Мне нравится имя Миртл.

– Майкл и Миртл Макмайклсы.

– Джон и Джейн Смиты... видишь ли, я подумал, что это вызовет подозрения. Майкл и Миртл Макмайклсы звучит настолько необычно, что может сойти за настоящие имена. И что мы теперь делаем?

– Уходим от дома.

– Понятно. А что будем делать потом?

На тротуаре Карсон повернула налево, направившись к Беатут-авеню.

– Дворы домов на этой улице и домов на следующей упираются один в другой. Мы пройдем через двор дома, который находится за домом Бенедетто, и заглянем к ним на кухню.

– А после этого?

– Все будет зависеть от того, что мы там увидим. Ларри был таким «находчивым, остроумным, заботливым, настоящим другом». Похоже, ты был без ума от Ларри.

– Возможно, ты забыла, но Ларри я знать не знаю. И что бы произошло, окажись Ларри дома?

– Сказала бы, что мы ошиблись. Что ты учился в колледже с другим Ларри Бенедетто, извините за беспокойство.

– Раз уж мы начали выяснять, что к чему, что именно мы ищем?

– Не что, а кого. Малышку Дениз. Ты видел, что лежало на полу за спиной этой женщины?

– Нет. Врал о Ларри, не мог отвлечься ни на что другое.

– Плюшевый медвежонок. С оторванной лапой и набивкой, торчащей из дыры. Еще и с оторванным ухом.

Глава 66

Последний из тех, кого пригнали к автофургону, уселся на скамью. Водитель и его напарник закрыли дверцы заднего борта, заперли их и вернулись к кабине.

Девкалион приподнялся на одной руке, чтобы определить, где именно находится автофургон. Как выяснилось, на автомобильной стоянке для сотрудников телефонной компании.

Как только завелся двигатель, он перебрался с крыши в кузов, встал между скамьями.

Для сидящих на них в кузове царила полная тьма, он же, пусть смутно, но все видел. На скамьях сидели одиннадцать человек, шестеро на одной, пятеро на другой. Девкалион не разглядел ни цепей, ни кандалов, но никто из одиннадцати не пытался что-либо сделать, все покорно принимали свою судьбу.

Плачущая женщина по-прежнему плакала, но едва слышно. Какой-то мужчина монотонно повторял: «Нет, нет, нет, нет, нет...»

Некоторые потели в холодной ночи, и от всех шел кислый запах ужаса.

– Кто они? Что они с вами сделали? – спросил Девкалион.

Десять человек промолчали, только одна женщина заговорила, смазывая слова, словно после инсульта:

– Моя сестра она... она Венди.

– Венди? Почему она причинила тебе вред?

Глаза женщины поблескивали в темноте.

– Венди Ванда близнецы моя сестра.

– Тебя зовут Ванда?

– Она мертва моя сестра близнец пять лет.

Кузов ритмично покачивался, словно они плыли по реке Стикс. Какой-то мужчина начал стонать.

– Мертва пять лет уже.

Девкалион подумал о двойниках Нового Орлеана. Глядя на своего двойника, эта женщина могла решить, что вернулась ее умершая сестра.

Глава 67

Стоя в сарае, где пахло ржавчиной и чем-тодохлым и разложившимся, мальчик больше не мог смотреть на коттедж по другую сторону улицы, с темными окнами и освещенным крыльцом.

– Пошли.

Слово это он произнес детским голосом, но тем не менее чувствовалось, что голос этот уже не детский.

– Никакой спешки нет, – заверил его Брюс.

– Вы замерзли.

– Не так уж и замерз. Да и не в первый раз.

– Ждать смысла нет.

– Наверняка мы этого не знаем.

– Знаем.

– Нет, сынок, не знаем.

– Я знаю.

– У таких старых пердунов, как я, тоже есть свои плюсы. Один из них – жизненный опыт. Его у меня, наверное, в тысячу раз больше, чем у тебя. Только не обижайся. И опыт научил меня следующему: жизнь может крепко приложить тебя, когда кажется, что все очень уж хорошо и лучше просто не бывает, но иногда может и осчастливить, когда ты думаешь, что ничего хорошего ждать больше не приходится.

– Пошли, – гнул свое мальчик.

– Еще минутку. Что ты должен иногда делать, так быть благодарным за то хорошее, что уже было, и то, что еще будет, несмотря на трудные времена, потому что со временем ты поймешь, одного без другого не бывает. Я не говорю, что это всегда легко, испытывать благодарность, когда происходящее так часто вроде бы не имеет смысла. Но к тому времени, когда ты доживешь до моих лет, тебе станет понятно, что все имеет смысл, даже если теперь этого не замечаешь.

– Пошли, хорошо?

– Мы пойдем, – кивнул Брюс, – но лишь после того, как ты объяснишь, что я тебе только что сказал.

Тревис переминался с ноги на ногу.

– Никогда не сдаваться.

– Это только часть. Что еще?

Старый «Шевроле» проехал по улице, разметав опавшие листья.

– Ничего не закончено, пока окончательно не заканчивается.

– И это тоже. Что еще?

Откуда-то с крыши одного из домов Низины закричала сова, ей ответила другая, издалека.

– Может, в действительности мы даже не умираем.

Брюсу хотелось обнять мальчика и крепко прижать его к себе, но он знал, что такое выражение сочувствия пока нежелательно, потому что Тревис еще не потерял надежду. А пока оставалась надежда, в сочувствии надобности не было.

– Хорошо, – кивнул Брюс. – Пошли. А то у меня окончательно отмерзнет зад.

Глава 68

Два двора разделял высокий забор. Карсон, однако, еще с детства полагала, что заборы строят с одной целью: чтобы лазать через них. Она порадовалась, что не сменила туфли для ходьбы на лыжные ботинки, ухватилась за верхнюю перекладину, и через несколько мгновений уже спрыгивала на землю с другой стороны.

Майкл приземлился рядом с ней и тут же вытащил из плечевой кобуры пистолет.

– Не рановато ли? – шепотом спросила Карсон.

– Я просто вспомнил старину Ларри. Находчивый, остроумный, заботливый, настоящий друг, все правильно, но у него была и темная сторона.

– Ты думаешь, она солгала, он не на работе?

– Она – двойник. Само ее существование – ложь.

– Я рада, что теперь ты признаешь очевидное, – и Карсон тоже достала пистолет.

– Может, рановато? – полюбопытствовал Майкл.

– Здесь малышка.

– Весомый аргумент.

Они пересекли лужайку, направляясь к большому и широкому заднему крыльцу. Ступеньки поскрипывали, но не так громко, чтобы звуки эти проникли в дом.

На крыльцо выходили четыре окна – все освещенные, но задернутые занавесками.

Поднявшись на крыльцо, Майкл опустил на одно колено. Не упускал из виду ни Карсон, ни двор, который они только что пересекли, чтобы не допустить внезапной атаки с тыла.

Первое окно задернули плотно, и Карсон не увидела, что за занавесками. Щелочка во втором, между занавеской и стеной, показала, что это комната-прачечная.

В первом окне с другой стороны двери щелка оставалась между занавесками, и Карсон увидела кухню.

За столом сидела девочка пяти или шести лет. С покрасневшимися, мокрыми от слез щеками.

Перед ней лежали несколько плюшевых медведей. Все распоротые, с оторванными лапами, ушами, головами.

Веревка на шее девочки привязывала ее к спинке стула.

Волна ярости бросила Карсон от окна к двери, но ей хватило хладнокровия, чтобы понять, что Майкл справится с этой работой лучше, и она прошептала его имя.

Когда он подошел к ней, указала на дверь:

– Вышиби ее.

Дверь обычно требовалось вышибить одним, максимум двумя ударами, чтобы сохранить элемент внезапности и не получить пулю в живот, выпущенную через дверь. В данном случае речь могла идти о том, чтобы не дать Дениз проделать что-то ужасное с малышкой.

Майкл мог спорить о возрасте, при котором ребенка называют малышкой, но они достаточно долго проработали в паре, и он не сомневался, что Карсон знает, что говорит. Оперся одной рукой о ее плечо, отвел ногу, чтобы врезаться по двери, замялся. Поставил ногу на крыльцо, повернул ручку и незапертая дверь открылась.

Как и всегда, исходя из предположения, что за дверью западня, они ворвались на кухню быстро и пригнувшись, но увидели там только девочку. Ребенок уставился на них широко раскрытыми глазами. Вероятно, Санта-Клаус, появившись он за несколько месяцев до положенного срока, не вызвал бы большего удивления.

Карсон проскользнула мимо холодильника к наполовину открытой двери в коридор. Встала за ней, высунувшись лишь на чуть-чуть, чтобы держать коридор под контролем. Псевдо-Дениз куда-то подевалась.

Майкл схватил тесак со стойки с ножами, закрепленной на стене.

Слишком маленькая для того, чтобы испугаться мужчины, приближающегося к ней со сверкающим тесаком, девочка сказала: «Мамочка – не моя мамочка».

Майкл прошептал: «Ш-ш-ш-ш», – и перерезал веревку между шеей малышки и спинкой стула.

Коридор по-прежнему пустовал.

Когда Карсон вновь посмотрела в сторону стола, Майкл уже освободил девочку от веревки и поднял на руки. Карсон махнула рукой в сторону двери на крыльцо: иди, иди, иди.

После того как Майкл ушел, Карсон постояла еще минуту, прежде чем покинула занимаемую позицию: хотела дать Майклу время донести девочку до забора между участками. Потом начала пятиться к двери и порадовалась, что пятилась, потому что внезапно не-мамочка вошла на кухню из коридора.

Как и все Новые люди в Новом Орлеане, она обладала великолепными

рефлексами и инстинктами хищника. В руке держала ножницы, вероятно, те самые, которыми кромсала плюшевых медведей, и тут же запустила ножницы в Карсон, остриями вперед, словно кинжал.

Карсон отступила в сторону, ножницы пролетели мимо, а двойник Дениз уже бросилась на нее. Карсон трижды нажала на спусковой крючок, и все три пули попали в цель: в живот, в грудь и в шею.

Не-мамочку отбросило назад, она упала, по ходу ударившись головой о ручку духовки. И хотя в разорванном горле что-то булькало, села, уцепилась рукой за столик, поднялась, схватила нож с той же стойки, откуда Майкл взял тесак, чтобы разрезать веревку.

Подобная живучесть псевдо-Дениз не удивила Карсон, хотя она отметила, что крови, даже для двойника, вылилось мало. Пятясь к открытой двери на крыльцо, Карсон выстрелила трижды, первая и третья пули поразили цель. Вторая прошла мимо.

Псевдо-Дениз упала лицом вниз, а Карсон, вместо того чтобы ретироваться на крыльцо, приблизилась и четыре последних в обойме патрона выпустила в упор, всадила пули в спину женщины и в затылок. Потом отступила к открытой двери, где и остановилась, наблюдая на убитой, потому что по собственному опыту знала, что такие убитые не раз и не два оживали.

Тяжело дыша, она достала из пистолета пустую обойму, вытащила из кармана блейзера полную, перезарядила пистолет.

Кровь была, но не лужа вокруг тела. Карсон ожидала, что из ран на шее и голове натечет больше.

Не-мамочка не шевелилась, не шевелилась, по-прежнему не шевелилась.

Карсон решила, что двойник Дениз мертва, но все равно выходила на крыльцо спиной вперед, держа пистолет обеими руками. Спустилась по ступеням бочком, не спуская глаз с двери, точно так же миновала половину двора, в любое мгновение ожидая нападения, и только потом повернулась спиной к дому и побежала.

Майкл уже перебрался через забор. Карсон надеялась, что он не уронил девочку головой вниз.

Глава 69

Пока автофургон возвращался к складу, Девкалион находился в кузове, вместе с одиннадцатью сотрудниками телефонной компании, оказавшимися в столь необычном, отчаянном положении. Даже с острым, словно у зверей, зрением он не мог определить, каким образом их удалось полностью вывести из строя и столь эффективно контролировать.

Ворота склада поднялись, автофургон заехал внутрь, ворота тут же опустились, и водитель заглушил двигатель.

Услышав, как отпираются задние дверцы, Девкалион мгновенно телепортировался на крышу кузова, куда прибыл уже лежа на спине. Увидел стропила, мостики, открытую галерею шириной футов в двадцать, которая тянулась вдоль трех сторон здания.

Если бы в этот момент кто-нибудь находился на мостиках или на галерее, его, распластавшегося на крыше автофургона, конечно же, увидели бы. Более того, его могли увидеть и снизу, отойдя на некоторое расстояние от автофургона. Но в тот момент двое рабочих склада находились рядом с автофургоном, помогая выгружать из кузова пленников.

Девкалион поднял голову, чтобы оценить обстановку. Юго-западную часть склада занимали стальные стеллажи высотой в шестнадцать футов, на которых стояли сотни деревянных ящиков.

Девкалион сел на крыше автофургона... и встал между двух стеллажей. Они тянулись параллельно автофургону, а потому ящики полностью его скрывали.

В щелях между ящиками он видел и автофургон, и колонну пленников. Водитель с напарником уехали за новыми жертвами, тогда как складские рабочие повели покорных людей к северной стене огромного помещения.

Девкалион рискнул, перебравшись на открытую галерею, откуда мог видеть весь склад. Ночью флуоресцентные панели, освещавшие галерею, не работали, а подвесные лампы, прикрытые колпаками, освещали только нижнюю часть склада.

Вдоль северной стены располагались примыкающие друг к другу офисы с плоскими крышами. В двух поблескивали окна, через которые люди, там работавшие, могли контролировать работу склада. Свет в этих офисах не горел.

Тень среди теней, Девкалион наблюдал, как одиннадцать пленников подвели к площадке перед офисами без окон, где и оставили стоять в

компании еще двадцати человек, пребывающих в том же состоянии.

Оба складских рабочих разошлись по разным офисам, закрыв за собой двери, и Девкалион воспользовался моментом, чтобы перенестись с галереи на площадку, где находились пленники. Впервые увидел блестящие серебристые шляпки гвоздей, поблескивающие на висках, и начал понимать, во всяком случае, теоретически, что сделали с этими людьми.

Глава 70

Покинув больницу, где Строителям предстояло до утра закончить убийство и переработку пациентов, чиф Рафаэль Хармильо покружил на Рейнбоу-Фоллс. Не следовал заранее спланированному маршруту, не выискивал чего-то особенного. Тайная война Коммуны с человечеством началась, и чиф хотел убедиться, что пока жители городка не знают, что их жизнь под угрозой.

Кружа по городу, он слушал сообщения своих подчиненных. Вместо обычного кода, который не обеспечивал режима секретности и служил лишь для удобства общения, они использовали код, разработанный специально для этой операции. Поэтому кто бы ни слушал эти сообщения, не смог бы понять ни их смысл, ни задачи, которые решала полиция.

Когда пришла информация об убийстве на Перселл-стрит, чиф попросил диспетчера повторить поступившее донесение. Кодовая цифра один означала убийство одного из коммунаров, и Хармильо предположил, что это ошибка. Однако диспетчер повторила цифру, сделав на ней упор. Хармильо включил мигалку, но не сирену, и помчался на место преступления.

Два черно-белых патрульных автомобиля уже стояли у дома Бенедетто. Когда Хармильо выбирался из машины, из-за угла дома появился патрульный, Мартин Данн, и поспешил к нему.

– Кто убит? – спросил Хармильо.
– Двойник. Дениз Бенедетто.
– Как?
– Застрелена. Множественные пулевые ранения.
– Ты уверен, что она мертва?
– Кто-то знал, что для этого нужно. В нее всадили как минимум восемь пуль. Может, и больше. Возможно, всю обойму на десять патронов. Убийца действовал методично.

Вновь сев за руль, чиф Хармильо попросил диспетчера проверить, сколько человек проживало в доме Бенедетто.

Ответ поступил незамедлительно: Лоренс Бенедетто, его жена Дениз и пятилетняя дочь Кристина. Лоренс Бенедетто, точнее, его двойник, находился на боевом посту в энергетической компании. Ребенок оставался в доме с двойником матери.

Кристина не была двойником. За исключением Ариэль Поттер, которая

была не просто двойником, но и уникальным Строителем – горожан моложе шестнадцати лет замещать не собирались. Ради эффективности и из уважения к философии Создателя, все дети предназначались для переработки Строителями, некоторые в этот день и в последующий, но большинство в четверг, названный детским днем.

Хармильо вошел в дом Бенедетто в тот самый момент, когда патрульные Данн и Капоника спускались по лестнице со второго этажа.

– Здесь должен быть ребенок. Маленькая девочка.

– В доме девочки нет, – ответил Капоника.

Хармильо подумал о Брюсе Уокере и Тревисе Ахерне, о Намми О’Бэнноне и этом бродяге Лиссе. Они к случившемуся отношения не имели.

Он побежал к патрульной машине и по радио распорядился выставить блокпосты на всех дорогах чуть дальше административной границы города.

Коммунарам-операторам на телефонной станции приказал отключить проводную связь, как местную, так и междугородную. Мобильная связь в пределах Рейнбоу-Фоллс продолжила работу, но ретрансляторы, передающие сигнал за пределы города, обесточили. Отключили и кабельное телевидение, обеспечивающее доступ в Интернет.

И теперь им предстояло найти стрелка, разрядившего пистолетную обойму в двойника Дениз Бенедетто. И найти быстро.

Глава 71

В ресторане Долли Сэмплс и Лорин Рудольф стояли у стойки бара и беседовали об уменьшении объема груди хирургическим способом, когда из-за синего бархатного задника на сцену вышел красивый молодой человек.

Бар не работал. Прихожане приносили еду, которую могли есть все, но те, кто хотел выпить, сами заботились о себе.

Из-за внушительных размеров груди последние три или четыре года у Лорин болела спина и шея. Ей также не нравились взгляды, которые бросали на нее не в меру дерзкие мужчины. Основываясь только на том, что видели их глаза, они, похоже, думали, что она слаба на передок, хотя на самом деле Лорин была верной женой, и ее самые серьезные проступки состояли в том, что иногда она смотрела дневные ток-шоу, в которых приглашенные ведущими женщины признавались, что спали с зятьями, а мужчины средних лет мечтали лечь под нож хирурга, чтобы стать молодыми женщинами и танцевать в Вегасе.

Ее муж, Нельсон, не возражал против хирургического вмешательства, даже поддерживал эту идею. Он говорил, что женился на ней не из-за размера бюстгалтера. «Козочка моя, к алтарю меня привели твои синие глаза, твое жаркое и доброе сердце. Оставь ровно столько, чтобы удержать тебя на плаву, если ты свалишься в реку».

Лорин боялась ложиться под нож. Вдруг что-то пойдет не так, и кто тогда будет поднимать двоих детей и ухаживать за ее матерью-инвалидом? Кроме того, она думала, что это, возможно, неправильно, обращаться к пластическому хирургу, чтобы изменить данное Господом тело. Не грешно, конечно, но неблагоприятно.

– Лорин, это глупо, – возразила ей Долли Сэмплс. – Бог дал тебе и аппендикс, но, если происходит воспаление, Он же не ожидает, что ты позволишь аппендиксу лопнуть, и умрешь, как собака.

В этот самый момент красивый молодой мужчина и ступил на сцену, а справа от него появился второй молодой мужчина, такой же красивый, как первый. Тут же к ним присоединилась ослепительно красивая молодая женщина, каких Долли видеть еще не доводилось.

Она указала Лорин на сцену, и у той вырвалось: «Даже Осмонды^[45] никогда так хорошо не выглядели. Прямо-таки три ангела».

– Преподобный Фортис ничего не говорил о приглашенных артистах.

– Они определенно артисты, – согласилась Лорин. – Среди обыкновенных людей таких красавцев нет.

– Большинство артистов в подметки им не годится, – добавила Долли. – Готова спорить, и голоса у них потрясающие. По-другому и быть не может. Но где их гитары?

– Не выглядят они, как комики, – заметила Лорин. – Они выглядят, как певцы.

– И я о том же.

Все трое стояли плечом к плечу, широко улыбаясь собравшимся семьям прихожан, и улыбки эти настолько притягивали взгляды, покоряли присутствующих, что разговоры в ресторане быстро стихли. По всему залу прихожане поворачивались, чтобы посмотреть на артистов. Некоторые дети вставали на стулья, чтобы видеть поверх голов взрослых. Люди, которые сидели в кабинках мезонина, поднимались и подходили к ограждению, отделявшему мезонин от основного зала.

Преподобный Фортис появился из-за бархатного задника позади троицы красавцев. Вскинул руки, и в ресторане установилась полнейшая тишина.

– Братья и сестры, – обратился преподобный Фортис к своей пастве, – эти три ягненка Господа пришли, чтобы унести все грехи этого мира. Не бойтесь того, что они говорят или делают, ибо они здесь, чтобы сопроводить вас в новый Иерусалим.

Долли Сэмплс, по-прежнему у стойки, повернулась к Лорин.

– Что он такое говорит? Тебе не кажется, что это бред?

– Да, не похоже на преподобного Фортиса. Голос его, но слова – какой-то вздор.

Трое молодых певцов, которые все-таки певцами не были, сошли со сцены на танцевальную площадку, где прихожане в недоумении расступались перед ними, словно пропускали особ королевской крови.

Ослепительно красивая молодая женщина остановилась перед Джонни Танкредо, по прозвищу Танк, такого здорового, что он мог поднять лошадь, и настолько нежного, что лошади эта процедура понравилась бы.

Танк ей улыбнулся, и все застыли в ожидании, как бывало, скажем, на концертах Гарта Брукса, а потом вдруг стало понятно, что молодая женщина уже не улыбается, а зевает. Зевок становился все шире и шире, пока рот не занял большую часть лица, и тут изо рта вылетел рой пчел, который при этом был частью женщины, а не существовал отдельно. Рой этот пробил лицо Джонни Танкредо, вышел из затылка и подтащил его к молодой женщине, которая уже перестала быть таковой. После чего

Джонни начал разваливаться.

– Да поможет нам Иисус, – выдохнула Долли, полезла в сумочку и вытащила кольт тридцать восьмого калибра.

Лорин достала из своей сумочки пистолет «СИГ П-245»^[46].

– Восславим Господа, выведите отсюда детей.

Люди кричали, но не так много, как мог бы ожидать при сложившихся обстоятельствах Гленн Боутин, механик по ремонту автомобилей, в свободное от работы время разводивший лошадей, и уж точно они кричали, не как в фильмах ужасов. Большинство выкрикивало имена детей, жен, мужей. Семьи собирались вместе, чтобы потом выбираться из ресторана.

Его «смит-и-вессон» модели 1076, гражданская версия фэбээровского пистолета, заряженный патронами «Гидра-Шок»^[47], возможно, и не стоило применять против той твари, что сейчас пожирала Танка Танкредо, но с таким пистолетом он вполне мог разобраться с преподобным Келси Фортисом, который, очевидно, уже перестал быть преподобным и перешел на сторону Сатаны.

Гленн поднялся на сцену, где преподобный, лыбясь, как дьявол, покачивался взад-вперед. Преподобный не сумел быстро выхватить оружие, чтобы открыть ответный огонь, чем окончательно убедил Гленна, что перед ним совсем не Келси Фортис, снаровкой которого всегда восторгался Гленн. И тот факт, что потребовались семь пуль с полым наконечником, чтобы свалить преподобного на пол и оставить его там, только подтвердил, что в тело преподобного вселился дьявол, а то и что-то похуже.

Кто-то закричал, что парадная дверь заперта снаружи.

* * *

Вэн Колперт, который дважды побывал в Афганистане, тут же убедил Тернера Варда и Дуги Стинсона, что другие двери, раз уж парадная заперта, также окажутся на замке, и нет смысла бегать от одного бесполезного выхода к другому.

Оставив женщин и нескольких мужчин постарше собирать детей у главного выхода, трое мужчин направились к бару, держась подальше от неведомых машин-убийц, чем бы они ни были. Слово «машины» вроде бы очень к ним подходило. Что-то во всем этом было от «Терминатора».

Эрскин Поттер стоял за стойкой, один, и по его самодовольному лицу

Вэн Колперт сразу понял, что перед ним Иуда. Ван застрелил его из «Магнума» сорок четвертого калибра, и Тернер Вард застрелил его из модифицированного «Браунинга хай-пауэр», и Дуги Стинсон, забравшись на стойку бара, четырежды застрелил его из двух револьверов «смит-ивессон».

Поттер держал под стойкой помповик двенадцатого калибра^[48], заряженный дробью. Он никогда не использовал его в баре, но, случилось, охотился с ним на холмах за рестораном.

Дуги передал помповик Вэну, а сам перелез через стойку с коробкой патронов в руке.

– Фортис и Поттер не единственные предатели, – предупредил Вэн Колперт. – Не теряйте бдительности, и да пребудет с вами Господь.

– Да пребудет и с тобой Господь, – хором откликнулись Тернер и Дуги.

Они вновь направились к парадной двери, стараясь держаться подальше от машин-убийц. Вокруг снова ревел Афганистан, только с монстрами вместо талибов.

* * *

Брок и Дебби Кертис, которые честно зарабатывали на жизнь, организуя для жителей больших городов сплав по реке, рыбалку и охотничьи экспедиции, нашли своих детей, Джорджа и Дика, и повели их от больших столов со снедью к мезонину.

Брок увидел, как Вэн, Тернер и Дуги возвращаются от стойки бара с помповиком Поттера, и благодаря Провидению оказался позади Тома Зелла и Бена Шэнли, когда Бен сказал Тому: «Ты берешь Колперта, я беру Варда и Ститсона».

Мужчины держали большие револьверы обеими руками, их намерения не вызывали сомнений, и Брок видел, сколько пуль потребовалось Гленну Боутину, чтобы уложить Келси Фортиса. Дебби, судя по всему, тоже услышала сказанное Беном Шэнли, потому что хорошо относилась к этому человеку и иначе не всадила бы ему в спину пять пуль. Так что Брок осталось нейтрализовать лишь Тома Зелла. Судя по тому, что они корчились на полу и едва вновь не вскочили на ноги, Брок окончательно убедился в том, что никакие они не члены городского совета, а что-то гораздо худшее, и он добил их с помощью Дебби.

Двустворчатую дверь изготовили из стали, согласно требованиям противопожарной безопасности, но дверная коробка осталась деревянной, и петли находились внутри.

Основной шум шел от машин-убийц, и Тернер, перекрывая его, крикнул всем, кто находился в мезонине около двери, что надо пригнуться и прикрыть голову, чтобы никого не задело рикошетом.

Вэн Колперт, не считаясь с вероятным риском (отскочившие от стали свинцовые дробины могли сильно поранить его), четырьмя выстрелами выбил дерево вокруг двух петель. Загнал еще один патрон в патронник, три – в подствольный магазин, и разобрался с третьей петлей.

Дуги и Тернер привалились плечами к створке, которая теперь удерживалась на месте только цепями, которые связывали ручки обеих створок с тонкой центральной стойкой между створками. Стойка треснула, створка чуть развернулась, Вэн бросил помповик, чтобы помочь Дуги и Тернеру приподнять створку, которую они заворачивали влево, не позволяя ей цепляться за бетон.

Дети вышли первыми, побежали к родительским пикапам и внедорожникам, и Вэн подумал, мысленно поблагодарив за это Господа, что они не потеряли ни одного ребенка.

Они, однако, потеряли четверых или пятерых взрослых, и он не знал, кого именно, за исключением Танка Танкредо и Дженни Виннерлинг. Пока люди выходили, возможности провести переключку не было, и он крикнул Тернеру и Дуги, чтобы забирали свои семьи и уезжали. А ему оставили тех, кого требовалось подвезти. Вэн жил один, и его внедорожник «Шевроле-Субурбан» мог вместить целую толпу.

Как выяснилось, Том Виннерлинг погиб, пытаясь спасти Дженни, и подвозить ему пришлось только троих детей Виннерлингов, восьмилетнего Кабби, десятилетнюю Джанин и четырнадцатилетнего Ника.

Младшие дети плакали, но Ник крепко сцепил зубы от злости и дал себе слово не проронить ни слезинки. Он хотел отвезти брата и сестру домой на родительском «Маунтинере».

Шины отъезжающих автомобилей шуршали по асфальту, и Вэн Колперт одним глазом поглядывал на парадную дверь, когда обратился к Нику:

– Я знаю, что ты можешь отвезти их домой, если это нужно, и я подозреваю, что ты можешь сделать все, что потребуется от тебя, но дома

теперь не будет никого, кроме тебя, Кабби и Джанин. Мы не знаем, что происходит сейчас, что произойдет потом, а происходит что-то серьезное, поэтому вам пока придется побыть со мной. Мы вместе попали в эту историю, вместе будем из нее выбираться. Это единственный правильный путь.

Подросток еще не пришел в себя от горя, но парень он был хороший, с сильным характером, и всегда внимал голосу разума. Спорить не стал, помог брату и сестре забраться на заднее сиденье «Субурбана».

Когда они выехали на автостраду, держась рядом с последним из отъезжающих автомобилей, Ник показал Вэну пистолет «Беретта» калибром 9 мм, который подобрал с пола.

- Я оставлю его у себя.
 - Пользоваться умеешь? – спросил Вэн.
 - Я стреляю по мишеням с двенадцати лет.
 - Стрелять по реальным целям – совсем другое.
 - Понятное дело, – ответил Ник, и Вэна этот ответ вполне устроил.
- На заднем сиденье плакали двое детей.

Их плач рвал сердце Вэну, их плач и осознание того, что не в его силах вернуть им прежнюю жизнь. Он мог только надеяться, что сумеет помочь им начать новую.

- Что это за твари? – спросил Ник.
- Что-то такое, чего раньше никто не видел.
- Там нам предстоит увидеть их вновь, да?
- Готов спорить, – Вэн передал мобильник Нику. – Позвони в полицию, девять-один-один.

Но его не удивило, когда Ник попытался позвонить, а потом сказал: «Соединения нет».

* * *

Впервые за много лет Долли Сэмплс вела машину, не обращая внимания на знаки, ограничивающие скорость. Она, ее муж Хэнк и двое сыновей, Уит и Фарли, строили планы на ближайшее будущее.

Лорин Рудольф, ее муж Нельсон и их дети собирались перебраться на какое-то время в Сэмплсам, потому что их дом стоял на открытом участке и по части обороны представлялся более предпочтительным, чем дом Рудольфов. Лорин и Нельсон намеревались привезти с собой консервы, другие продукты, инструменты, патроны, оружие и кое-какие

стройматериалы, необходимые для укрепления и защиты дома Сэмплсов.

– Сегодня мы потеряли друзей, – напомнила Долли, – и не должны их забывать. Время грядет тяжелое, можете мне поверить.

– Что ж, мы всегда знали, что какой-то кризис наступит еще при нашей жизни, – напомнил Хэнк. – Просто предполагали, что это будут китайцы, или русские, или какая-то эпидемия. Мы никогда не думали о пришельцах из дальнего космоса, но, раз уж появились они, будем разбираться с ними.

– Так жаль, что я не взяла блюдо с буфета, прежде чем мы выбрались оттуда, – вздохнула Долли.

– Это всего лишь блюдо, – пожал плечами Хэнк.

– Это не всего лишь блюдо, – возразила Долли. – Это блюдо моей бабушки и мое любимое. Я собиралась передать его моей первой невестке, жене Уита или Фарли.

– Извини, не понял, – Хэнк говорил совершенно искренне. – Я забыл, какое ты сегодня взяла с собой блюдо. Если мы выберемся из этой передраги целыми и невредимыми, я как-нибудь съезжу туда и заберу его.

– Я всегда могла положиться на тебя, Хэнк Сэмплс.

– И ты все делала правильно, собирая детей в этой суете. Ты молодец, Долл.

– Мы все любим тебя, мамуля, – раздался голос Фарли с заднего сиденья, и тут же Уит повторил слова брата.

– Любовь и поможет нам пройти через это испытание, – ответила Долли. – Любовь и наш добрый Господь, и наша твердость духа, и сила характера. И пирог с тыквой. Я собиралась испечь парочку завтра, но вижу, что Господь хочет, чтобы я испекла их этим вечером.

Глава 72

В своем номере в «Фоллс-инн» Карсон и Майкл распаковали большие чемоданы, в которых лежали помповики с пистолетной рукояткой «Городской снайпер», стрелявшие только пулями, а не дробью. Это оружие сыграло чуть ли не ключевую роль в Новом Орлеане, и, возможно, помогло бы выжить и здесь. Карсон едва могла справиться с отдачей, и когда стреляла, чуть наклонялась вперед и держала помповик обеими руками, не уперев в плечо. В ином случае она просто выбила бы себе плечевой сустав. Они зарядили помповики и положили на кровать вместе с коробками запасных патронов.

Пятилетняя Крисси Бенедетто сидела в кресле, слишком большом для нее, пила виноградный газированный напиток, бутылку которого Майкл купил в одном из торговых автоматов мотеля. Она не видела, как Карсон убила не-мамочку, и, несмотря на разорванных плюшевых медведей, произошедшее не так уж и напугало ее.

– Когда придет моя настоящая мамочка, чтобы забрать меня? – спросила она, пока Карсон и Майкл готовили оружие к бою.

– Скоро, – ответила Карсон, потому что понятия не имела, как объяснить такой малышке, что ее мать ушла навсегда. От одной этой мысли перехватывало горло и так сжимало грудь, что она не могла глубоко вдохнуть.

– Она будет очень злиться на эту глупую мамочку-притворщицу.

– Да, будет, – согласился Майкл. – И должна злиться.

– И откуда взялась эта глупая притворщица-мамочка? – спросила Крисси.

– Мы собираемся это выяснить, – ответил Майкл, – и мы собираемся отправить ее обратно, и запереть на замок, чтобы больше она не смогла оттуда выйти.

– Это хорошо, – кивнула Крисси. – Хорошая газировка.

– Я приготовил ее сам.

– Нет, не ты.

– Покажи мне бутылку.

Девочка подняла бутылку, чтобы он мог увидеть этикетку.

– Ты права. Эту приготовила Карсон. Карсон, это одна из твоих бутылок с газировкой.

Карсон не ответила, боялась, что голос дрогнет. Перед глазами стояла

Дениз Бенедетто с серебристым диском на виске, кровью, текущей из-под диска и из носа. *«Я это не я. Скажите моей малышке».*

– А вы кто? – спросила Крисси.

– Мы друзья твоей мамочки. Она прислала нас, чтобы забрать тебя.

– Где она?

– Она в большом городе, покупает тебе новых плюшевых мишек.

– В каком большом городе?

– В большом городе, – повторил Майкл. – В самом большом из больших городов, где очень много плюшевых мишек, и есть, из чего выбрать.

– Вау. Я бы хотела, чтобы она была здесь.

– Она скоро приедет, – заверил ее Майкл.

– Мне нужно глотнуть свежего воздуха, – наконец подала голос Карсон. – Я на минутку.

Она вышла из комнаты, отошла на пару шагов от двери, привалилась спиной к стене мотеля и заплакала.

Через минуту-другую кто-то сжал ее плечо, и она подумала, что пришел Майкл, чтобы утешить ее, но, открыв глаза, увидела Девкалиона.

– Для тебя это что-то новое.

– С нами теперь маленькая девочка. Я уверена, что она сирота. И таких в этом городе будет много.

– Почему ты стала мягче?

– Скаут.

– Я так и думал.

– Не волнуйся. Я смогу взять себя в руки.

– Нисколько в этом не сомневаюсь.

– А что делать с ней? С маленькой Крисси? С нами она в опасности.

– Я отправлю ее к Эрике.

– К Эрике и... Джоко?

Он улыбнулся.

– Да какой ребенок не влюбится в Джоко... особенно, если при первой встрече на нем будет колпак с колокольчиками?

– Хорошо. Я хочу рассказать тебе о ее матери. Пока все не закончится, тут станет хуже, чем в Новом Орлеане.

– Уже стало, – ответил Девкалион. – Мне тоже есть что вам рассказать.

Путь Джокко в Сеть начался со спутниковой антенны на крыше. Выйдя в Сеть, он подключился к телефону-автомату в центре Денвера. Через него связался с Сиэтлом. Потом с Чикаго. Пряча следы. Не так просто это сделать, если начинаешь со спутниковой антенны. Но возможно, если ты Джокко. *Банзай!*

Он начал с легких прикосновений к клавиатуре. Вскоре барабанил по клавишам. В чулане они держали запасные клавиатуры. Иногда Джокко разбивал их, когда работал ногами, а руки использовал для другого.

Он сидел в шутовском колпаке, красно-зеленом с серебряными колокольчиками. Когда выбивал пароли, словно уток в тире, комнату наполнял веселый перезвон.

И как же ему это нравилось. Никогда он не чувствовал себя счастливее. Один из хороших парней! Кибер-коммандос! Лучше могло быть одно – обгрызать кусок мыла.

* * *

Теперь он называет себя Виктор Лебен. Leben на немецком жизнь. Он – создатель жизни и абсолютный ее истребитель. Его жизнь – и есть жизнь.

Плазменная панель во всю стену погашена. Он остается на стуле, думает о том, что произошло.

Его не волнует неожиданное развитие событий в ресторане. Планы составлены на все случаи непредвиденных обстоятельств.

А кроме того, уже многие Строители дозревают в своих коконах, и после того, как новые вылупятся, захват Рейнбоу-Фоллс значительно ускорится. Появления первого следует ожидать к утру.

Он уверен, что Хармильо и его команда никому не позволят покинуть город. В их распоряжении имеется все необходимое для того, чтобы блокировать Рейнбоу-Фоллс, в том числе и целый флот беспилотников, оснащенных приборами ночного видения и вооруженных управляемыми снарядами. Они будут кружить над окрестными полями и холмами. И любой пеший или конный, любой, кто попытается объехать блокпост на внедорожнике, будет замечен и уничтожен.

Виктор Безупречный, в отличие от исходного Виктора, не ощущает необходимости быть кукловодом, держать все ниточки в своих руках. Он передает многие полномочия и уверен в своих подчиненных.

Пока он размышлял о событиях в ресторане, кто-то неслышно пришел и ушел, оставив розовую капсулу на белом блюде, которое стоит на

маленьком столике у его стула. Он берет капсулу, запивает глотком бутилированной воды.

Мысленно проходимся по стратегии и тактике захвата Рейнбоу-Фоллс. План грандиозный. Нет необходимости вносить коррективы. Он продумал все.

* * *

Тревис следом за Брюсом поднялся на крыльцо и наблюдал, как старик нажимает на кнопку звонка.

– Тебе мой друг понравится, – Брюс посмотрел на мальчика. – Салли Йорк. Его жизни может позавидовать любой. Настоящий боец и всегда сам себе хозяин. Большинство из нас никогда не решились бы на то, что он делал постоянно, в экзотических и обычно враждебных уголках этого мира. Всегда действовал на благо страны и отовсюду возвращался с победой.

Дверь открылась, и на пороге появился лысый мужчина с одним ухом, повязкой на глазу, золотыми зубами и толстым шрамом от правого глаза до уголка рта.

– Салли, – заговорил Брюс, – я хочу познакомить тебя с Тревисом Ахерном. Тревис, это полковник Салли Йорк.

– Рад встрече, – раздался скрипучий голос, и полковник протянул сложный протез из стали и меди, чтобы Тревис его пожал.

* * *

Мистер Лисс нашел автомобиль с ключом в замке зажигания. Он сказал, что люди оставляют ключи в своих автомобилях, когда хотят, чтобы другие люди ими воспользовались, но Намми ему не поверил.

– Это воровство, вот что это такое, – заявил он.

Они ехали по Коди-стрит, направляясь к административной границе города.

– Однажды я доехал от Детройта до Майами, ни разу не прикоснувшись к педали тормоза, – сообщил мистер Лисс.

– Это такая же неправда, как и ваши слова о том, что люди оставляют ключи в автомобиле, чтобы вы им воспользовались.

– Персиковое варенье, после того, что мы пережили вместе, ты уже мог бы мне верить. Я забрался в новый автомобиль, который перегоняли из

Детройта в Майами на специальном трейлере для перевозки новых автомобилей. Водитель понятия не имел о том, что везет и меня.

Намми подумал, что это, возможно, и правда, с учетом того, что речь шла о мистере Лиссе, который знал, как обеспечить себя всем необходимым, не потратив ни единого цента.

– Что ж, теперь я сожалею о том, что обозвал вас лжецом.

– Ты и должен сожалеть.

– Так я сожалею.

– Может, в будущем ты станешь чуть больше мне доверять, – предположил мистер Лисс.

– Да, стану.

– Черт! – вырвалось у мистера Лисса, и он свернул на обочину, остановив автомобиль. Впереди патрульные машины со включенными мигалками перегородили обе полосы движения. – Блокпост.

– Они ищут беглецов из тюрьмы, – указал Намми, – и это мы.

– Это не настоящие полицейские, парень. Это полицейские-монстры.

Мистер Лисс развернул автомобиль, и они поехали обратно в город.

– Что теперь? – спросил Намми.

– Я что-нибудь придумаю, – ответил мистер Лисс.

– Вы уже что-нибудь придумали? – спросил Намми через полминуты.

– Еще нет.

– Вы уже что-нибудь придумали? – спросил Намми, когда они остановились на красный свет перед Беатут-авеню.

– Еще нет.

Красный свет сменился зеленым, мистер Лисс выехал на перекресток.

И когда Намми только открыл рот, мистер Лисс ответил на еще не высказанный вопрос:

– Еще нет.

* * *

В сумраке между двумя уличными фонарями Фрост и Даггет сидели в автомобиле Фроста, припаркованном у тротуара на другой стороне улицы напротив дома Бенедетто. Они наблюдали, как двое полицейских выносят из дома труп, упакованный в черный мешок.

– А где минивэн коронера^[49]? – спросил Фрост.

– Вероятно, у них свои порядки, которые нам, агентам Бюро, представляются неприемлемыми.

Копы уложили тело в мешке в багажник патрульного автомобиля и захлопнули крышку.

– Это так же абсурдно, как скетч Эббота и Костелло^[50], но не смешно, – заметил Фрост.

– Да что, черт побери, происходит в этом городе? – спросил Даггет.

– Не знаю, – ответил Фрост, наблюдая, как патрульный автомобиль отъезжает от дома. – Но мне все это совершенно не нравится.

* * *

Девкалион забрал Крисси к Эрике.

Карсон и Майкл надели водонепроницаемые, утепленные спортивные костюмы и лыжные ботинки.

В один из карманов на молнии Карсон сунула фотографию Скаут, чтобы быстро добраться до нее и взглянуть, если все будет катиться к худшему.

– Ты готова? – спросил Майкл.

– Я родилась готовой.

Они выписались из «Фаллс-инн». На какое-то время «Джипу Чероки» предстояло стать их оперативной базой.

До того, как стало ясно, сколь далеко продвинулся Виктор в своей новой аванюре, и им казалось, что Виктора придется выкуривать из его логова, они зарегистрировались под своими настоящими именами. С учетом случившегося после обеда и рассказа Девкалиона о бело-синих грузовиках и происходящем на складе, необходимость в выкуривании Виктора отпала. Его создания находились вокруг них, и, таким образом, он находился вокруг них. Поэтому не оставалось сомнений, что очень скоро их попытаются найти.

Пока же им предстояло решить четыре задачи: остаться в живых, при минимуме шансов, убедить жителей Рейнбоу-Фоллс в нависшей над ними угрозе, сражаться с врагом и каким-то образом дать знать окружающему миру, что здесь началась первая битва Армагеддона.

Оставшиеся патроны, другое оружие, различное снаряжение, которое используется в их профессии, они уложили в один большой чемодан, который поставили в багажное отделение джипа.

Когда Майкл захлопнул заднюю дверцу, Карсон протянула ему ключи.

– Хочешь сесть за руль?

Он покачал головой.

– Плохая идея.
– Возможно, больше шанса не будет.
– В изменении нашей привычной расстановки смысла не больше, чем для англичан – переизбрание Черчилля по ходу Второй мировой войны. Они такой глупости не сделали, вот и мне ни к чему.

В «Чероки», после того, как Карсон завела двигатель, Майкл наклонился через консоль, положил руку на затылок Карсон, притянул ее к себе. Глаза в глаза, губы в губы – сказал: «Ты помнишь, что у каждого из Новых людей в Новом Орлеане было два сердца? А у нас на двоих, похоже... одно. Если этой ночью я умру, жизнь мне выпала лучшая, чем я того заслужил, только потому, что у меня была ты, – он ее поцеловал, и она вернула поцелуй, понимая, что следующего может и не быть.

– Я люблю тебя, Майк, – сказала Карсон, когда они отстранились друг от друга. – Клянусь Богом, люблю. Но, если ты еще что-нибудь скажешь насчет смерти, я дам тебе такого пинка, что твой зад окажется между лопаток.

Когда она включила передачу, пошел первый снег сезона. Снежинки, большие, как монеты в полдоллара, и изрезанные, словно листья папоротника, планировали из ночи и соскальзывали по ветровому стеклу. Для Карсон каждая снежинка казалась добрым знаком, доказательством того, что даже из темноты могут одна за другой приходить милости Божьи.

notes

Примечания

1

Фильм «Истинная доблесть» (1969) снят по одноименному роману американского писателя Чарльза Портиса. Фильм получил премию «Оскар» в категории «Лучшая мужская роль» (Джон Уэйн).

Речь о том конце света, что обещан в 2012 г., через два года после написания книги.

3

Замогильная смена – с полуночи до восьми утра.

4

Английское выражение **jerking someone's chain** – дурить кому-то голову.

5

Английское выражение **to get cold feet** – струсить.

Крошка (Малютка) Тим – один из персонажей «Рождественской песни» Чарльза Диккенса.

«Фуд нетуок» – кабельный канал, посвященный различным аспектам приготовления пицци.

Новый Орлеан расположен у места впадения Миссисипи в Мексиканский залив.

Автомобильный пул – группа автовладельцев-соседей, живущих в пригороде, каждый из которых по очереди возит остальных на работу на своей машине. Эта форма кооперации стала популярной во время нефтяного кризиса 1970-х гг. и сохраняется в больших городах и сегодня. По понятным причинам поощряется городской администрацией.

Личностный тип-А – в 1960-х годах было совершенно четко установлено, что определенные личностные черты связаны с большей подверженностью стрессу и вызываемым им заболеваниями, в частности, сердечными. Эти личностные черты назвали «тип А». Как правило, это напористый, всегда готовый твердо отстаивать свою точку зрения человек с развитым чувством ответственности. Он чрезвычайно активен и всегда готов интенсивно работать. Ему постоянно не хватает времени, и поэтому он привык ускорять все, что делает. Он тороплив, опрометчив, нетерпелив, с трудом выносит стояние в очередях.

Прием Хаймлиха – метод спасения, используемый при попадании в дыхательные каналы чужеродных тел, названный так в честь его изобретателя, президента института в Цинциннати, доктора медицины Генри Хаймлиха (р. 1920).

Роджерс, Фред Макфили (1928–2003) – американский педагог, пресвитерианский священник, певец, ведущий детской передачи «По соседству с мистером Роджерсом» (1968–2001). Среди детских передач-долгожителей уступает только «Улице Сезам».

Вечеринка жалости – встреча людей, которым есть о чем пожалеть, скажем, о царапине на автомобиле или о сломанном ногте, или о тройке на экзамене.

Олимпийский бассейн – бассейн длиной пятьдесят метров с восемью плавательными дорожками и двумя боковыми.

«Блэкберри/BlackBerry» – беспроводное ручное устройство, представленное в 1997 году канадской компанией РИМ/RIM (**R**esearch **I**n **M**otion). В 1997 году устройства выглядели как пейджеры с большим экраном. Основная функция – мгновенное корпоративное общение. Современный Блэкберри – смартфон, имеющий возможность работы с электронной почтой, sms, позволяющий достаточно удобно просматривать интернет-страницы, а также работающий с другими удаленными сервисами.

Криптонит – в комиксах про Супермена единственный материал с его родной планеты, способный лишать героя его феноменальной силы.

Эпинефрин – синтетический адреналин (основной гормон мозгового вещества надпочечников, а также нейромедиатор).

56 градусов по Фаренгейту соответствуют 13,33 градусам по Цельсию.

Фрост – от английского frost (мороз).

Мистер Лисс выше заметил, что в городе много «медвежьих названий». Беатут-авеню – одно из них. Beartooth – медвежий зуб.

Рейнбоу-Фоллс (Rainbow Falls) – в переводе с английского Радужные водопады.

Беапо-лейн – очередное медвежье название. Беаграу – медвежья лапа.

Шейкеры – христианская секта протестантского происхождения. Из Европы перебрались в США в 18 в. Во всем избегали излишеств, отдавая предпочтение минимализму.

Биллингс – крупнейший город штата Монтана.

«Маленькие женщины» – известный роман американской писательницы Луизы Олкотт (1832–1888), опубликованный в 1868 г. Неоднократно экранизировался (последний раз в 1994 г.). Переведен на русский язык.

Гортекс – отличающийся высокой водонепроницаемостью дышащий материал.

Термолайт – синтетическое волокно на основе полиэстера. Хорошо проводит влагу на внешние слои одежды, почти не впитывая ее, чаще всего используется в качестве утеплителя.

Термолофт – полиэстровый нетканый материал, в котором волокна снабжены каналами, заполненными воздухом, что гарантирует отличные термоизоляционные свойства.

Стюарт, Джимми (1908–1997) – известный американский киноактер, лауреат премии «Оскар» (1940). Добровольцем ушел на Вторую мировую войну, прошел путь от рядового до полковника. В отставку официально вышел только в 1968 г., в чине бригадного генерала. В 1946 г. вновь начал сниматься.

Матушка Хаббард – героиня детской книги «Веселые приключения матушки Хаббард и ее собаки» (1805) английской писательницы Сары Кэтрин Мартин (1768–1826)

В первой книге Моисеевой «Бытие» в главе 1 первые 25 абзацев посвящены сотворению мира, 26-й начинается словами: «И сказал Бог: сотворим человека...»

«Женщины-помощницы ветеранов зарубежных войн» – общественная организация, созданная в 1914 году.

«Общество красных шляпок» – общественная организация женщин среднего возраста, созданная в 2001 г.

«Американский кумир» – популярная музыкальная передача, конкурс начинающих исполнителей.

Entourage – в данном контексте попутчик (*фр.*).

«Национальная стрелковая ассоциация» – общественная организация, основанная в 1871 г. Насчитывает более 3 миллионов членов – владельцев оружия и лиц, выступающих в защиту права владения оружием.

Риталин (метилфенидат) – лекарственное средство из группы психостимуляторов. В России и ряде других стран изъят из оборота лекарственных средств. В то же время в некоторых странах (в частности, в США и Израиле) используется для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности, неврологическо-поведенческого расстройства развития, начинающегося в детском возрасте.

Карсон намекает на Рональда Рейгана, который чаще всего снимался в ковбойских фильмах.

«Рото-рутер» – известная американская компания, специализирующаяся на прочистке канализационных труб.

Пиньята (от исп. piñata) – горшочек со сладостями, который во время праздника подвешивается к потолку. Кому-то из присутствующих завязывают глаза и просят разбить его палкой.

Нэшвилл – административный центр штата Теннесси, столица музыки кантри.

Архетип – первоначальная модель, впервые сформированный исконный тип.

В оригинале слово «baby». У этого английского слова значений еще больше.

«Греческое возрождение (неогрек)» – архитектурный стиль, возникший в 1820-х годах, основанный на «возвращении» к классическим греческим образцам.

«Осмондс» – американская семейная поп-группа, образованная в Огдене, Юта, в начале 60-х годов братьями Аланом, Уэйном, Мерилом и Джем Осмондами. Первый коммерческий успех к ней пришел в начале 70-х годов, когда в состав вошли Донни и Джимми Осмонды. Первый же сингл, написанный для «Осмондс» продюсером Риком Холлом, «Плохой человек/One Bad Apple» (1971) поднялся на 1-е место в американских хит-парадах и продержался 5 недель на вершине.

Эти и прочие, упомянутые ниже пистолеты и револьверы объединяет большой калибр.

Патроны «Гидра-Шок» благодаря особой конструкции пули обеспечивают более глубокое проникновение.

Наружный диаметр ствола оружия 12-го калибра – 18,5 мм.

Коронер – должностное лицо, специально расследующее смерти, имеющие необычные обстоятельства или произошедшие внезапно, и непосредственно определяющее причину смерти.

Эббот и Костелло – знаменитый комедийный дуэт 1930–1950-х гг., в который входили Бад Эббот (1895–1974) и Лу Костелло (1908–1959).